

ГЫЛИНЫ
И ПЕСНИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ

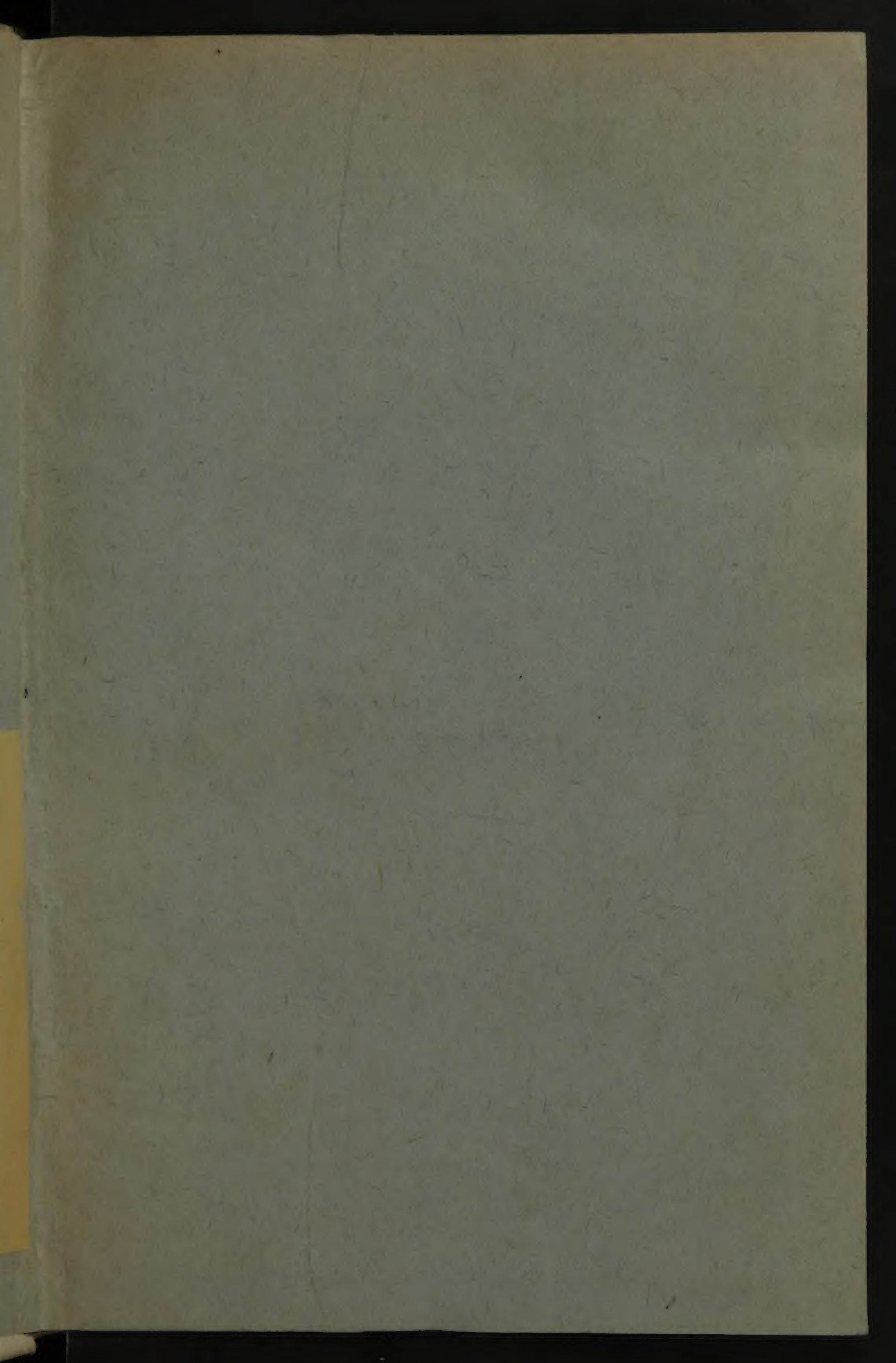
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

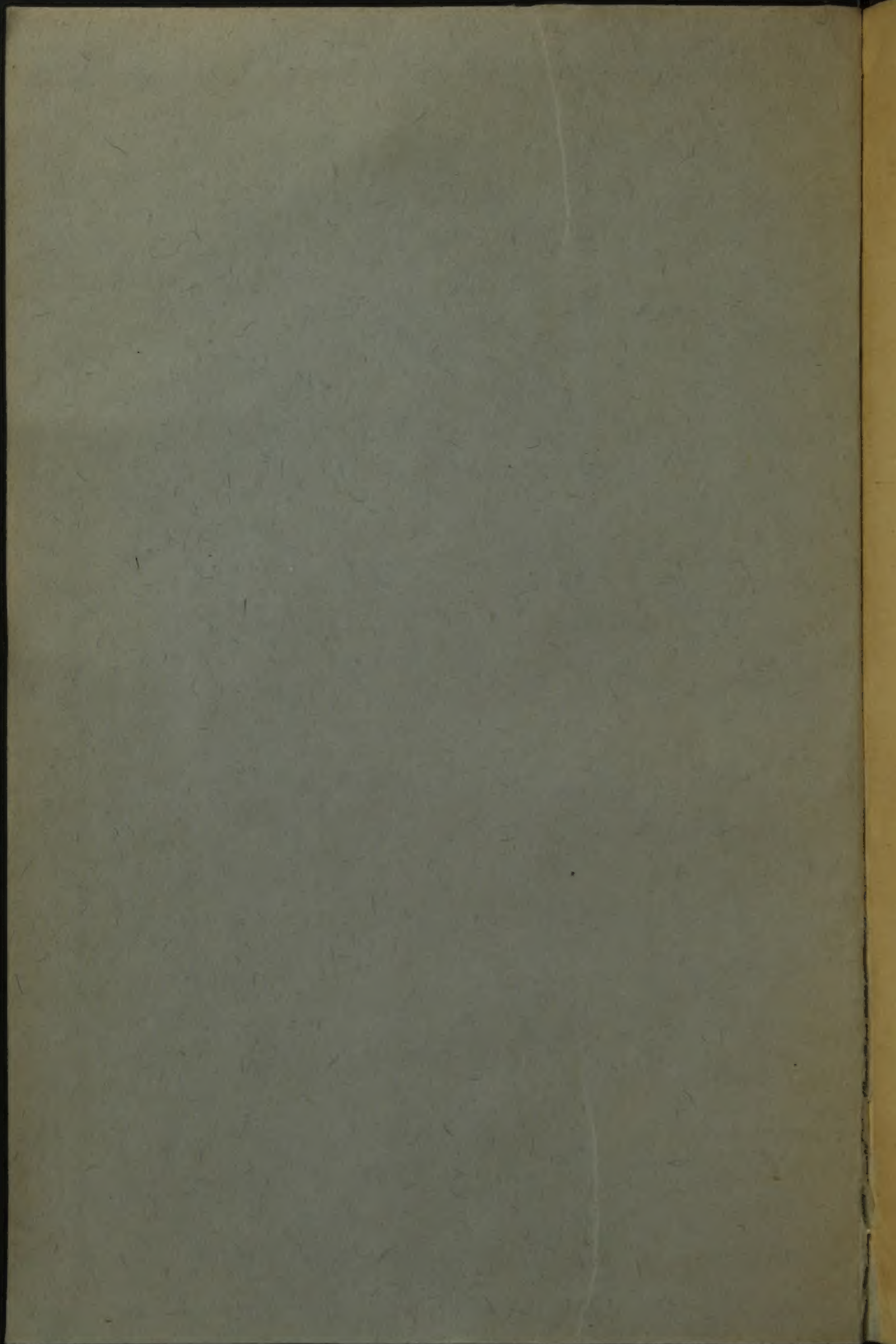
II

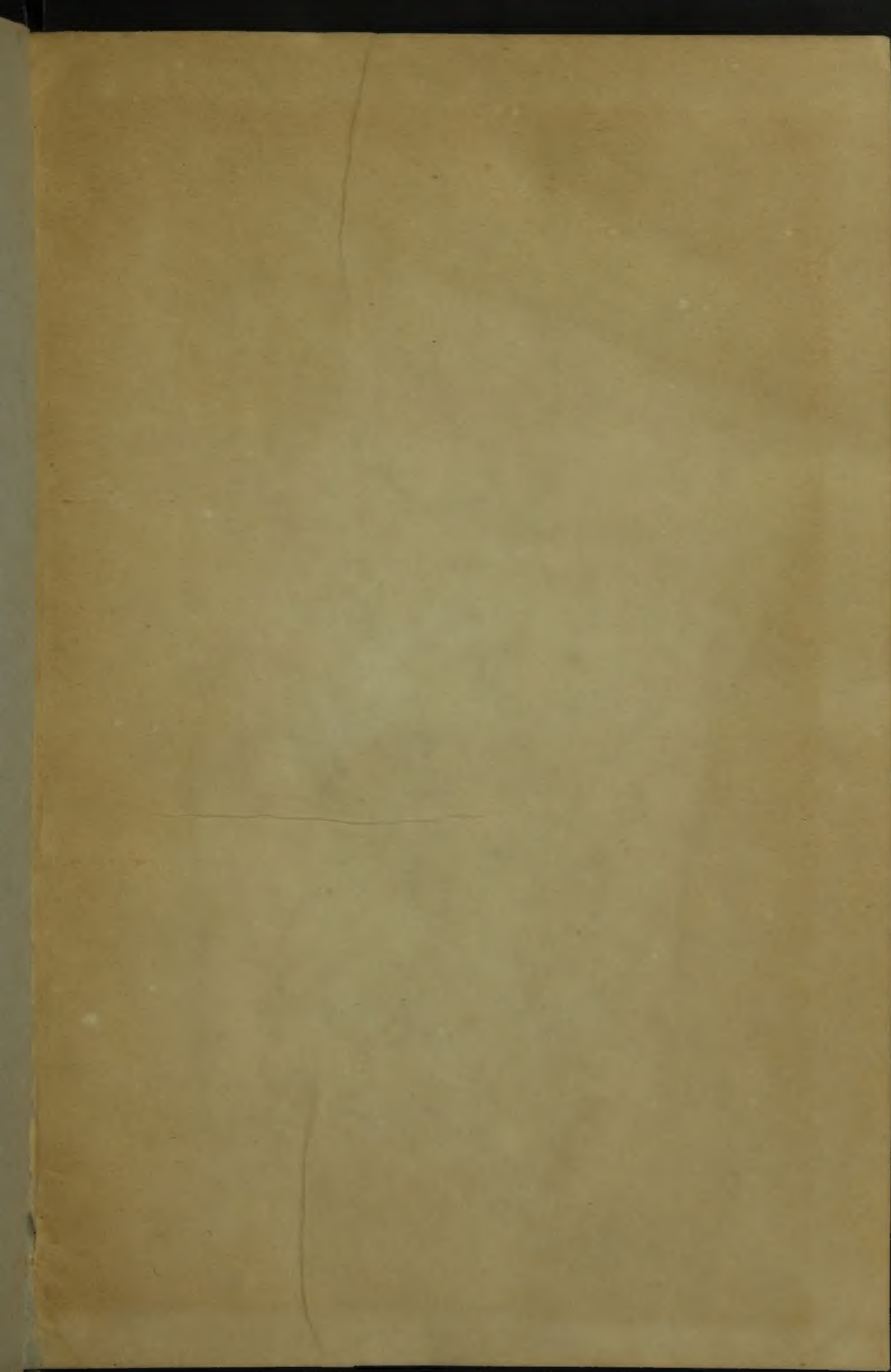
177078

Колич. предыд. выдач _____

Тид. «Московский большевик», 3, 4414,

Степан Иванович Гуляев.

2.2. кн 177078

П-87

8-1
Г94

**БЫЛИНЫ
И ПЕСНИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Собрание
С. И. ГУЛЯЕВА

Под редакцией профессора доктора исторических наук
В. И. ЧИЧЕРОВА

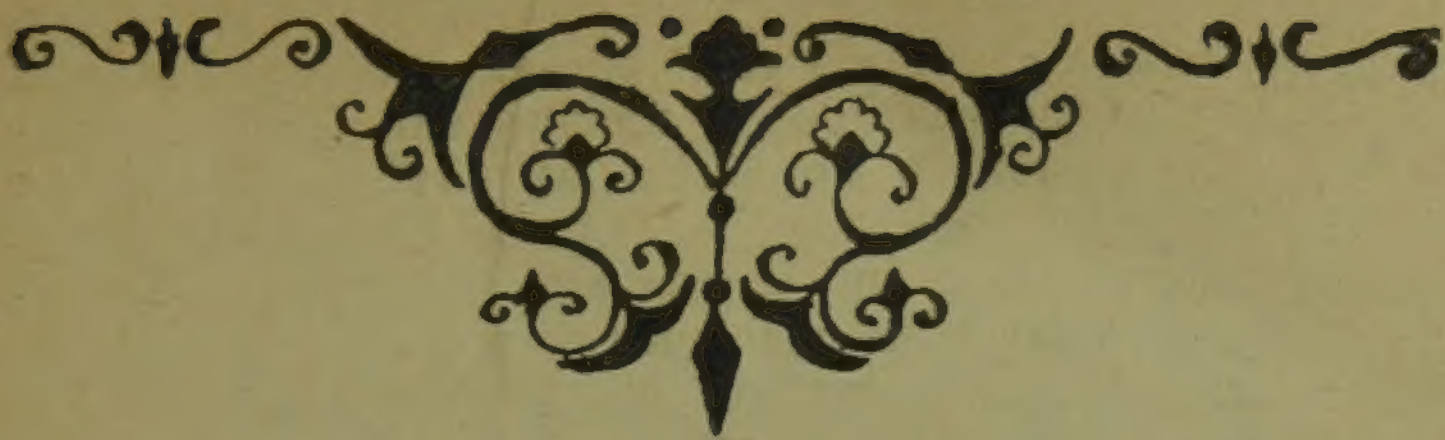

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1952

81078 / кн 177078

1000000

С. И. ГУЛЯЕВ — КРАЕВЕД И СОБИРАТЕЛЬ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Великий русский революционер-демократ и критик В. Г. Белинский писал: «...какой благодарности заслуживают те скромные, бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и жертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения»¹.

Таким скромным, бескорыстным тружеником, много сделавшим для изучения своего края, был сибирский этнограф, краевед и фольклорист XIX в. Степан Иванович Гуляев.

К сожалению, деятельность С. И. Гуляева ещё недостаточно изучена. Многие стороны его краеведческой работы не освещены, собранные им устно-поэтические материалы полностью не опубликованы и в должной мере не проанализированы.

С. И. Гуляев всю жизнь посвятил исследованию Алтая и Сибири. Его многогранная работа представляет большой интерес и заслуживает всестороннего изучения. Необходимо определить место С. И. Гуляева в развитии советской этнографии и фольклористики.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под редакцией Венгерова, т. III, стр. 448.

В настоящее время мы располагаем богатым архивом С. И. Гуляева, до сих пор не использованным исследователями¹. Обширный материал архива просмотрен и частично изучен нами, здесь находятся многочисленные подлинные рукописи опубликованных и неопубликованных работ краеведа по различным вопросам, полевые и беловые рукописи изданных и неизданных С. И. Гуляевым народно-поэтических произведений, документы, характеризующие общественное лицо собирателя, материалы его корреспондентов, письма и т. д. Всё это проливает свет на многие стороны личности и деятельности С. И. Гуляева и даёт возможность охарактеризовать его широкую научно-краеведческую работу, полнее представить собранные им произведения русского народного творчества, выправить неточности, вкравшиеся в ранее напечатанные записи его текстов.

Наша работа имеет своей целью: охарактеризовать научную деятельность С. И. Гуляева, осветить значение его этнографических и фольклорных работ для советской науки; дать наиболее полное собрание записанных С. И. Гуляевым устно-поэтических произведений.

I

Жизнь и деятельность С. И. Гуляева (1805—1888 гг.) протекала, главным образом, в Алтайском горном округе.

Алтайский горный округ образовался в первой трети XVIII в. На основе открытых русскими рудознатоками серебряных и медных руд известный крупный промышленник эпохи Петра I — Акинфий Демидов создал на Алтае ряд заводов: Локтевский, или Колывано-Воскресенский, медеплавильный завод (1725 г.), Барнаульский сереброплавильный завод (1739 г.), Шульбинский завод (1744 г.).

Демидов использовал на своих заводах вначале бежавших от крепостного гнёта, а затем приписанных к заводам крестьян, которые являлись даровой рабочей силой.

В 1747 году распоряжением Елизаветы заводы Демидовых были изъяты в собственность царской казны и

¹ Архив С. И. Гуляева, считавшийся затерянным, хранится в государственном архиве Новосибирской области (36, дд. 1—321). Объём архива достигает 10 000 листов.

превращены в царскую вотчину, а крестьяне, населявшие окрестные земли, стали крепостными царя. Владения царского «кабинета» в Западной Сибири занимали большую часть Томской губернии и Акмолинской области, с территорией около 400 тыс. кв. км. В состав этих владений входили уезды — Барнаульский, Колыванский, Бийский, Кузнецкий. По теперешнему административному делению они охватывали весь Алтайский край, южную часть Новосибирской и Кемеровской областей, восточную часть Казахской ССР.

Земли царского «кабинета» в Западной Сибири были объединены в особый Колывано-Воскресенский горный округ, впоследствии (с 1831 года) именовавшийся Алтайским горным округом. Административным центром этого округа был город Барнаул. Во главе управления округа стоял горный начальник с неограниченными полномочиями.

Используя даровой труд приписных крестьян и мастеровых, царский «кабинет» построил во второй половине XVIII в. ряд новых заводов: Павловский, Сузунский, Змеиногорский, Алейский, Томский, Локтевский, Гавриловский и в начале XIX в. — Гурьевский.

Заводы были военизированы, и на них вплоть до 1863 года существовал горно-военный строй.

Приписные крестьяне, из которых состояло почти всё население обширного края и количество которых к 1861 году превышало 300 тысяч человек, заготавливали и возили дрова, лесные материалы, руды, прокладывали дороги. Два раза в год их увольняли для посева и уборки хлеба.

Кадры горнорабочих, мастеровых составлялись из тех же приписных крестьян, посредством рекрутских наборов. Количество их в Алтайском горном округе доходило до 24 тысяч человек, они были прикреплены к заводам пожизненно, лишь в середине XIX в. сроки службы были определены сначала в 35, а потом в 25 лет.

Горнорабочие жестоко эксплуатировались. При 12-часовом рабочем дне они получали от 50 коп. до 1 рубля в месяц. Дети их уже с 7—10-летнего возраста зачислялись на рудники, трудились по 12 часов в день и получали в год от 3 до 5 рублей. За малейшую провинность рабочие подвергались телесным наказаниям: их били розгами, палками, прогоняли «сквозь строй», забивали насмерть.

Мастеровые гибли от непосильного труда, голода, болезней, обвалов в шахтах, слепли от плавильных печей, отравлялись ядовитыми испарениями. «Кабинету» приходилось производить рекрутские наборы 2—3 раза в год.

Тяжесть крепостного гнёта усиливалась тем, что на приисках Алтайского горного округа большую роль играли начальники из немцев, которые с презрением относились к русским людям.

Но несмотря на невыносимые условия жизни, из среды горнорабочих выдвигались талантливые мастера, выдающиеся деятели горного дела, как, например, И. И. Ползунов — изобретатель первой в мире паровой машины, замечательный гидротехник, сконструировавший ряд гидротехнических установок на алтайских рудниках К. Д. Фролов, сын которого П. К. Фролов¹ был механизатором транспорта, создателем первой рельсовой дороги.

Тяжёлый непосильный труд, невыносимый гнёт и бесправие, телесные наказания и издевательства горно-военного начальства вызывали возмущение рабочих. Они протестовали в одиночку и группами, расправлялись с ненавистными администраторами, бежали с рудников, «несмотря на угрожающие им жестокие наказания»² и мстили своим угнетателям; образы народных мстителей запечатлены в устном народном творчестве и художественной литературе³.

С отменой крепостного права и с потерей дешёвых рабочих рук, в связи с технической отсталостью царской горной промышленности и нежеланием «кабинета» производить новые затраты, горное дело на Алтае стало приходить в упадок и к началу XX в. перестало существовать. «Кабинет» перенёс свою хозяйственную деятель-

¹ См. работу Н. Я. Савельева «Пётр Козьмич Фролов», Новосибирск, 1951 г.

² Н. Зобнин. «Мастеровые алтайских горных заводов до освобождения», «Сибирский сборник», 1891 г., кн. 11, стр. 19.

³ В книге А. Мисюрёва «Легенды и были» собраны устные сказы алтайских горнорабочих, потомков крепостных мастеровых. Эти предания, по выражению собирателя, представляют собой своеобразную летопись, в которой «запечатлены и мучительный гнёт, и ранние попытки добиться иной, разумной, справедливой жизни, и ничем неистребимая жизнестойкость трудового народа». («Легенды и были», Новосибирск, 1940 г., стр. 13).

Жизни и борьбе алтайских горнорабочих в XVIII веке посвящён роман А. Караваевой «Золотой клюв».

ность на эксплуатацию земель и лесов. Часть рудников царское правительство сдало в концессию австрийским и английским капиталистам, которые стали хищнически эксплуатировать наиболее богатые месторождения.

Возрождение и расцвет края происходит после Великой Октябрьской социалистической революции. За годы советской власти на территории бывшего Алтайского горного округа построено большое количество предприятий по разработке руд, вырастает металлургическая, машиностроительная и химическая промышленность. Создано высокомеханизированное социалистическое сельское хозяйство. Невиданно расцвела культура края. Если в Алтайском горном округе в середине XIX в. было всего 13 горно-заводских школ и грамотность среди мастеровых, по данным Салаирского рудника, в 1844—47 годах составляла 7,8%, а среди рабочих из приписных крестьян 0,3%¹, то при советской власти достигнута сплошная грамотность, осуществляется всеобщее семилетнее обучение. На территории одного только Алтайского края работает 3,5 тыс. школ, 25 средних специальных учебных заведений, три ВУЗа, свыше 250 библиотек, 180 клубов, 880 изб-читален, издаётся 82 газеты и т. д.

С. И. Гуляев родился в селе Алейском Алтайского горного округа в семье мелкого горнозаводского чиновника (унтершнихмайстера, чин равный подпрапорщику). Предки С. И. Гуляева пришли в южную Сибирь ещё при Петре I с северо-востока России, из-за «хлебной скудности», в поисках «Беловодья», то есть вольного, обильного края².

Начальной грамоте Гуляева обучала мать. В 1821 году он поступает в Барнаульское горное училище, которое в то время готовило техников и другой среднетехнический персонал для заводов и рудников округа.

Мать Гуляева имела отличный голос и знала много народных песен. Уже в детстве у Гуляева пробудился интерес к народному творчеству. По словам биографа,

¹ Н. Зобнин. «Мастеровые Алтайских горных заводов до освобождения». Сибирский сборник, 1891 г., кн. II, стр. 28.

² Архив С. И. Гуляева, «Заметка «Наша родословная». Государственный архив Новосибирской области, ф. 36, д. I, л. I.

уже в ученические годы Гуляев становится собирателем, «вносит все слышанное в свою записную книжечку»¹.

В 1827 году Гуляев закончил Горнозаводское училище и был отправлен на службу в Петербург, в «кабинет».

Гуляев работал в горном отделе «кабинета» сначала писцом, потом канцеляристом и т. д. Он не ограничивался служебными делами, много занимался самообразованием, посещал вечерние классы Академии художеств, в то же время давал уроки рисования, русского языка, истории и географии в частных домах. Он поддерживал постоянную связь с родным Алтаем, переписывался с местными любителями-краеоведами, просил их собирать материалы по краеведению, этнографии, народному творчеству, получал от них различные сведения, материалы, записи.

В 30-х годах начинается литературная деятельность Гуляева. На основе своей педагогической работы он пишет книгу «Опыт русской грамматики», которая была не разрешена цензурой к печати и опубликована лишь через двадцать лет². Тогда же он пишет «Замечания о Колывано-Воскресенских заводах» (рукопись на 78 страницах), в которых даёт характеристику Алтайского горного округа. В 1839 году С. И. Гуляев выступил с первым своим значительным этнографическим произведением «О сибирских круговых песнях»³; в 1845 году он напечатал этнографический труд «Алтайские каменщики»⁴. В это время Гуляев становится членом Вольного Экономического общества, деятельность которого носила прогрессивный характер и была направлена на развитие промышленности и сельского хозяйства.

В 1848 году появилась большая работа Гуляева «Этнографические очерки южной Сибири»⁵ и статья «Свадебный обряд в Ярославской губ.»⁶, а в 1852—54 гг. он опубликовал былины, собранные его корреспондентами в Сузунском и Локтевском заводах.

Изучение природных богатств и полезных ископаемых Сибири занимало одно из видных мест в кругу на-

¹ И. Я. Словцов. «Степан Иванович Гуляев», Омск, 1891 г.

² Труд был опубликован в 1859 г. под псевдонимом «Алейский».

³ «Отечественные записки», 1839 г., № 3, смесь, стр. 153—172.

⁴ «СПБ Ведомости», 1845 г., № 20—30.

⁵ «Библиотека для чтения», 1848 г., т. 90, отд. III, стр. 1—142.

⁶ «Вестник русского географического общества», 1852 г., кн. 2

учных интересов С. И. Гуляева. В 50-х годах он пишет статьи: «О Кулундинской степи»¹, а также статьи о графите, глинистом сланце и др.

В Петербурге Гуляев знакомится с известным собирателем народной поэзии фольклористом-демократом П. И. Якушкиным. П. И. Якушкин сотрудничал в «Современнике» и «Искре», был близок к Некрасову². В отличие от исследователей академического типа, изучавших народную жизнь и устное творчество, сидя у себя в кабинете, П. И. Якушкин записывал произведения народной поэзии, обходя сёла под видом коробейника. Особенное внимание он уделял рекрутским и солдатским песням, песням о Разине и Пугачёве, в которых ярко выражен протест крестьянских масс против самодержавно-крепостнического строя. В своих рассказах из народной жизни (например, «Бунты на Руси») Якушкин обличал самодержавие и помещиков, показывал крепостнический характер «реформы» 1861 года. Царское правительство выслало Якушкина из Петербурга за неблагонадёжность под надзор полиции³.

Несомненно, что общение с Якушкиным усилило интерес Гуляева к собиранию и изучению устной народной поэзии. Якушкин был близок Гуляеву как тип нового собирателя, изучающего народную поэзию непосредственно из уст народа. В своих воспоминаниях о Якушкине Гуляев пишет о своей несбывшейся мечте отдаться целиком, как и Якушкин, делу изучения народной поэзии⁴.

Краеведческая деятельность С. И. Гуляева особенно широко развёртывается с переездом его в 1859 году в г. Барнаул, где он работал до конца своей жизни.

50-е годы XIX в. в жизни России характеризовались общественным оживлением в связи с подготовкой крестьянской реформы, острой политической борьбой вокруг реформы между идеологами дворянства и крестьянскими демократами. Куцая реформа 1861 года, когда «крестья-

¹ «Академические ведомости», 1853 г., № 38.

² Н. А. Некрасов изобразил П. И. Якушкина в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» в образе Павлуши Веретенникова.

³ См. работу В. Базанова «Павел Иванович Якушкин», Орёл, издание «Орловской Правды». 1950 г.

⁴ «Воспоминания С. И. Гуляева о П. И. Якушкине», архив, ф—д—36, д. 39, стр. 1—20. Написано после смерти П. И. Якушкина (1872 г.) в 1875 г.

не вышли «на свободу» ободренные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»¹, вызвала нарастание крестьянских волнений. Царское правительство жестоко расправилось с идеологом крестьянской революции великим демократом Н. Г. Чернышевским, подавило крестьянские восстания. В 60-х годах началась свирепая реакция.

Отмена крепостного права тем не менее открыла России путь для быстрого капиталистического развития. Капитализм усиленно развивается в промышленности и сельском хозяйстве.

Несомненно, что переезд Гуляева из Петербурга в Барнаул в 1859 году был связан не только с передвижением по службе, но и со стремлением послужить делу экономического и культурного развития родного края, улучшению благосостояния народных масс.

В Барнауле С. И. Гуляев много работает над изучением природных богатств края, хлопочет о развитии местной промышленности и сельского хозяйства, занимается вопросами торговли русских с Джунгарией и Китаем, интересуется историей Сибири, пишет труды по истории сибирского раскола².

Ряд работ Гуляев посвящает вопросам естествознания и географии: «Естественно-исторические очерки Южной Сибири» (1865 год), «Заметки об Иртыше и странах им орошаемых»³, «Заметки о Семиреченском крае»⁴, «Сибирские фламинго»⁵, «Заметки о Семипалатинском крае»⁶.

Гуляев занимается сбором и описанием лекарственных растений на Алтае.

Много внимания Гуляев уделяет вопросам улучшения сельского хозяйства, садоводства, акклиматизации новых для края растений, совершенствованию обработки почвы. Он выписывает из г. Верного (теперь Алма-Ата) семена помидоров и разводит их в Барнауле, делает опыты выращивания на Алтае дынь и арбузов, культивирует табак и практикует посевы алтайского «карлыка» (дикая гречиха), организует посевы малонизвестного прядильного

¹ В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. XVII, стр. 65.

² Архив Гуляева, ф—д—36, д. 313.

³ Вестник Русского географического общества, 1861 г., № 5, 6.

⁴ «Академические ведомости», 1876 г.

⁵ «Томские губернские ведомости», 1876 г.

⁶ Там же, 1878 г., № 6—8.

растения «кандырь» и предлагает использовать его для приготовления пеньки. Гуляев пишет о новом виде шелкопряда и занимается вопросами продуктивного пчеловодства. Несколько статей в сибирской и центральной прессе он посвящает вопросам разведения на Алтае тонкорунных овец русской породы, которых рекомендует выписать из Тамбова и Воронежа, заботится о новой породе высокомолочного рогатого скота; наконец, он пишет статью о рыболовстве на Телецком озере¹ и подготавливает большой труд «История сельского хозяйства в Алтайском округе с 1620 по 1756 год».

Интересны выступления Гуляева в защиту сохранения лесов, требование прекратить порубку березняка к празднику троицы.

Конечно, все усилия, все интересные опыты и благие желания Гуляева были в условиях капиталистического строя тщетными и не получали широкого распространения. Трудящиеся страдали под гнетом эксплуататоров, которые не думали о благе народа.

Интересны и показательны также опыты С. И. Гуляева в деле развития местной промышленности. Так, например, он изготавливает красители из местных растительных материалов. Он рекомендует кожевникам для дубления кожи дубильный корень «кормек», растущий близ Алма-Ата. Однако эти ценные предложения Гуляева, освобождающие Россию от импорта дорогостоящих заграничных материалов, не были реализованы.

Наибольший успех имел открытый С. И. Гуляевым способ окраски шубных овчин в чёрный цвет. Широко известные шубы-барнаулки окрашивались по методу, открытому С. И. Гуляевым. Окрашенные таким образом овчины приобретали важные свойства: они не колели на морозе, не ломались, а, промокнув, легко высыхали и приобретали прежний вид.

«Это своё важное изобретение, пишет И. Я. Словцов, С. И. бескорыстно передал местному шубнику, взяв с него слово, что тот будет не дорого продавать шубы. Тот скоро убедился в ценности изобретения С. И., увидел, что оно сулит ему обогащение. Через месяц он принёс С. И. три рубля, с поклоном просил принять за выучку»².

¹ Ст. «О сельдах на Телецком озере», газ. «Томские губернские ведомости», 1865 г., № 43.

² И. Я. Словцов. «Степан Иванович Гуляев», Омск, 1891 г.

Не менее характерна и судьба другого открытия Гуляева. Интересуясь минеральными источниками, краевед открыл в деревне Ново-Белокуриха знаменитый ныне источник, проверил его целебные свойства, написал о нём статью¹. С этого времени многие больные стали посещать Ново-Белокурихинские ключи. Через своих сотрудников Гуляев получил сведения ещё о 30 минеральных источниках в Горно-Алтайском округе, напечатал статью «О минеральных источниках Алтайского округа»², в которой обращает внимание на лечебную важность открытия. Однако использование этих целебных ключей для лечения трудящихся не входило в интересы царского правительства. Только советская власть, проявляя постоянную заботу о здоровье трудящихся, организовала в Белокурихе здравницу, имеющую всесоюзное значение.

Гуляев собирал старинные рукописи и документы. Так, в 1860 году он отыскал рукопись старейшего литературного памятника — книги Козьмы Индикоплова, в которой изложены древние воззрения на строение вселенной и земли³.

В 1874 году он отослал Русскому Географическому обществу несколько рукописей старинных русских повестей, в том числе повесть «О куре и лисице», остроумную сатиру на духовенство. В 1876 году он нашёл рукопись путевого дневника, содержащую интересные данные о флоре и фауне Алтая. Рукопись принадлежала известному русскому исследователю Алтая — горному инженеру Шангину. Гуляев разыскивал и пересылал Географическому обществу в Петербург материалы о знаменитом русском механике, первом изобретателе паровой машины — Ползунове, а также о Фролове.

Краевед неустанно посылал в Петербург и другие интересные рукописи, а также произведения устного народного творчества, в собирании которых он проделал особенно ценную работу.

Гуляев не был человеком замкнутым в кругу служебных и даже научных интересов. Общественное движение

¹ Записки Русского Географического общества», 1867 г., т. VI

² «Томские губернские ведомости», 1867 г., № 26, «Известия Географического общества», 1877 г., № 6.

³ «Христианская топография» Козьмы Индикоплова относится к VI в. н. э.; в древней Руси она была распространена в славянском переводе.

60 годов захватило его. Он выступал в защиту «мелких» людей, ратовал за просвещение и образование народа. Так, в Барнауле он вступился за мелких чиновников, которых местная «аристократия» не пускала в общественный клуб. При активной помощи С. И. Гуляева было создано всесословное общественное собрание. Он был инициатором многих культурно-просветительных начинаний: помогал молодёжи устраивать спектакли и сам участвовал в них, на его средства в Барнауле в 1862 году открылась первая публичная библиотека и читальня. В 1865 году он добился разрешения открыть в Барнауле литературные чтения. Эти чтения начались лекцией «О происхождении и изменении видов Ч. Дарвина», прочитанной кандидатом Петербургского университета Сорокиным¹.

Гуляев уделял много внимания народному образованию. Он состоял членом общества попечения о начальном образовании, помогал открытию в Барнауле частной школы, ходатайствовал перед начальником округа об основании в Барнауле гимназии.

Будучи сторонником естественно-научных знаний, он проявлял интерес к надлежащей постановке школьного обучения. В одном из своих писем Гуляев сочувственно передаёт статью демократического журнала «Искра», в которой высмеивался монах-смотритель одной духовной школы, распорядившийся убрать из школы картины по естественной истории².

В одном из писем в 1871 г. С. И. Гуляев критикует программы духовных училищ, в которых отсутствуют естественная история и новые языки. Он выступает против схоластического школьного обучения и хлопочет о снабжении школ наглядными пособиями, примыкая в этом к взглядам прогрессивных педагогов-шестидесятников.

Горячее участие принимал С. И. Гуляев в борьбе передовых людей за открытие в Сибири университета. Гуляев хотел, чтобы Сибирский университет был доступен малоимущим группам населения Сибири. Он писал, что в отдалённые Российские университеты (Казанский, например) «только юноши достаточных родителей имеют возможность отправляться...»³.

¹ «Томские губернские ведомости», 21, IV, 1865 г.

² Архив Гуляева, ф—д—36, д. 240, л. 87.

³ Архив Гуляева, ф—д—36, д. 246, лл. 10—11.

Гуляев подготовлял для будущего университета коллекции минералов, разрабатывал план открытия в Сибири гимназий для подготовки слушателей.

По словам знавших С. И. Гуляева, дом его в Барнауле был широко открыт для всех интересующихся наукой, в нём побывали все приезжающие на Алтай знаменитые учёные.

Знаменитый натуралист Брэм, посетив в 1876 г. Алтай, был у Гуляева и с большим интересом слушал здесь сказителя Л. Г. Тупицына.

Перу С. И. Гуляева принадлежит до 150 печатных работ. Он был членом многих научных обществ и вёл обширную переписку с научными организациями, с отдельными учёными и местными любителями-краеоведами. В его исходящем журнале за 29 лет барнаульской жизни зарегистрировано свыше 2800 писем, среди которых письма к Гл. Успенскому, Достоевскому, Потанину, Ядринцеву, Радлову и др.

Биограф краеведа И. Я. Словцов¹, характеризуя трудолюбие С. И. Гуляева, пишет, что его рабочий день начинался в шесть часов утра и заканчивался далеко за полночь. Рано утром до службы и после С. И. работал в саду, акклиматизируя новые для края растения. Он много читал, изучал собранные его сотрудниками коллекции минералов, исследовал археологические находки, отвечал на многочисленные письма своих корреспондентов, писал научные статьи и т. д.

Большую и разнообразную краеведческую работу Гуляев мог успешно осуществлять благодаря своим многочисленным сотрудникам. Первыми помощниками его были рабочие и крестьяне, разведчики горных богатств Алтая. По инструкциям Гуляева они собирали, доставляли ему интересные сведения, находки. Голубев в кратком очерке о деятельности С. И. Гуляева пишет: «С. И. Гуляев состоял в сношении с горнорабочими, которые собирали для него естественно-исторические коллекции. Крестьянин Казанцев сообщил Гуляеву о «тёплом ключе» в Ново-Белокурихе. Сотрудниками Гуляева в деле изучения края были также местные любители-краеведы из сельской интеллигенции: в Ордынке — Лазебников, в Сузунском заводе — учитель Соколов, в Минусинске — Весел-

¹ И. Я. Словцов. «Степан Иванович Гуляев», Омск, 1891 г. стр. 30.

ков, с Колыванской фабрики ему присылает материалы Иван Стрижков, из Локтевского завода — брат В. И. Гуляев и т. д. Краеведу помогал в его работе старший сын Н. С. Гуляев, впоследствии также видный алтайский краевед¹.

Как видно из корреспонденций сотрудников Гуляева, Степан Иванович тщательно инструктировал их по собирательской работе, давал им программу собирания этнографического материала — о жилищах, одежде, быте народа, обычаях, развлечениях, языке, устно-поэтическом творчестве и т. д. Особенное внимание Гуляев уделял собиранию образцов былевого и песенного творчества.

Корреспонденты Гуляева довольно усердно выполняли его инструкции и присылали ему большое количество интересных материалов. Однако вследствие слабой подготовки к такой сложной и тонкой работе, как запись устно-поэтических произведений, они в ряде случаев выполняли эту работу не на должном научном уровне. Об этом говорят рукописи корреспондентов Гуляева, хранящиеся в архиве.

С. И. Гуляев проработал в Барнауле около 30 лет. Он умер 14 мая 1888 года.

Газеты Сибири — «Сибирская газета»² (Томск) и «Восточное обозрение»³ (Иркутск) — в кратких некрологах и заметках о С. И. Гуляеве отделались общими словами.

II

Среди краеведческих занятий С. И. Гуляева видное место занимают его работы по этнографии и народному творчеству. Как мы уже отмечали, первыми печатными трудами Гуляева были статьи по этим вопросам.

30—40 годы XIX в., когда появляются первые этнографические статьи Гуляева, характеризуются значительным оживлением общественной мысли, вызванным кризисом крепостнической системы, поисками путей разрешения этого кризиса и дальнейшего развития России. Идёт острая общественно-политическая и идейная борьба между силами реакции и силами прогресса. В борьбе с

¹ Сборн. «Алтай», Томск, 1890 г., стр. 427—436.

² «Сибирская газета», 1888 г., 6 мая, № 39.

³ «Восточное обозрение», 1888 г., 22 мая.

реакционерами, идеологами самодержавно-крепостнического строя, представителями «официальной народности» и славянофилами формируются и растут передовые антикрепостнические демократические силы во главе с великим критиком революционером-демократом В. Г. Белинским.

В эти годы наблюдается большой интерес к народному творчеству, усиливается собирание и публикация фольклора. Реакционеры, представители официальной народности стремятся фальсифицировать народное творчество в своих интересах, выдвигают теории, искажающие истинный смысл народной поэзии. Идеологи помещичьего строя славянофилы (П. В. Киреевский и др.), собрав довольно большое количество материалов, дают народной поэзии реакционное истолкование, усматривая в ней отражение патриархального уклада русской народной жизни, проявление религиозности, покорности, смирения русского народа. Этим объясняются особые симпатии славянофилов к духовным стихам, которые публикует П. В. Киреевский в 1848 году. Духовные стихи отнюдь не являются подлинно народными поэтическими произведениями. М. Горький совершенно справедливо видел в них «...творчество одиночек, монахов, сердобольных «стариц», смущённых горем и невзгодами мира, и вообще безымянных «гуманистов» из среды ущемлённого жизнью мещанства»¹.

Примерно в эти же годы в реакционно-академических кругах формируется так называемая мифологическая школа И. Буслаева, которая вместо реально исторического анализа произведений народной поэзии стремится дать им мифологическое истолкование, отыскивая в каждом произведении устного творчества остатки древних мифов, утверждая «безличность и безыскусственность» народного творчества. Мифологи отрицали связь русской поэзии с действительностью, игнорировали отражение в ней реальной жизни с её противоречиями.

Несколько позже, в 50 годах в тех же реакционно-академических кругах сложилась «теория заимствования», которая отрицала самобытность русского народного искусства, указывала на заимствование русских былин и песен с Запада и Востока.

¹ М. Горький. «О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних», «Литературная учёба», 1936 г. № 7, стр. 14.

Представителям реакционных направлений в изучении народной поэзии 30—40 годов противостояли революционер-демократ, гениальный русский критик революционер-демократ В. Г. Белинский, а позже в 50—60 годах Чернышевский и Добролюбов, которые вели борьбу с реакционным пониманием народного творчества и утверждали научные революционно-демократические принципы его изучения.

В. Г. Белинский с большим интересом относился к работам по собиранию и изучению устной поэзии, пропагандировал лучшие образцы её.

177078 Он приветствовал работу собирателей Нефедьева, Студитского и других, дал высокую оценку сборнику Кириши Данилова «Древние российские стихотворения», собранию Сахарова «Сказания русского народа», М. Суханова «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» и др. В. Г. Белинский боролся против всяких попыток со стороны представителей официальной народности и славянофилов фальсифицировать народное творчество¹. Известно, что славянофилы «обрабатывали» произведения устной словесности в духе славянофильской реакционной идеологии. Белинский видел в устном творчестве отражение реальной жизни народа, выражение его реальных стремлений, свободолюбия и т. д. В то же время великий критик выступал против псевдонародного, против подделки под народность, против засорения народного творчества чуждыми народу произведениями. Он разоблачал лживость, реакционность утверждения о якобы присущей русскому народу глубокой религиозности².

Значительную роль в собирании и изучении народной поэзии играли журналы, в которых сотрудничал Белинский. Особенно это следует сказать о журнале «Отечественные записки». Во время сотрудничества Белинского «Отечественные записки» становятся организующим центром собирательской работы. В них публикуется большое количество устно-поэтических произведений, присланных

¹ См. об этом ст. Б. И. Богомолова «Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии», журнал «Советская этнография», № 1, 1949 г.

² См. об этом ст. Б. И. Богомолова «Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии», журнал «Советская этнография», № 1, 1949 г.

различными собирателями, систематически печатаются рецензии на сборники произведений народной поэзии, песенники и т. д.

Возможно, что откликом на призывы Белинского о собирании народного творчества явилась и собирательская деятельность С. И. Гуляева. Следует отметить, что первая статья его «О сибирских круговых песнях» появилась в 1839 году в «Отечественных записках».

Разночинец С. И. Гуляев по своим общественно-политическим взглядам был человеком прогрессивным, близким к демократам, примыкал в ряде вопросов к просветителям. Он, несомненно, был противником крепостного права, сторонником самоуправления, свободы и просвещения народных масс.

Этнографические работы С. И. Гуляева проникнуты любовью к народу. В работе «Алтайские каменщики»¹ Гуляев с большой симпатией описывает жизнь вольной общины, созданной бежавшими от гнёта помещиков и чиновников крестьянами и мастерами. Гуляев подчёркивает благотворное влияние жизни без помещиков и начальства на материальное благосостояние и моральный облик членов общины. Конечно, Гуляев идеализировал общину; он не видел в ней расслоения, не замечал того, что общину использовали богачи в своих корыстных интересах.

О симпатиях Гуляева к свободолюбию говорят и другие факты. Он интересуется сосланными в Барнаул сподвижниками вождя крестьянского движения XVIII в Емельяна Пугачёва и пишет о них статью², он собирает материалы о дворянских революционерах-декабристах в Сибири; он берёт под защиту от гнусной клеветы царских жандармов сосланных в Барнаул польских повстанцев, которых реакционеры обвиняли в поджогах и пожарах³, наконец, в барнаульском доме Гуляева находят тёплый отеческий приём студенты, уволенные в связи со студенческими волнениями из Петербургского университета⁴.

Воззрения Гуляева на устное народное творчество

¹ Работа «Алтайские каменщики» опубликована в 1845 г.

² «К истории пугачёвщины», «Исторический Вестник», 1881 г. № 7.

³ Отмечая, что польские повстанцы после пожара в Барнауле были высланы отсюда, Гуляев пишет, что следствие «не открыло истинной причины пожаров». Там же.

⁴ И. Я. Словцов. «Степан Иванович Гуляев». Омск, 1891 г.

следует рассматривать в орбите демократической фольклорности Белинского и Добролюбова. Труды Гуляева по народной поэзии должны быть поставлены в один ряд со сборниками Сахарова, Студитского, Пестельева — собирателей первой половины XIX в., положительно оценённые Белинским, а в 60 годах Добролюбовым.

В своих работах по устной поэзии, опубликованных в 30—40 годах и позже, а также в неопубликованных статьях, хранящихся в архиве, Гуляев постоянно утверждает национальную самобытность, большое познавательное и художественное значение народного творчества.

Анализируя круговые, проголосные и плясовые песни, былины, он указывает на тесную связь их с народным бытом, видит в них выражение задушевных чаяний народа. Характеризуя свадебные песни, говоря о их бытовании в различных слоях населения Алтая, Гуляев отмечает своеобразие свадебного обряда в разных социальных группах, творческую жизнь народной поэзии, отрицает её неизменность, о которой говорили представители мифологической школы.

Он показывает, как в новых социально-бытовых условиях произведения народного творчества видоизменяются, вбирая в себя черты местной жизни и быта.

В неопубликованной вступительной статье к сборнику народной поэзии, говоря о былинах, Гуляев указывает, что в них отразилось не только героическое прошлое русского народа и характерные черты русских людей — отвага, ум, смекалка, трудолюбие, но и современный быт сибиряков-алтайцев.

Известно, что либералы-западники недооценивали поэтических достоинств народной поэзии и отмечали в ней грубость, необразованность. Наоборот, революционеры-демократы давали высокую оценку художественным достоинствам устной словесности. Полемизируя с либералами, Добролюбов писал:

«...мы, по старой, укоренившейся привычке, до сих пор смотрим на народ с каким-то предубеждением. Он всё представляется нам грубой толпой, неспособной к возвышенным, благородным и нежным ощущениям. А между тем, напротив, в нашем обществе все эти чувства развиты гораздо меньше. Если ещё есть в мире поэзия, то её нужно искать среди народа»¹.

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, 1934 г., т. I, стр. 465.

Утверждая самобытность, познавательное значение фольклора, его связь с реальной жизнью народа и высокие поэтические достоинства, отрицая неизменность его, Гуляев тем самым противостоял современным ему реакционным школам в изучении народной поэзии как мифологической, так и «теории заимствования».

Это также отличает его от реакционных славянофилов и западников-либералов и роднит с демократами¹.

Однако, было бы неверно отождествлять фольклорные взгляды Гуляева со взглядами революционеров-демократов. Гуляев не дошёл до глубокого понимания социальной дифференцированности фольклора, не видел в нём проявлений революционных устремлений народа.

Изучая архивные материалы Гуляева, знакомясь с методами работы его над произведениями фольклора, мы не обнаружим у него следов каких-либо грубых фальсификаций, подделок народно-поэтических произведений.

Полевые записи Гуляева сделаны полно и точно. Но как свои записи, так и в особенности рукописи своих корреспондентов, Гуляев серьёзно редактировал. Делал это он с большим тактом и вкусом, с глубоким пониманием народной поэзии. Он не затрагивал идейного существа произведений, не смягчал сатирической антибоярской направленности былин. В то же время в своей редакторской работе Гуляев в ряде случаев отступал от научности записи, которой требовали революционные демократы. Так Гуляев, правя тексты, старался приблизить их к каноническим образцам, исправляя имена (например, в былине «Чурило Пленкович» имена «Белеметь», «Василиса Николаевна» исправлены на «Бермята», «Василиса Никитишна»), изменял географические названия (вместо Москва — Киев), правил язык, вводя более архаические, традиционные для былины слова, эпитеты, обороты (например, вместо «чёрным бархатом» — «рытым бархатом», вместо «степь Саратовская» — «степь широкая», вместо «шаферами» — «поезжанами» и др.). Гуляев восстанавливал утраченный ритм, путём вставки

¹ Характерно также, что Гуляев, в отличие от славянофилов, не придавал большого значения духовным стихам и не видел в них познавательных и художественных достоинств; он не опубликовал их в «Этнографических очерках...», хотя записи этих произведений, сделанные кем-то из его корреспондентов, имеются в архиве собирателя. Д. 214, лл. 426—431.

строчек, повторений слов, изменял формы слов и т. д. Иногда, в редких случаях, Гуляев прибегал к контаминации (т. е. соединению) эпических произведений, как это, например, можно думать о былине «Скимен-зверь» (№ 21) и о песне «Про царя Ивана Васильевича» (№ 34).

III

Большую работу проделал Гуляев по собиранию и изучению былевого творчества Сибири.

Былины — старинный русский эпос — созданы народными массами в древние времена. В них отразились славное прошлое нашего народа, его патриотизм, борьба с врагами Руси. Герои былевого эпоса — богатыри — являются носителями лучших героических качеств русского народа.

Своим происхождением былины уходят к временам Киевской Руси. О существовании их в XI—XIII вв. можно заключить, исследуя такие замечательные памятники русской литературы и культуры, как «Начальная летопись» («Повесть временных лет»), «Слово о полку Игореве», «Повесть о приходе Батыя на Рязань» и др.

Первые записи былины относятся к XVII в. Во второй половине XVIII в. был составлен знаменитый сборник былины Кириши Данилова «Древние российские стихотворения», впервые он был издан с очень значительными купюрами в 1804 году. Этот сборник познакомил читателей с некоторыми прекрасными образцами русской, подлинно народной, эпической поэзии.

Былины собирают и в первую половину XIX в. (П. В. Киреевский). Но особенно большой подъем в изучении народного творчества вообще и в том числе былины наблюдается в 60—70 годах XIX в. под влиянием развития революционно-демократического движения и могучей деятельности великих революционеров-демократов Чернышевского и Добролюбова.

Изумительные былевые богатства были обнаружены на севере России. П. Н. Рыбников, административно высланный в Олонецкий край, собрал и в 1861 году опубликовал большое количество замечательных русских былин¹. В 1871 году богатейший материал по былевому эпосу в Олонецком крае записал А. Ф. Гильфердинг².

¹ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», Петрозаводск. 1861 г.

² А. Ф. Гильфердинг. «Онежские былины», 1873 г.

Новый подъем в изучении былины отмечается в начале XX в., когда публикуются собрания Маркова «Беломорские былины» (1901 г.), Григорьева «Архангельские былины» (1904—1910 гг.), Ончукова «Печорские былины» (1904 г.).

Огромного расцвета изучение былевого эпоса достигает в советскую эпоху; собирание и исследование былин приобрело невиданный размах и ставится на подлинно научную марксистско-ленинскую основу.

В Сибири былевая поэзия существовала с давних времён. Она была занесена сюда, вероятно, не позже XVII—XVIII вв. казаками в процессе колонизации Сибири, русскими землеискателями, переселенцами с севера России.

О существовании былевой поэзии в Сибири в XVII—XVIII вв. свидетельствуют сибирские летописи. Так, в Строгановской летописи встречаются исторические песни о Ермаке, сложившиеся, вероятно, в XVII в. Былинно-песенный материал имеется также в «Истории Сибирской» С. Ремезова, в «Кунгурской летописи», которая относится к концу XVII в.¹ Былины сибирского происхождения имеются и в сборнике Кирши Данилова «Древнероссийские стихотворения», который относится ко второй половине XVIII в.

Ряд былин в Сибири был записан и опубликован собирателями в XIX—XX вв.

В 1827 году Н. Полевой в «Московском телеграфе» напечатал былинку об Илье Муромце на соколе-корабле, доставленную ему из Сибири. В 40 годах Костров сделал записи былин в Енисейской губернии. Там же записал былины Кривошапкин. В 70 годах Худяков, будучи сосланным за революционную деятельность в Якутию, записал былины среди русского населения этого края («Верхоянский сборник»). Бытование былины отмечено в Колымском округе (Тан-Богораз), в Нерчинске (Зензинов), в Енисейской губернии (Макаренко, Чеканинский), в Иркутской губернии (Пруссак), в Амурской области (Азадовский)².

¹ См. книгу Д. С. Лихачёва «Русские летописи и их культурно-историческое значение», АН СССР, Л., 1947 г., стр. 402—403.

² См. статью «Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае», в сб. «Былины и исторические песни из Южной Сибири», Новосибирск, 1939 г., стр. 55.

Однако, всё это были записи отдельных былин в разных местах Сибири. С. И. Гуляев в XIX в. открыл крупный очаг былевой поэзии и записал значительное количество эпических произведений на Алтае.

Ещё в статье «О сибирских круговых песнях» (1839 г.) Гуляев говорит о бытовании на Алтае песен о Владимире и называет сказителей Семёна Ивановича Божи́на и Ивана Максимовича Калистратова. От Калистратова собиратель слышал поэмы, которые «состояли из белых стихов совершенно такого же размера, как поэмы Кирши Данилова. Сходны они с ними и по содержанию и по напеву»¹.

В 40—50 годах Гуляев собирает былины в Барнауле и его окрестностях, а также в Ордынске, Локтевском, Сузунском, Колыванском заводах от сказителей Тупицына, Калистратова, Епанешникова, Половникова, Худяшёва, Черешнева (мастера Колыванской шлифовальной фабрики) и др. Собирает былины Гуляев сам лично и через своих корреспондентов — Д. Соколова (Сузунский завод), А. И. Лазебникова (Ордынск), И. Стрижкова (Колыванская фабрика), В. И. Гуляева (Локтевский завод).

Впервые Гуляев опубликовал собранные им на Алтае былины в 1848 г. в статье «Этнографические очерки Южной Сибири», где на стр. 107—108 напечатаны отрывки былины об Илье Муромце. В 40—50 годах в «Известиях Академии Наук» Гуляев печатает ряд текстов былин, собранных им в разных местах Алтайского горного округа. В 1871 году исследователь открывает выдающегося сказителя Л. Г. Тупицына, от которого записывает все известные тому эпические произведения².

При жизни своей Гуляев предполагал издать сборник собранных им устно-поэтических произведений, куда должны были войти и былины. В письме к Л. Майкову

¹ «О сибирских круговых песнях», «Отечественные записки», 1839 г., т. III, стр. 56.

² Первое сообщение о Тупицыне Гуляев сделал в своём письме Остен-Сакену 28 февраля 1871 г. (Архив, ф—д—36, л. 216, лл. 185—186), 16 октября 1871 г. из отделения этнографии Русского географического общества от Л. Майкова Гуляев получает письмо, в котором тот просит его записать от Тупицына все известные ему былины (Архив, ф—д—36, д. 216, л. 200). В своём ответе от 21.XI—1873 г. Гуляев сообщает о Тупицыне подробные сведения (ф—д—36, д. 216, лл. 201—210).

от 21 ноября 1871 года он сообщал о подготовке такого сборника со вступительной статьёй¹. Но осуществить издание книги Гуляеву по каким-то причинам не удалось, а впоследствии рукопись была затеряна². После смерти Гуляева ряд неопубликованных им былины и исторических песен был напечатан Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером в книге «Русские былины старой и новой записи» (М. 1894 г.) и в работе Вс. Миллера «Исторические песни Сибири»³.

В 1939 году под редакцией М. Азадовского вышла книга «Былины и исторические песни из Южной Сибири», в которой сделана попытка в возможно полном виде представить былевой эпос, собранный Гуляевым на Алтае. Однако, при всех достоинствах этой книги, по причинам, во многом не зависящим от составителя её, в распоряжении которого не было новосибирского архива Гуляева, подлинных полевых записей и т. д., — гуляевское собрание былины и исторических песен в ней представлено не полно, ряд текстов не вошёл в неё, другие напечатаны без учёта полевых записей, содержат неточности; в книге не полно обозначен репертуар сказителя Л. Тупицына, имеются ошибки в паспортизации записей и т. д.

В результате изучения архива Гуляева нами обнаружены следующие тексты, не вошедшие в книгу «Былины и исторические песни...»: 1) «Илья Муромец и сын его», 2) «О покушении на царя», 3) «О Степане Разине» (казнь Степана Разина), 4) о князе Голицыне (вариант), 5) о Суворове (два варианта), 6) о З. Г. Чернышёве, 7) о Кутузове, 8) о Платове (4 варианта), 9) о войне 1854—1855 гг. и др.

Исследовательские работы Гуляева о былевом эпосе дают возможность выявить его взгляды на этот вид народного творчества.

Представители буржуазной реакционной школы «заимствования» утверждали, что русские былины заимствованы с Запада или Востока. Для Гуляева нет никакого сомнения, что это — самобытное русское национальное

¹ Письмо С. И. Гуляева к Л. Майкову. Архив ф—д—36, д. 215 лл. 201—210.

² В архиве рукописи сборника также нет, имеются лишь планы его, наброски вступительной статьи, материалы (ф—д—36, л. 214).

³ «Известия отделения русского языка и словесности», т. IX, 1904 г., № 1.

творчество. В статье о «Сибирских круговых песнях» Гуляев утверждает, что былины «созданы народным воображением». На Алтай и в Сибирь, как справедливо полагает исследователь, былины были перенесены русскими переселенцами из северо-восточных губерний России.

«Первоначальное русское население тамошнего края (т. е. Южной Сибири.— **Ред.**),— пишет он,— образовалось преимущественно из жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерний. Эти выходцы стали переселяться в южную Сибирь в начале прошлого столетия... Переселясь туда, они уносили с собой предания старины о в. к. (великом князе.— **Ред.**) Владимире и богатырях его, которые, передаваясь из рода в род, сохранились доныне, точно так же, как и многие, забытые уже в других местах, обряды и обычаи»¹.

Сохранение былинной поэзии в Сибири Гуляев объясняет отдалённостью края, недостатком торговых путей, совершенным отсутствием мануфактурной промышленности и «крайней неохотой, кроме некоторых весьма ограниченных случаев, оставлять родину». Конечно, не в этом главная причина длительной сохранности былевого эпоса на Алтае точно так же, как и на севере России. Исследователь былины профессор А. Астахова пишет: «Живучесть и устойчивость былевой традиции коренилась не в консерватизме сознания и бытового уклада, как постоянно подчёркивали исследователи. Главные и общие причины — большая художественная сила этого искусства, его народность, ряд жизнеспособных элементов его, которые обусловили возможность новых пережиганий художественных образов в обстановке далёкой от той, когда эти образы создавали»².

Длительную сохранность былевого эпоса на Алтае, прежде всего, следует объяснить тем, что своим идейным и художественным содержанием он был близок русским людям, живущим в Сибири, он отвечал их думам и чувствам, отражал их стремления и идеалы. Героическая борьба нашего народа с врагами родины, запечатлённая в былинах, высокие моральные качества русского народа, выраженные в образах былевого эпоса,— всё это бы-

¹ «Известия Академии Наук». П., 1853 г. (Пам. и обр., XIV. стр. 161—163).

² «Былины Севера», т. I, Л., 1939 г., стр. 39.

ло близко сибирякам. Гуляев отмечает положительные качества русских людей, проживающих в Алтайском горном округе, указывает на их ум, смекалку, отвагу, молодечество, которые проявляются при зверином промысле, в борьбе, верховой езде, искусной стрельбе и т. д. «От этих наклонностей,— пишет он,— проистекает сочувствие ко всякому поступку, выказывающему физическое или нравственное превосходство человека к подвигам самоотвержения»¹. В этом Гуляев справедливо видит одну из причин любви населения Алтая к былинам и богатырям, историческим песням и их героям.

«С любовью сохраняются там,— пишет Гуляев,— также, как и в северо-восточной России, былины о в. к. Владимире и его богатырях, предания и песни о царе Иване Васильевиче, Петре Великом, Ермаке Тимофеевиче, Суворове... Ст. Разине»².

Необходимо также отметить, что сохранности и бытованию героического эпоса на Алтае содействовала борьба русских людей, живущих в Западной Сибири, с набегами кочевников — татар, джунгарцев, которые нападали на города, захватывали в плен русских людей³. Для борьбы с набегами этих кочевников в XVIII в. в Западной Сибири была построена большая линия укреплений, форпостов. Кроме того, надо учесть и то обстоятельство, что крестьяне и горнорабочие Южной Сибири вели длительную борьбу с горно-военным режимом, с горным начальством, немцами управляющими, борьбу против беспощадной эксплуатации народа, против невыносимого гнёта и издевательств. Известны многочисленные факты протеста горнорабочих против этого бесчеловечного режима, которые выражались и в восстаниях, и в возмущении одиночек, бежавших от угнетателей и ставших

¹ Вступительная статья к сборнику народной поэзии Архив Гуляева, ф—д—36, д. 214.

² Там же.

³ Борьба русских людей в Сибири с набегами татарских и джунгарских ханов имеет длительную историю. Она запечатлена в древних памятниках сибирской письменности. Например, в «Повести о Таре и Тюмени» (XVII в.) рассказывается о нападении в 1634—1635 гг. татар и калмыков на сибирские города Тару, Тюмень, Томск и Кузнецкий острог. При набеге на Тюмень враги сожгли и разграбили город, убили и увели в плен до 2000 человек.

См. об этом работу М. Н. Сперанского «Повесть о Таре и Тюмени» в сб. «Труды Комиссии по древнерусской литературе», т. I. 1932 г.

народными мстителями¹. Эта борьба народа против угнетателей и эксплуататоров несомненно поддерживала интерес к былевому эпосу. Трудящиеся обращались к героическому прошлому русского народа. В тяжёлые времена своей жизни народные массы в образах свободлюбивых, независимых, способных постоять за себя богатырей черпали силу, надежду на освобождение от врагов внешних и внутренних.

Гуляевым записаны в Алтайском горном округе былины героические, новеллистические, исторические песни и песни-баллады.

Особенно популярными на Алтае в XVIII-XIX вв. были героические былины и исторические песни с патриотической тематикой.

Первое место занимают былины о подвигах богатырей Русской земли: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши Поповича, Василия Игнатьевича. В этих былинах повествуется о борьбе русского народа с врагами родной земли, иноземными захватчиками — татарами. Это характерно для всего русского былевого эпоса.

В алтайских былинах богатыри характеризуются в основном теми же чертами, что и в былинах, записанных на севере Руси. Богатыри изображаются патриотами, беззаветно храбрыми, могучими, бесстрашными, честными. Они самоотверженно служат русской земле, мужественно и бескорыстно защищают её от врагов, они гуманны и великодушны.

Таким является Илья Муромец — самый любимый и популярный герой русских былин. О нём у Гуляева мы находим восемь текстов: «Илья Муромец» (первая поездка его в Киев), «Про Илью Муромца и царя Калина» (два текста), «Илья Муромец и богатырь Турок», «Об Илье Муромце и Алёше Поповиче», «Про Илью Муромца и Тугарина», «Об Илье Муромце и Бориске», «Илья Муромец и сын».

В алтайских былинах Илья Муромец именуется старым казаком, что обычно исследователи связывают с бытованием былин о нём среди казачества. Илья едет в Киев служить Руси. По дороге он совершает богатырские подвиги, освобождает город Кидош (обычно Чернигов)

¹ См. книгу А. Мисюрёва «Легенды и были», Новосибирск, 1940 г., а также роман А. Караваевой «Золотой клюв», Новосибирск

от татар, затем побеждает Соловья-разбойника, который засел на дороге и «не пропускает ни конного, ни пешего». Как богатырь, сын трудового народа и труженик, Илья увидев, что на Днепре-реке нет мостов, «зачал он через Днепр-реку мосты мостить». Победив Соловья, Илья везёт его в Киев, решительно отвергая попытку детей Соловья выкупить отца. Приехав в Киев, Илья приходит к Владимиру, рассказывает, как он проехал по дороге прямоезжей. «Злые бояре подмолчивые», услышав этот рассказ, насмеваются над Ильёй, называют его «мужиком-деревенщиной». Рассерженный Илья уходит от Владимира и возвращается только после специального приглашения князя. Затем он казнит Соловья.

Другие былины рассказывают о подвигах Ильи в борьбе с внешними врагами Руси: он побеждает татарское войско Калина царя, угрожавшего захватить Киев, пленить русский народ. В былине «Илья Муромец и богатырь Турок» рассказывается о победе Ильи над турком, в образе которого олицетворены турецкие захватчики. В былине «Илья Муромец и Алёша Попович» он борется с крымскими татарами, калмыками. Очень редкая старина «Илья Муромец и Тугарин» рисует нам героический образ жены Ильи Муромца, которая в отсутствие мужа, по зову князя, встаёт во главе киевской рати и побеждает врага русской земли Тугарина. Тексты «Илья Муромец и Бориска», «Илья Муромец и сын» повествуют о встрече и поединке Ильи с сыном, выросшим в его отсутствие в могучего богатыря.

Для алтайских былин об Илье Муромце характерна борьба Ильи не только с татарами, но и турками, а также калмыками. Последнее — проявление местного колорита, поскольку земли Алтайского горного округа подвергались набегам калмыков. Алтайские былины об Илье Муромце заострены против бояр, которые изображаются резко отрицательно: они злы, хвастливы, трусливы, клеветники и изменники. В варианте былины «Илья и Калин царь», записанной в Сузунском заводе от сказителя Половникова, Илья перед походом на врагов казнил бояр.

О богатыре Добрыне Никитиче, также любимом богатыре русского народа, Гуляевым записано на Алтае два текста: «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович» и «Про Добрыню и жену его». Герой показан в этих былинах в тех же чертах, что и в произведениях о

нём, записанных К. Даниловым, П. Рыбниковым, А. Гильфердингом.

Сибирские былины описывают подвиг Добрыни Никитича — победу над врагом русской земли Змеем-Горынычем и освобождение из плена племянницы князя Владимира Забавы Путятишны, которая в Алтайской былине заменена женой Владимира Апраксией. Несмотря на некоторую путанность, в былине ярко дан образ могучего богатыря, горячего патриота русской земли, в ней имеются своеобразные и любопытные детали. Добрыня на Кучай-реке безоружный вступает в бой со Змеем и побеждает его не «шапкой земли греческой», как об этом говорится в ряде вариантов, записанных на севере России, а

Зажимал Добрыня ком желта песка,
Бросал в зменшша, зла Горынишша,
Отшиб зменшшу тридцать хоботов...

Главное место отводится Добрыне Никитичу и в былине «Про Василия Казимерского», записанной Гуляевым от Л. Тупицына в Барнауле, великолепного по эпическому мастерству сказителя. В этой былине Владимир-князь поручает Василию Казимерскому отвезти царю Батуру Батвесову дани-пошлины за тридцать лег. Печальный идёт Василий исполнять этот приказ. Встретившийся ему Добрыня Никитич, узнав о поручении Владимира, решительно заявляет:

Не возьмем вести от князя Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины,
Мы попросим от собаки царя Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины...

Добрыня сначала побеждает врага, состязаясь с ним в игре, в стрельбе, затем побивает его войско.

Весьма популярен в алтайских былинах образ Алёши Поповича (четыре текста).

В былинах, записанных П. Рыбниковым, А. Гильфердингом и другими собирателями на севере России, образ Алёши Поповича часто противоречив. С одной стороны он изображается храбрым, смелым, бесстрашным богатырём-патриотом, находчивым и хитрым, с другой — он именуется «завидушним», «долгополым», «бабым прелестником». Эти отрицательные черты, как установлено исследователями, позднейшего происхождения, являются результатом перенесения на Алёшу антипоповских настроений народа в связи с прозвищем его Попович.

В алтайских былинах Алёша Попович изображается преимущественно положительно. Он рисуется сподвижником Ильи Муромца, он побеждает Змея Тугарина и освобождает Киев («Алёша Попович и Еким Иванович»), он спасает из татарского плена свою сестру («Об Алёше Поповиче»), при этом Алёше Поповичу, как и Илье Муромцу, свойственно бескорыстие, чувство собственного достоинства, независимости от князя Владимира. Так, в ответ на приглашение Владимира «за единый стол хлеба откушати!», Алёша Попович и Еким Иванович отвечают:

На приезде гостя не учествовал,
На отъезде не учествовать.

Такая положительная разработка образа Алёши, характерная для алтайских былинных вариантов о нём сближает их с былинами об Алёше Поповиче из сборника Кирши Данилова, свидетельствуя о древности сибирских текстов.

Среди героических былин, записанных Гуляевым на Алтае, имеется былина «Василий Пьяница». Былина эта принадлежит также к циклу былин о героической борьбе русского народа с татарами. Герой её — представитель голи кабацкой, бедноты, спасает Киев от врага, чаще всего Батыги (т. е. Батыя); в варианте, записанном А. Лазебниковым в Ордынске, — от Подольского царя.

К циклу былин о татарщине относится и старина «Суханьша Замантьевич». Она записана Д. Соколовым в Сузунском заводе от старика-нищего. Герой былин — Суханьша в записях, сделанных в России, именуется Сухманом, Суханом. В этой былине, по толкованию С. И. Гуляева, нашли отражение события Куликовской битвы, победа русского народа над татарским ханом Мамаем. Так её понимал и алтайский сказитель (см. примечание к № 18).

Героические былины, собранные Гуляевым на Алтае, ярко выражают патриотизм русского народа, его любовь к родной земле, ненависть к врагам, в них выразительно проявляется свободолюбие русских людей, их высокие моральные качества: патриотизм, мужество, бесстрашие, храбрость, ясный ум, честность и гуманность, свойственные всему русскому народу. В этих былинах нашла отражение и ненависть народа к своим классовым врагам — боярам.

Гуляевым записаны также и новеллистические былины. Главная тема новеллистических былин, собранных Гуляевым, известных и в записях, сделанных в России, тема семейной и общественной жизни. Этих былин в собрании Гуляева меньше, чем героических. В них, прежде всего, бросается в глаза отсутствие таких популярных на севере России былин, как былины о Садко и Василии Буслаевиче. Быть может, это объясняется тем, что на Алтае нет морей.

В былинне «Ставер Годенович», принадлежащей к числу популярных сюжетов, рисуется образ жены Ставра Василисы Никулишны, умной, находчивой и отважной русской женщины, которая выручает из беды мужа и посрамляет князя Владимира.

В былинне «Иван Годенович» «переплетаются мотивы новеллистические и героические» (А. Астахова). Герой едет сватать невесту, но она оказывается похищенной кощею Бессмертным. Иван Годенович выручает её из плена, а затем наказывает за недостойное поведение у врага. В былинне разрабатывается проблема патриотизма и моральной стойкости.

Проблема моральной стойкости разрешается и в былинне «Чурила Пленкович», в которой муж расправляется с изменницей женой.

Конным состязанием — любимому виду развлечения сибиряков — посвящена былина «Иван Гостиный сын», в которой герой в состязании побеждает князя

IV

Исторические песни, собранные Гуляевым на Алтае, многочисленны и разнообразны. Здесь мы находим почти все основные сюжеты наиболее популярных исторических песен с XVI по XIX вв., начиная с песен об Иване Грозном и кончая песнями об Отечественной войне 1812 года.

Исторические песни, как и былины, патриотичны; они воспевают героев — защитников родины, исполнены ненависти к изменникам и трусам. В отличие от былин, в исторических песнях изображаются конкретные исторические герои и события.

Значительное количество сюжетов исторических песен в южной Сибири связано с именем Ивана Грозного.

вообще широко популярного в устном народном творчестве. Иван Грозный imponировал народным массам своей прогрессивной политикой, борьбой с изменниками боярами, ненавидимыми народом. Борьба Грозного с изменой составляет основную тему исторических песен о Грозном.

Песня «Кострюк Иземзюрьевич и царь Иван Васильевич», относящаяся к циклу песен о женитьбе Ивана Грозного на черкешенке, разрабатывает тему патриотизма. В песне прославляются сила и ловкость русского борца Данилки, поборовшего шурина Грозного, чванливого и заносчивого Кострюка. Популярности этой песни на Алтае способствовала также любовь сибиряков к борьбе, симпатии к силе и ловкости.

В песнях об Иване Грозном много внимания уделяется теме борьбы с изменой, с изменниками боярами. Так, в песне «Про Ивана Грозного» царь посылает на казнь своего сына Фёдора, заподозренного в измене.

В архиве С. И. Гуляева мы нашли редкий текст исторической песни о заговоре бояр на жизнь царя, что несомненно отражает факты, имевшие место в борьбе бояр против Ивана Васильевича¹.

Исторические песни об Иване Грозном, прославляя царя за патриотизм и борьбу с изменниками боярами, показывают и тяжёлое положение народных масс, с которых драли три шкуры. В песне о «Правеже», приуроченной к Ивану Грозному, показывается наказание крестьянина за «напраслину». Выразителен облик наказуемого, которого бьют «нагова», «босого».

Ко времени Ивана IV следует отнести и песню о славном завоевателе Сибири Ермаке Тимофеевиче, популярном народном герое-патриоте. Сказания и песни о Ермаке несомненно в Сибири были многочисленны. Они отразились в сибирских летописях XVII—XVIII вв.; несколько песен о нём мы находим в сборнике Кириши Данилова.

Алтайский вариант песни, записанный в Локтевском заводе, рассказывает о событии, предшествующем походу Ермака в Сибирь, об избрании вольными казаками Ермака своим атаманом.

¹ Пронски бояр и их заговор против Грозного — тема ряда народных преданий. Аналогичные произведения существовали и о Петре Великом. Может быть, данная песня в ряде случаев исполнялась как песня о Петре, а не о Грозном.

К XVII в. относится песня о князе Михайле Скопине-Шуйском, русском полководце начала XVII в., эпохи героической борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией. Скопин-Шуйский прославился победами над польскими захватчиками и был отравлен боярами, завистниками его славы. Место действия песни о Скопине-Шуйском в алтайских вариантах приурочено к Киеву, к двору князя Владимира.

Гуляевым записаны две песни о Степане Разине: «Сын Степана Разина» и «Казнь Степана Разина». Первый текст записан собирателем от Л. Тупицына. Это — популярный сюжет о сыне (т. е. посланце, разведчике) Степана Разина, схваченном и осуждённом властями. Второй текст песни рассказывает о казни Разина в Москве. Песня эта принадлежит к лучшим произведениям о Степане Разине. Разин в ней именуется атаманом казачьего круга, а казнь его переживается как большое горе.

Помутился славный тихий Дон,
Со вершины до Чёрна моря,
До Чёрна моря — Азовского.
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича.

Наличие песни о Степане Разине в южной Сибири говорит о популярности здесь имени руководителя крестьянского восстания XVII в.

Откликом на осаду и разгром царскими войсками Соловецкого монастыря является песня «О Салтыкове». Соловецкое возмущение, начавшись в 1657 году с протеста против икононской реформы, в 1667 перешло в открытое восстание, поддержанное беглыми холопами, боярскими людьми и населением. Оно было с трудом подавлено военной силой в 1676 году. Популярность этой песни объясняется не только наличием старообрядческого населения на Алтае, как об этом говорит М. Азадовский¹, но и тем, что Соловецкое восстание было своеобразной формой протеста против невыносимого феодально-крепостного режима.

В песне «О князе Голицыне» осуждается фаворит царевны Софьи В. В. Голицын, обвинённый народом в измене, в связи с неудачным походом в Крым.

¹ См. книгу «Былины и исторические песни из южной Сибири», стр. 169.

Откликом на военные события XVIII в. являются песни о Шереметьеве и З. Г. Чернышёве, о великом русском полководце Суворове. В песне «О Шереметьеве» — сподвижнике Петра — отразилась борьба Петра I со шведами, в ней изображён героизм русских солдат¹. Для алтайского варианта песни характерно перенесение действий с севера на юг, вместо шведов в ней выступают турки, что, быть может, объясняется тем, что Шереметьев участвовал в борьбе со шведами и с турками.

З. Г. Чернышёв участвовал во взятии русскими войсками Берлина в 1760 году. Особенно он стал популярным в народе вследствие того, что один из сподвижников Емельяна Пугачёва — Зарубин-Чика — принял на себя это имя. Благодаря этому о графе З. Г. Чернышёве сложилось в народе много песен и легенд, рисующих его храбрым, мужественным, иногда прямо сподвижником Пугачёва².

Бесстрашным героем, преданным России выступает З. Г. Чернышёв в посвящённой ему алтайской песне. Когда к Чернышёву, сидящему в тюрьме, приезжает прусский король и склоняет его к измене Родине, Чернышёв словами Ильи Муромца отвечает:

Как была бы сабля острая,
Сослужил бы службу верную,
Я бы снёс твою головушку³.

В песне о Суворове, найденной нами в архиве Гуляева, рассказывается о смерти Суворова в борьбе с прусским королём. Описываемый факт не соответствует действительности. Но песня интересна тем, что она ярко

¹ Песен о самом Петре I в архиве С. И. Гуляева не обнаружено. Но нам думается, это не потому, что имя Петра было непопулярным среди старообрядческого населения Алтая, как это утверждает М. Азадовский («Былины и исторические песни...», стр. 181). Не всё население Алтая было старообрядческим. С. И. Гуляев называет в числе любимых русским населением Алтая былинных героев, наряду с Иваном Грозным, Ермаком, Суворовым, Ст. Разиным и Петра I. Очевидно, песни о Петре не были записаны.

² См. об этом работу А. Лазановой «Социальное переосмысление песен о Чернышёве», сб. «Советский фольклор», № 2—3, М., 1936, стр. 273—292, а также нашу работу «Фольклор в сибирских произведениях В. Короленко», «Учёные записки» Новосибирского государственного пединститута, вып. 7, 1948 г., стр. 72—73.

³ См. былинку «Илья Муромец и Калин-царь», записанную Поганиным в Бухтарме. Сб. «Былины и исторические песни из южной Сибири», стр. 144—145.

передает народную любовь к великому полководцу, который отдаст свою жизнь борьбе с врагами родины. Песня о Суворове была популярной в Алтайском горном округе. Об этом говорит не только наличие её вариантов в собрании Гуляева, но и исполнение её во время игры «Взятие снежного города» в Локтевском заводе.

В Отечественную войну 1812 года, когда Россия поднялась на борьбу с нашествием Наполеона, народ создал ряд песен о Кутузове и Платове. В песне о Кутузове, записанной на Алтае, повествуется о разгроме и бегстве Наполеона и французских захватчиков под натиском русской армии, возглавляемой народным полководцем Кутузовым. Песня исполнена большой любовью к великому полководцу, веры в победу над ненавистным врагом.

Командир у нас Кутузов,
Он умеет бить французов

Платов — командир казачьих частей во время Отечественной войны 1812 года — прославился своими победами над французами. В архиве Гуляева имеется о нём несколько вариантов песни. Эта песня исполняется в Сибири и поныне.

Исторические песни, как мы видим, главным образом, посвящены теме защиты родины. Борьба с внешним, а также внутренним врагом составляет основное их содержание. Они воспевают героев — защитников родины: Грозного, Ермака, Скопина-Шуйского, Суворова, Кутузова, Платова, проникнуты ненавистью к врагам, изменникам и трусам.

«Исторический эпос XVI—XVII вв., — говорит В. Чичеров, — имея преемственную связь с былинами, утверждал великую роль Москвы в жизни Руси»¹.

Воспевая общерусских героев, исторические песни на Алтае и в Сибири выражают идею патриотизма, исполнены ненависти к внешним и внутренним врагам, они утверждают идею единства русской земли во главе с Москвой, единство матери-Родины — Великой Руси, неразрывную связь Сибири с Русью.

¹ В. Чичеров. «Об этапах развития русского исторического эпоса». «Историко-литературный сборник», М., 1947 г., стр. 54.

В книге печатаются балладные песни, собранные Гуляевым на Алтае.

Песни-баллады сюжетны, но без чётко обозначенного исторического содержания. Сюда относятся: «Полонянин», в которой устами удалого доброго молодца, «сиротиночки», сына вдовы, выражен страстный протест против врагов, захватчиков и плена. Песни «Девушка в лодке атамана» и «Девушка, доставшаяся с дувана молодцу», «Марьюшка — вдовына дочь» посвящены «разбойникам». Захваченная разбойниками девушка в этих песнях или мечтает о воле-свободе («Девушка в лодке атамана»), или оказывается родной сестрой разбойников («Марьюшка — вдовына дочь»). В песнях осуждается разбой, приносящий людям горе.

Былины-баллады затрагивают и другие темы: о возвращении молодца-гуляки к жене («Молодец возвращается к жене»). Популярны оказались на Алтае песни о Ваньке-ключнике («Князь Волконский и Ваня-ключник», «Гришутка-ключник»), в которых повествуется о жестокой расправе князя с крепостным ключником, любимым княгиню. Оба гуляевские текста, как верно замечено исследователем¹, испытали на себе влияние былин о Владимире. Так, в песне «Князь Волконский и Ваня-ключник» жена Волконского именуется Апраксией, а во второй песне «Гришутка-ключник» — Гришутка любит жену князя Владимира.

В концовке песни «Князь Волконский и Ваня-ключник» Волконский раскаивается в казни Ванюши, которая повлекла самоубийство княгини:

Ах, сгубил я две головушки добрые,
И живите-ка они хоть бы век-от свой.

В этом сказался гуманизм сказителя Л. Г. Тупицына. В песнях-балладах, в большинстве своём отвлечённых от конкретной исторической обстановки, как в былинах и исторических песнях, народ выразил протест против врагов-захватчиков, против грабителей-разбойников, приносящих страдания и несчастья мирному населению, против жестокого отношения бар-помещиков к крепост-

¹ См. «Былины и исторические песни из южной Сибири», стр. 166.

ным людям. В этих песнях также ярко проявляется свободолюбие русского народа, его высокие моральные идеалы, гуманизм.

V

В статьях «О сибирских круговых песнях» и «Этнографические очерки южной Сибири» Гуляев опубликовал до 150 песен, собранных им в Алтайском горном округе. В архиве краеведа хранится немало неопубликованных текстов песен как сходных с напечатанными, так и совершенно новых. Эти песенные материалы, собранные Гуляевым, показывают народно-поэтические богатства Сибири, которые до него здесь в таком обилии никем не собирались.

Публикуя большое количество высоко художественных, подлинно народных песен, Гуляев даёт им чёткую классификацию, показывает связь их с бытом народа. Исследователь делит песни на свадебные, круговые, проголосные и плясовые.

Свадебная обрядность существовала у русского народа с глубокой древности. Наличие её ещё в дохристианский период (IX в.) отмечается в памятнике древнейшей русской письменности «Начальная летопись» (XI в.). Много замечаний о свадебных обычаях встречается в летописных рассказах о X—XII вв. В дошедшем до нас в позднейших записях свадебном обряде запечатлён быт патриархальной семьи крепостнической поры, но в нём имеются различные древнейшие пережитки: историко-правовые (отголоски брака умыкания, брака купли-продажи), религиозно-магические (осыпание молодых хмелем, зерном), некоторые элементы христианской обрядности (молитвы) и другие черты более позднейшего времени.

Свадебный обряд не являлся одинаковым на всей территории Руси, в разных местах, в разное время он носил различный характер.

Свадебные обряды в Сибири описаны в целом ряде работ¹.

¹ Е. Я. Самойлович. «Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири». Иркутск, 1925 г.

Заметки о свадебном обряде на Алтае мы находим в «Сибирском Вестнике» (1818 г.)¹.

До С. И. Гуляева о свадебном обряде в Сибири сообщает А. Авдеева в работе «Записки и замечания о Сибири», где ею приводятся тексты свадебных песен².

С. И. Гуляев в своей работе даёт подробное описание свадьбы среди крестьян Алтайского горного округа и приводит семьдесят текстов свадебных песен.

Характеризуя свадебный обряд на Алтае, указывая на его широкое распространение в Колывано-Воскресенском горном округе, Гуляев отмечает его различие среди рабочих, крестьян, чиновников. К сожалению, это интересное замечание остаётся не раскрытым в работе Гуляева.

Общие, наиболее устойчивые части свадебного обряда, записанного Гуляевым, следующие: 1) сватанье, 2) сговор, 3) смотрение, 4) баня, 5) девичник, 6) браньё, 7) окручивание, 8) пир у жениха, 9) блины у тестя, 10) отводины. Такая структура характерна для свадьбы на Алтае.

Песни, исполнявшиеся во время свадебного обряда, разнообразны по тематике, высоко поэтичны.

Главное внимание этих песен обычно сосредоточено на изображении вступающей в брак девушки. В песнях невесты и о ней рассказывается о тяжести расставания девушки с родительским домом и девичьей волей, о привольной жизни в доме батюшки и матушки, о страхе перед «чужими людьми», семьёй мужа. С тяжёлым чувством говорит невеста, что ей придётся расстаться со своей волей, подчиниться не только мужу, но свёкору со свекровью, «голову держать поклонную, ретиво сердце покорное». Эти песни отражают бесправное положение женщины в патриархальной, феодально-крепостнической семье.

«Не подлежит сомнению, — пишет П. Лафарг, — что печаль, испытываемая женщиной при мысли о браке, ощущалась ею глубоко и искренно, ибо народная песня

¹ «Путешествие от сибирской линии до Ташкента и обратно», 1800 г., «Сибирский Вестник», 1818 г., № 3; «Путешествие по южным алтайским горам в 1809 г.» «Сиб. Вестн.», 1818 г., № 4.

² Авдеева. «Записки и замечания о Сибири», Москва, 1837 г., стр. 36—52, 95—112, 135—142.

не есть порождение праздной и неискренней фантазии, и чувства, которые она выражает, — не искусственные вымыслы»¹. Отсюда драматический характер причитаний и песен невесты.

Песни, исполнявшиеся участниками свадьбы, полны сочувствия невесте, они называют её «пташечкой», «лебедью», «ласточкой-касаточкой», «перепёлкой», «ягодкой».

В русских свадебных песнях раскрывается душевный мир, богатство чувств русского человека, его высокие моральные качества, щедрость, великодушие, свободолюбие, нравственные идеалы.

В. Г. Белинский характеризовал русский народ как глубоко атеистический народ. «В нём ещё много суеверия, но нет и следа религиозности... мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме»².

Великий критик иллюстрировал это положение русскими народными сказками, пословицами и поговорками. Это можно подтвердить и свадебным обрядом и песнями, связанными с ним. В свадебном обряде и песнях есть ещё элементы языческой мифологии, проступающие в заговорах и заклинаниях дружки. Но в обряде нет христианской религиозности; все ситуации семейной жизни, положение женщины в семье мужа объясняются реалистически, во всём проявляется здравый ясный ум русского человека.

Реалистическое мировосприятие народа в свадебном обряде сказывается и в том, что свадебный обряд, как и другие виды народной поэзии, ярко выражает «чаяния и ожидания народные» (Ленин), народные думы о свободной счастливой, зажиточной жизни. Это видно в причитаниях невесты и в песнях девушек — подруг невесты. В песнях высказываются пожелания жениху и невесте богатой и счастливой жизни «двор те скота да амбар жигота» и т. д. Этим же объясняется свадебная идеализация, т. е. приподнятое, возвышенное изображение свадебных персонажей (жених — князь, невеста — княгиня, участники свадьбы — бояре), красочное изображение

¹ П. Лафарг. «Очерки по истории культуры», М., 1927 г., стр. 61.

² В. Белинский. «Письмо к Гоголю», Избранные сочинения, изд. ГИХЛ, М., 1947 г., стр. 617.

одежды участников (шубы собольи, куны, платья шелковые и парчовые). Это не является, как утверждали буржуазные реакционные учёные, свидетельством аристократического происхождения свадебного обряда и всей народной поэзии, мы видим здесь яркое выражение народной мечты о свободной, счастливой, зажиточной и красочной жизни.

Свадебный обряд, записанный С. И. Гуляевым, по характеру и роли дружки, который выступает не только как церемониймейстер и весёлый человек, но и как колдун-знахарь, относится к северному типу. Это ещё раз подтверждает связь населения южной Сибири с жителями Севера России.

В отдельных песнях южно-сибирского свадебного обряда проступают черты северной природы, изображаются лес, тайга, дикие звери, быстрые реки, мороз. Замечательна в этом отношении песня дружки «Воротички скрип, скрип... мороз на дворе» (№ 60)¹.

В советскую эпоху социалистические преобразования коренным образом изменили жизнь народных масс и положение женщины в семье и обществе. По-новому проходят советские свадьбы, иные песни поют на них, песни о радостной, счастливой социалистической жизни. Свадебный обряд исчез из живого бытования, но сохранил историко-познавательное значение, он даёт представление о старом, давно ушедшем быте и нравах, о тяжёлом в прошлом положении женщины.

Многие свадебные песни выразительные и лирические, говорящие о любви, выражающие высокие моральные идеалы русского народа, имеют большое поэтическое значение; некоторые из них и теперь любимы нашим народом и сохранились в репертуаре колхозной деревни.

Гуляев собрал большое количество лирических игровых, хороводных песен, дал их описание.

Гуляев подробно останавливается на характеристике круговых песен. Круговые — это игровые или хороводные песни. Он подразделяет круговые песни на песни, сопровождаемые играми, и просто круговые. «Круговыми песнями они называются потому, что девушки, молодые

¹ Тожественный текст песни мы записали в 1948 г. в с. Нижний Сузун Сузунского района Новосибирской области от А. Бобровской.

мужчины, взявшись за руки, становятся в круг и начинают ходить¹. Круговые песни, сопровождаемые играми, изображают какой-нибудь случай из семейной жизни русского народа».

«Содержание просто круговых песен составляют жалобы девушки на грустное одиночество, или сожаление женщины, вышедшей замуж за постылого человека, о счастливом беззаботном девичьем времени, об утраченной в горе девьей красоте и жалобы на ревнивого мужа, на лихого свёкра и свекровь и злых золовок, пересуды соседей и пр.»².

Среди круговых песен, сопровождаемых играми, имеется ряд песен, отражающих трудовую жизнь народа: посев гороха («Пора пашню пахать»), посев и обработку льна («Как мне, мати, пашеньку пахати»), посев проса («А мы просо сеяли») и др. Любопытная песня о скоморохе («Скоморох ходил»). Эта песня свидетельствует о том, что древние народные певцы, артисты, скоморохи были хорошо известны сибирякам, что, бежав от преследований церкви в XVII в. в «украинные места», скоморохи нашли убежище и в Сибири и пользовались здесь популярностью за своё искусство. Интересна также песня «Сидел олень под кустиком», в которой можно усмотреть проявление сибирского колорита.

«Мотивы круговых и проголосных песен,— замечает С. И. Гуляев,— исполнены мелодии и отличаются той же грустью, разлитой вообще во всех напевах русского народа, исключая песен насмешливого содержания и плясовых»³.

«Песни плясовые,— говорит Гуляев,— те, под напевы которых там, где нет никакого музыканта, пляшут на вечёрках, супрядках, помочах и свадьбах»⁴.

Касаясь ритма круговых сибирских песен, Гуляев указывает на «большую правильность в расположении слогов долгих с короткими»⁵.

Круг песен, собранных и опубликованных Гуляевым, довольно широк, но он не охватывает всего песенного репертуара русского народа в Сибири. Так, из поля зрения собирателя выпали песни сатирические, в которых

¹ «Этнографические очерки южной Сибири».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

дана социальная сатира на господствующие классы — на бар, чиновников, духовенство.

Ценным в работах Гуляева является строгий отбор высоко художественных текстов, постоянный показ народной песни в условиях её бытования. Исследователь указывает на широкое распространение круговых песен. «Эти песни известны повсюду, они поются на отдыхе от трудов и на семейных праздниках, ими потешаются старики, ими тешится и молодёжь, выражая в них задушевные чувствования и желания собственной юности и любви»¹. Собиратель указывает на обстановку, время, когда эти песни исполняются: «начиная с первого дня святой недели и до троицы они поются на улицах, от вечера до поздней ночи; но с троицына дня и далее, с наступлением постов и страды, т. е. времени сельской жатвы, уборки льна и других сельских работ, редко слышно круговые песни, и то разве на одних помочах. С половины же сентября месяца или с наступлением супрядок, капусток и вечёрок, круговые песни входят опять в свои права, и везде услышите их, в городах, в деревнях, в домах чиновников и купцов, заводских мастеров и крестьян. Прекращаясь с филипповым постом, они поются с рождества до окончания масленицы на супрядках, вечёрках и свадьбах»².

Также подробно описывает собиратель помочи для уборки сена, хлеба, приготовления капусты («капустки»), пряжи льна («супрядки»), вывозки сена, брёвен для постройки домов и т. д.³.

В связи с этнографическими материалами Гуляева, характеризующими обряды и обычаи сибиряков, следует отметить имеющуюся в архиве Гуляева интересную рукопись, присланную собирателю братом его Василием Ивановичем с Локтевского завода, в которой даётся описание локтевских зимних катаний, святок и снежного города на масленице⁴.

В. И. Гуляев характеризует в своей рукописи святочные маскарады и игры, крещенские скачки на лошадях, развлечения, катания с снежных гор на масленице. Рассказывая о крещенских развлечениях, Гуляев пишет,

¹ «Этнографические очерки южной Сибири».

² «О сибирских круговых песнях», стр. 58.

³ «Этнографические очерки южной Сибири».

⁴ Архив Гуляева, ф. — 36, д. 35, лл. 13—14, 5—6.

как, не обращая внимания на крестный ход, «молодые крестьяне да и мастеровые стараются один другого перегонять на приготовленных к этому времени скакунах, не снимая с головы ни красных малахаев, ни шапок».

На масленице мастеровые, мужчины и женщины, молодые и пожилые наряжались в шубы, надетые вверх шерстью, лица завязывали тряпицами или масками из коровьих брюшин. «Старухи надевают сарафаны или дубасы самые ветхие, головы окутывают тряпицами, таская на руках большие куклы в виде ребёнка, называя Сазонушкой... выпрашивают у катающихся по улицам лиц денег на молочко и прянички, наговаривая притом, что Сазонушка умирает с голоду». Тут же расхаживали «генералы» с соломенными эполетами, сопровождаемые стрельцами, вооружёнными луками. Стрельцы стреляли из луков снегом во встречных¹. Один из стариков представлял цыгана, водящего на железной цепи одетого в медвежью шкуру парня. «Зверь» показывал, «как матушка милому сынку головушку чешет, как мачеха постылому пасынку голову чешет, как старые бабки из кабака идут шатаются». «Генералы» показывали наказание виновных, которых стегал, по предписанию их, палач жгутом. Происходила пляска под скрипку с бубном, выступал хор песенников в 30, иногда и более человек, которые располагались на двоиx скреплённых между собой дровнях, на которые были поставлены углевозные короба. Посреди ставилась высокая мачта, наверху которой укреплялось тележное колесо. На колесе, закрытом ковром, сидел в надетой сверх шубы красной рубахе с накрашенным лицом мастеровой, представляющий масленицу; в руках у него на палке был цветной шёлковый платок, изображающий знамя.

В. И. Гуляев приводит и песни, исполняемые во время игры: «Улица, улица моя», «Ах, ты слышишь ли ты, душа, милый друг», «Ходит Стеша по двору», «Весёлая голова, не ходи мимо сада».

В последний прощальный день масленицы устраивали «снежный город». Устраивался он за заводским селением. «Генералы» приглашали население «для защиты от угрожающего неприятеля, обещаясь прибавить ещё

¹ Для стрельбы из лука снегом на стрелах было сделано специальное воронкообразное приспособление.

семь недель масленицы». Когда народ собирался, одна группа его под руководством «генерала» шла защищать город, другая группа под руководством второго «генерала» осаждала город. Защищающий «город» генерал изображался немцем, говорил с акцентом. Потеха продолжалась не менее двух часов и заканчивалась взятием снежного города, со стены которого сбрасывали «генерала» с его свитой, разрывая их бумажные ордена и шляпы. По городу в это время жгли пучки соломы, привязанные на длинных шестах. Победителя брали под руки и вели по улицам, исполняя песню о Суворове.

С обеих сторон в игре участвовало до тысячи человек, половина из них (осаждающие город) на лошадей.

Игра «Взятие снежного города» была распространена в Сибири. Она запечатлена на картине великого русского художника-сибиряка В. И. Сурикова¹. О бытовании игры в Красноярском крае рассказывает М. В. Красноженова², эту игру изобразил В. Шишков в своём романе «Угрюм-река».

Материалы архива С. И. Гуляева дают нам сведения об этой игре, относящиеся к 60 годам XIX в., то есть к более ранней поре. Причём, описание В. И. Гуляева интересно тем, что оно показывает эту игру в условиях горно-алтайского завода.

Традиционные масленичные обряды (катание на лошадях, ношение зажжённого колеса, взятие снежного города) в условиях алтайских горных заводов среди горнорабочих, как мы видим, лишены какого-либо магического и мифологического значения, они выступают как яркие, красочные игры, отражая подлинные, реальные картины ранней заводской жизни, быт и нравы мастеровых. Масленичные развлечения локтевских горнорабочих полны веселья, жизнерадостности и оптимизма. В этих развлечениях алтайских горнорабочих много выдумки, остроумия, проявляется социальная сатира на ненавистных начальников. В них принимали участие все рабочие. В то же время В. И. Гуляев отмечает равнодушие

¹ Картина Сурикова была экспонирована на выставке в 1891 г.

² М. В. Красноженова. «Взятие снежного городка в Енисейской губернии», «Сибирская живая старина», вып. II, Иркутск, 1924 г. Описанию этой народной игры в Сибири посвящена также статья А. Новикова «Несколько слов о «сибирской масленице», «Сибирская живая старина», вып. VII—IX, 1929 г.

и полное пренебрежение со стороны крестьян и рабочих к церкви и церковным обрядам. «С реки никогда не увидишь, чтобы провожали святые иконы в храм божий», — констатирует собиратель. (Архив, д. 35, л. 2). Это ещё раз подчёркивает атеизм русского народа, о котором говорил В. Г. Белинский.

Работы С. И. Гуляева о песенном творчестве сибиряков интересны не только большим и свежим материалом высокого художественного достоинства, но и тем, что они показывают связь песни с бытом, с обычаями, жизнью народа.

Сопоставляя материалы Гуляева с публикациями народного творчества его современников в России (Сахаров) и в Сибири (Авдеева), мы находим у Гуляева много нового и интересного. Сравнение песен, напечатанных С. И. Гуляевым в работах «Сибирские круговые песни» (1839 г.) и «Этнографические очерки южной Сибири» (1848 г.) с текстами, опубликованными И. Сахаровым в книге «Сказания русского народа» (1837 г.), показывает, что сходных текстов у Гуляева немного, в большинстве это новые песни. Положительно отличает работу Гуляева о свадебных песнях от аналогичной работы Сахарова то, что он даёт песни в связи с обстоятельным описанием свадебного обряда, чего у Сахарова нет. Кроме того, Гуляев приводит импровизации дружки. Во второй части работы С. И. Гуляева «Этнографические очерки южной Сибири», посвящённой круговым, игровым, проголосным песням, также текстов, сходных с сахаровскими, немного (всего четыре), остальные новые. Таким образом, записи Гуляева представляют определённый вклад в изучение песенного творчества русского народа первой половины XIX в.

В Сибири до С. И. Гуляева народный быт и песенное творчество изучала сестра известного журналиста первой половины XIX в. Н. Полевого — Е. А. Авдеева, которая написала книгу «Записки и замечания о Сибири» (1837 г.).

Ценность книги Е. А. Авдеевой, которую А. Н. Пыпин назвал «одной из первых работ по этнографии Сибири»¹, в том, что она является интересной попыт-

¹ А. Н. Пыпин. «История русской этнографии», т. IV, 1892 г., стр. 443.

кой описания быта и нравов иркутян 30-годов XIX в. В «Записках» Авдеевой подробно рассказано об иркутском городском быте, обычаях, увеселениях, песнях, языке местного населения. Автор приводит более 50 текстов песен: свадебных, круговых, подблюдных, плясовых — с краткими замечаниями о том, когда, в какой момент игры эти песни исполняются. С книгой Авдеевой так же, как и с трудом Сахарова, Гуляев несомненно был знаком. Но в своих работах о сибирской песне он не повторил своих предшественников. Его работы — первые крупные труды по этнографии и народному творчеству южной Сибири. Они являются значительным вкладом в дело этнографического и фольклорного изучения Сибири. Исследователь даёт большой, разнообразный, высокопоэтический песенный материал и обстоятельные комментарии к нему, в которых сообщается много новых и ценных сведений о бытовании и исполнении песен. В его трудах содержится попытка анализа содержания песен и оценка их художественных и мелодических качеств. В этнографических работах Гуляева, как отметил ещё А. Н. Пыпин, заключается довольно обширный диалектологический словарь¹.

Не случайно «Этнографические очерки Южной Сибири» С. И. Гуляева привлекли внимание Н. А. Добролюбова, который, собираясь писать работу о поэтических особенностях русской народной поэзии, в перечне работ, необходимых для выполнения этого замысла, называет и труд С. И. Гуляева².

VI

Произведения былевого эпоса и песенного творчества, собранные Гуляевым на Алтае, носят общерусский характер. Абсолютное большинство их известно по всей России. Идейное содержание, идеалы, выраженные в поэтическом творчестве сибиряков, близки всему русскому народу.

В отличие от областников (Щапова, Потанина, Ядринцева и др.), ложно считавших, что русское население Сибири, перевалив через Урал, забыло своё творчество, что сибиряки не знают и не любят песню, что, следовательно, они оторвались от общерусской культурной традиции, Гуляев утверждает:

¹ Рукопись словаря имеется в архиве; ф—д—36, д. 297, опубликован при работе «Этнографические очерки южной Сибири».

² Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. I, 1934 г. стр. 523.

«Отправляясь в новое отечество, переселенцы уносили с собой, как заветное достояние предков, поверия, сказки и песни о былинах прежнего времени, которые передавались из рода в род, сохраняются и доныне в народной памяти, вероятно, с небольшими изменениями»¹.

Гуляев утверждает в своих трудах единство русского населения Сибири с русским народом, с русской культурой. В своих трудах он устанавливает этническое родство засельщиков южной Сибири с жителями севера Руси. Это он доказывает историческими данными, прослеживая пути колонизации южной Сибири, этнографическими данными, устанавливая общность обычаев, обрядов, народного творчества, и подтверждает диалектологически, т. е. данными языка.

В письме к И. И. Срезневскому С. И. Гуляев пишет, что первоначально население Алтайского горного округа «образовалось преимущественно из жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерний».

«Русское население южной Сибири,— пишет он,— принадлежит к великорусскому племени, представляет те же, в физиологическом и нравственном отношении, типические черты, которые свойственны великоруссам, и резко отличают их от других соотечичей... Одарённые от природы умственными способностями, живым восприимчивым характером... отличаются смекальностью, сметливостью, молодечеством и отвагою, проявляющимися при разных случаях, например, во время звериного промысла, в гоньбе за волками на лошадях, в начале зимы по незачарыневшему (незатвердевшему) ещё снегу (от чарым — снежный сугроб), без оружия, с комельком в руке (берёзовою дубиною); иногда для того только, чтобы «коней размять»; в гимнастических играх, требующих силы и ловкости, как например, «борьба с носка», о которой упоминается в некоторых былинах, в стрельбе и пальбе из ружей и пистолетов, особенно на свадьбах и воинских потехах, устраивая для этого зароды из снегу, которые берут приступом»².

¹ Ст. Гуляев. «Алтайские каменщики», «Академические ведомости», 1845 г., № 20—30.

² Архивная рукопись вступительной статьи к сборнику «Произведения народного творчества». Архив Гуляева, ф.—д.—36, д. 214, лл. 1—51.

Гуляев отмечает, что жители Южной Сибири сохранили свойственные русскому населению России обряды и обычаи. Он указывает на существование в быту обрядов, отмеченных летописцем Нестором, «умыкания девиц», а также «побратимства» и «кумления».

Принадлежность русского населения южной Сибири к населению севера России Гуляев подтверждает и диалектологическими данными.

«Говор жителей южной Сибири,— пишет он,— населённой преимущественно, как мы выше заметили, выходцами из северо-восточной России, северо-русский, господствующий в Новгородской, Олонецкой, Ярославской части Костромской и других смежных губерниях. Главное отличие его от мягкого говора жителей Средней России состоит в резком произношении буквы «о»; выбрасывание из глаголов во втором и третьем лице единственного числа и в первом множественного буквы «е», напр., в словах: знашь, знат, знам, думат, думам. Употребление винительного падежа вместо творительного и предлога «по» вместо «за», напр., «идти по ягоды», «схать по сено», «по воду». Произношение вместо буквы «щ» двойной «ш», напр. «шшука», «шшедрый»... Произносить вместо «о» букву «а», напр. в словах «х-а-р-а-ш-о», «пайдём» называется «говорить свысока»¹.

Отмечая сходство собранного Гуляевым народно-песенного и былевого материала, идейное и художественное единство с общерусским, следует отметить своеобразие его.

Былевой эпос в южной Сибири не оставался неизменным. Сказители, повествуя о традиционных героях русских былин, не только вкладывали в них свои чувства патриотизма, ненависть к врагам своего народа, но и отразили местный алтайский колорит, местные исторические факты, природу, быт и обычаи жителей южной Сибири.

Мы уже отмечали, что русские богатыри в сибирских былинах ведут борьбу не только с татарами, но и калмыками, совершавшими в XVIII в. набеги на сибирские земли.

В былинах, собранных Гуляевым, запечатлён сибирский пейзаж. Например, в старине «Суханьша Замантьс-

¹ Архивная рукопись. Архив Гуляева, ф.—д.—36, д. 214, л. 1—51

вич», записанной от сузунского сказителя Половникова. Днепр описывается наподобие горной алтайской реки в половодье:

Течёт Днепр не по-старому
Не по-старому и не попржнему,
Пожирает в себя круты бережки,
Вырывает в себя желты, скатны пески,
По подбережку несет ветловый лес,
По струе несет крековый дуб,
По среди Днепра несёт добрых коней... и т. д.

Богатыри охотятся на зверей:

В те поры Ильи Муромца дома не случилось;
Полевал он далече во чистом поле,—
Зверя лютова на копье ловил,
Соболей, куниц на низок низал...

(«Про Илью Муромца и Тугаряна»)

Герои встречают звериные следы:

Попал им звериный след,—
И прошел вепришшо-кабанишшо.
Попал им опять звериный след —
Прошла-де лань златорогая...
Попал им опять звериный след —
Прошла кобыла серопегая..

(«Иван Годенович»)

Сибирский колорит сказывается и в других эпизодах былин. Например, в борьбе «с носка» («Добрыня Никитич»), распространённой в южной Сибири, суть которой Гуляев объясняет в своём «словаре», в описании конных состязаний, любимых на Алтае («Иван Гостиный сын»), в упоминании детских игр «в бабки» («Алёша Попович и Еким Иванович»), в названии крестьянского двора: Илья выводит коня «из за в о з е н к и из новые» («Илья Муромец. Первая поездка его в Киев»).

*
**

И. В. Сталин в своём гениальном труде по языкознанию указывает:

- «а) язык, как средство общения, всегда был и остаётся единым для общества и общим для его членов языком;
- б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а под-

тверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены»¹.

Былины и песни, собранные С. И. Гуляевым, представляют собой образец богатой красочной общерусской речи с элементами южно-сибирского диалекта. «Сибирская речь» проступает в живой языковой ткани былин и песен, в отдельных диалектизмах (см. словарь), в произношении имён (например Суханьша вместо Сухан), в характере некоторых окончаний (знашь, знам, думам), в замене «щ» двойным «шш» (Змеишша, Горынишша) и др.

И. В. Сталин учит, что язык «является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»², язык развивается медленно, без взрывов и ломки. Со времени смерти Пушкина прошло сто лет, но «современный русский язык, — говорит И. В. Сталин, — по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»³.

Песенные произведения, собранные С. И. Гуляевым в Сибири, были записаны 80—100 лет тому назад. За это время в языке народа произошли изменения. Поэтому целый ряд элементов в былинах и песнях, записанных С. И. Гуляевым, устарел. Устарели многие слова (см. словарь), устарели некоторые грамматические формы (подчивати, дратися, едаючи). Современный русский народный язык стал богаче по словарному составу и совершеннее по грамматическому строю. Однако язык былин и песен, собранных Гуляевым, так же, как и язык других произведений народной поэзии, представляет богатую сокровищницу народной русской речи, речи собразной, выразительной, богатой изобразительными средствами. Изучение языка этих устно-поэтических произведений совершенно необходимо для современных писателей.

М. Горький писал: «В народном творчестве скрыты беспредельные богатства. Только тут можно изучить родной язык, а у нас он богат и славен».

Известна работа Л. Толстого над усвоением богатств

¹ И. Сталин. «Относительно марксизма в языкознании». Издательство «Правда», 1950, стр. 19.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 7.

народно-поэтической речи. Над изучением языка песенных произведений, собранных С. И. Гуляевым в Сибири, работал великий русский драматург А. Н. Островский¹.

Труды Гуляева по изучению народного творчества Сибири имеют не только краеведческое значение, не только важны для изучения Сибири, но и являются вкладом в русскую науку о народном творчестве. В этом отношении они могут быть поставлены в один ряд с работами К. Данилова, Рыбникова, Гильфердинга и других собирателей.

Значение его работ заключается, прежде всего, в том, что он собрал в южной Сибири большое количество ценного устно-поэтического материала, он показал его связь с общерусским народным творчеством, с одной стороны, и с бытом сибиряков, с условиями местной жизни с другой. Работы Гуляева опровергают измышления областников о разрыве русского населения Сибири с общерусской национальной культурной традицией.

Гуляев открыл крупный очаг былевой поэзии в Сибири и тем показал существование в Сибири богатой эпической традиции. Эта работа собирателя позволяет представить общую картину бытования былевого эпоса Сибири.

К сожалению, после Гуляева, вплоть до нашего времени, не было проведено сколько-нибудь значительных работ по изучению эпической традиции в Сибири, как это было, например, сделано в России. Известно, что после Рыбникова и Гильфердинга в Олонецком крае былины изучались экспедицией бр. Б. и Ю. Соколовых², затем Париловой Г. Н.³ и Саймоновым А. Д. На севере России, после записи Маркова, Григорьева, Ончукова, в советское время большая работа по изучению былины проводилась А. Астаховой⁴.

Всё это позволяет проследить жизнь былины, судьбу эпического творчества на севере России.

¹ Замечательный мастер русской речи А. Н. Островский внимательно изучал словарь С. И. Гуляева. В экземпляре работы Гуляева «Этнографические очерки южной Сибири», хранящемся в Щелыкинской библиотеке, драматург отметил 71 слово. (См. работу А. И. Орлова «А. Н. Островский и фольклор Ивановской области», Издгиз, 1948 г., стр. 43).

² «Онежские былины», под ред. акад. Ю. Соколова, вступительная статья В. Чичерова. М., 1948 г.

³ «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941 г.

⁴ «Былины севера», т. I, Л., 1939 г.; т. II, 1951 г.

Подобные работы в Сибири и на Алтае не осуществлялись, поэтому весьма затруднительно говорить о современном состоянии былинной традиции здесь. Это не даёт возможности составить обстоятельную картину судеб былевого эпоса в Сибири.

Некоторое представление о жизни былины в Сибири и на Алтае даёт изучение позднейших произведений народной поэзии. Так, изучение народного творчества в Нарымском округе позволяет нам сделать вывод о том, что ещё в конце XIX в. там был жив быллинный эпос, который теперь забылся, но в своё время оказал большое воздействие на сказку¹.

Фольклорист А. Мисюрёв, исследуя собранные им в 1936—1939 гг. предания и легенды горнорабочих Алтая, показал огромное воздействие русского героического эпоса на устно-поэтическое творчество горнорабочих. Заслуживает внимания его утверждение: «В составе этого жанра (т. е. горнорабочих сказаний) сохранилась до наших дней былинная традиция. Эпос не угас, его отголоски живут в бергальских легендах и песнях»².

Однако, этих данных недостаточно. Изучение былевого эпоса в Сибири и на Алтае должно быть продолжено.

*
**

Собранные С. И. Гуляевым произведения устной народной поэзии являются ценнейшим культурным наследством, имеющим большое историческое и художественное значение.

Труды С. И. Гуляева, а также работы последующих собирателей и исследователей показывают наличие на Алтае и в Сибири богатейшей устно-поэтической традиции. На основе этой традиции в Сибири после Великой Октябрьской социалистической революции расцвело новое устное творчество широких народных масс, отразившее замечательные события советской эпохи, образы величайших вождей нашего народа Ленина и Сталина.

В годы гражданской войны алтайские партизаны сложили песни о героической борьбе русского народа

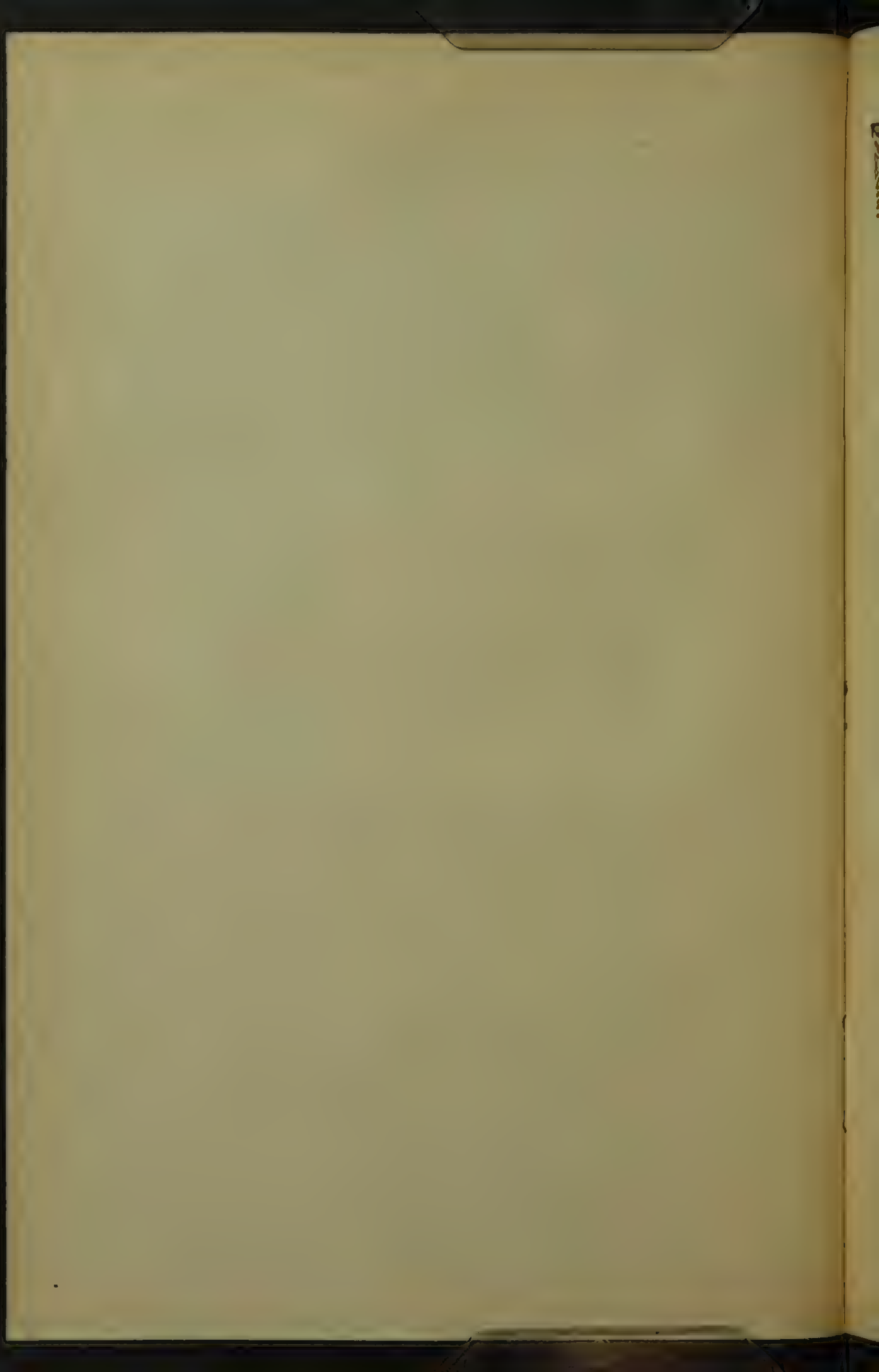
¹ См. работу «Русский фольклор Нарыма», Новосибирск, 1948 г.

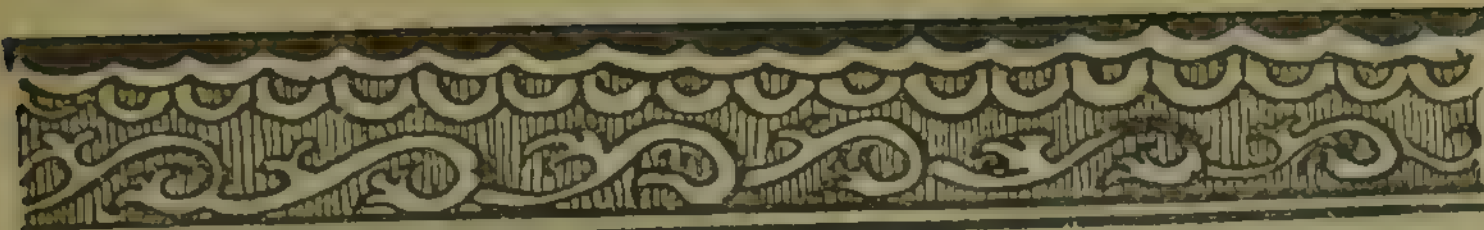
² См. работу А. Мисюрёва «Легенды и были», Новосибирск, 1942 г., стр. 38.

с англо-французскими интервентами и белогвардейцами. В эпоху социалистического строительства создаются произведения о трудовых подвигах, о счастливой социалистической жизни; в дни Великой Отечественной войны — о самоотверженности защитников советской Родины и тружеников тыла; в послевоенное время — о героях социалистического труда, славных новаторах, преобразователях природы, о борьбе за мир, за коммунизм.

К сожалению, современное устное творчество Сибири и Алтая изучено чрезвычайно слабо. Собираание и исследование народной поэзии Сибири является важнейшей задачей советских фольклористов.

Л. Славороссова

БЫЛИНЫ

Со слов крестьянина
Леонтия Тупицына в Барнауле.

I

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Первая поездка его в Киев

Прежде всего Тупицын рассказал известное предание о том, как Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую, как отец его купил ему жеребёнка у попа за 300 рублей и как в первый раз отправился Илья Муромец поленичать¹

Выводил Илья Муромец добра коня
Из завозеньки из новыя,
Накладывал он потнички бумажные,
На потнички седельшко черкасское,
5 Клал обет на палицу боевую,
И на саблю на острую,
На копье мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Киева,
До солнышка до Сеславьева.
10 И ставал в стремяшко гольяшное,
И садился в седельшко черкасское.
Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепархивал,
Туто ехал удалой добрый молодец,

¹ Примечание Гуляева, архив, ф—д—36, д. 214, л. 226

15 Старый казак Илья Муромец.
Он и едет ко городу ко Кидошу.
Над Кидошом градом по грехам учинилося:
Подступала сила поганая.
Бил, топтал он силу поганую,
20 Бил, топтал трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во том во городе во Кидоше
Выходили попы, отцы дьяконы,
25 Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную.
«То ли город наш бог защитил,
То ли ангел святой,
И выбил, вытоптал силу поганую?»
30 И едет старый казак ко городу Кидошу.
И едет мимо той церкви соборная,
И говорят попы, отцы дьяконы:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Садись за стол хлеб-соль кушати,
35 Ты скажи нам свою отчину».
Проговорил удалой добрый молодец:
«Я по поездке Юриш-Мариш-Шишмаретин,
По потехе Борис-королевич млад;
Не изволю я хлеб-соль кушати,
40 А скажите мне дорожку прямоезжую
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву».
И проговорят попы, отцы дьяконы:
45 «Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Больша де дорожка прямоезжая
Прямо шла во стольный Киев-град.
Дак залег Соловей-разбойник,
Не пропускят ни конного, ни пешего».
50 Проговорил удалой добрый молодец:
«Мне туда и дорога-путь».
И подъезжает он к батюшке Днепру-реке.
Не случилось ни мостов, ни переездчиков.
И зачал удалой, добрый молодец дубье рвать.
55 Зачал он через Днепр-реку мост мостить,
Переезжат через Днепр-реку на ту сторону.
И слышал Соловей, вор-разбойничек.

- И слышал за пятнадцать верст,
И летит навстречу добру молодцу;
60 И садился он на сырой дуб кряковистой,
И приклонялся сырой дуб ко сырой земле.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел Соловей по-звериному.
65 Под Ильею конь пал накорач.
И выдергивал он шелыгу подорожную,
Стегал коня по тучным бедрам,
Сам, молодец, приговаривал:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
70 Не слышал ты свисту богатырского,
Не слышал ты шипу змеиного,
Не слышал ты реву звериного?»
Тут конь под Ильей рассержается:
Он скакал выше лесу стоячего.
75 Ниже облака ходячего.
И брал старой свой тугой лук,
И брал из колчана калену стрелу,
И клал он на тетивку шелковую,
Стрелял Соловья, вора-разбойника,
80 Попадал ему в правый глаз,
И падает Соловей на сыру землю,
И приковал его ко стремяну,
Ведёт его по чисту полю,
И ведёт его ко высоко терему.
85 У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива:
Отворяла она воротички широкие,
На ворота клала сабельку острую,
Хотела срезать старому буйну голову:
90 «Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Заезжай ко мне ты на широкий двор!»
А старый казак был сдогадливой;
Берет он ее на чинжалище острое,
Бросат ее на сыру землю.
95 И едет добрый молодец чистым полем,
И видит он в поле девять молодцов,
Девять молодцов в кулачки бьются
И сами говорят таковы слова:
«Вон батюшко едет, мужика ведет».
100 Наотворот того другий говорят:

«Нет, мужик-от ведет нашего батюшка».
 И едет старый мимо молодцов.
 Они хочут похитить добра молодца.
 Проговорит старый казак Илья Муромец:
 105 «Заклихни ты своих малых детей,
 Не заклинешь — самого смерти предам».
 Проговорит Соловей, вор-разбойник:
 «Не троньте вы удала-добра молодца;
 У меня силушки не с вашу есть,
 110 Да старый казак в горсти зажал,
 Насыпайте вы тележки златокованны,
 Насыпайте золота, серебра,
 Везите во стольный Киев-град
 И везите на царев кабак,
 115 Пойте вы добра молодца и чествуйте,
 Чтобы он меня пустил в живности».
 Едет Илья Муромец чистым полем
 И видит опять девять сынов
 Соловья, вора-разбойника,
 120 В кулачки бьются.
 Опять напирают на Илью Муромца.
 Соловей им тут опять отказал:
 «Вы не троньте стара казака,
 Стара казака, Илью Муромца,
 125 Вы не троньте, лучше кланяйтесь».
 Едет он опять чистым полем
 И завидел опять: девять сынов в кулачки бьются,
 И те опять напирают на стара казака,
 Стара казака Илью Муромца.
 130 Проговорит Соловей, вор-разбойник:
 «Не троньте вы молодца прямоезжего,
 У меня силы не с ваше, да старый в горсти зажал».
 И немного у него сынов — только двадцать семь.
 И едет старый ко городу, ко Киеву,
 135 Ко ласковому князю Владимиру;
 И едет на улицу на широкую,
 Ко тому ко терему высокому,
 Ко тому окошечку стекольчату.
 Со добра коня старый соскакивал,
 140 Ни к чему коня он не привязывал.
 Никому коня он не приказывал.
 Идет к воротичкам решетчатым,
 И спросил он у ворот приворотников,

И спросил он у дверей придверников,
 145 Отворял он двери помалешеньку.
 И ступал он в палату потихошеньку.
 Крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому,
 Кланя́тся на все стороны:
 150 «Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
 И со душечкой со княгинею!»
 Князьям боярам — на-особицу.
 Говорит ласковый Владимир-князь:
 «Добро жаловать, удалой, добрый молодец!
 155 Ты скажи нам, добрый молодец, свою отчину»
 «Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь!
 Из того я города из Мурома,
 Старый казак Илья Муромец.
 Ехал я мимо Днепра-реки,
 160 Очистил вам дорожку прямоезжую».
 Злые бояре подмолчивые
 Говорят таковы слова:
 «Мужик ты, мужик, деревенщина,
 Хвастаешь не быльёй своей,
 165 Чужим именем называешься:
 Где тебе похитить Соловья, вора-разбойника!»
 Тут старому за беду стало,
 За великую досаду показалось.
 Говорит он таковы слова:
 170 «Гой еси ты, ласковый Владимир-князь!
 Скрой ты оконенку стеклянную,
 Посмотри на улицу на широку,
 Стоит ли мой добрый конь?»
 Послушал его ласковый Владимир-князь.
 175 Скрыл оконенку стеклянную,
 Посмотрел на улицу на широку
 И увидел, что стоит добрый конь
 С Соловьем, вором-разбойником.
 Тут старому за беду стало,
 180 За великую досаду показалось,
 Надевал он черну шляпу, вон пошёл.
 Тут ласковый Владимир-князь
 Наливает чару зелена вина
 И бежит скоро на красно крыльцо:
 185 «Ой ты гой еси, удалый добрый молодец.
 Хоть выпей ты чару зелена вина!»

- И проговорит старый казак Илья Муромец:
«Ах ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
190 На приходе ты гостя не употчевал,
На походе ты гостя не учествуешь».
И зашёл старый на царев кабак,
Пил-гулял трои суточки.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
195 «Ох ты гой еси, мой верный клюшничек,
Ты поди позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пир,
Позови ты его честнешенько,
И кланяйся ему низешенько».
200 Тут клюшничек не ослушался,
Зовет стара казака Илью Муромца:
«Пожалуйте, старый казак Илья Муромец,
И пожалуйте, тебя князь зовет,
Князь зовет да на почестный пир».
205 Тут старый не ослушался:
Надевает черну шляпу, вон идет,
Идёт он на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
Отворят он двери помалешеньку,
210 Запират он двери потихошеньку,
Крест кладет, старый, по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланяется на все стороны:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь.
215 Со душечкою со княгинею!
Князья, бояре — на-особицу!»
Проговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалый добрый молодец.
Ты старый казак, Илья Муромец!
220 Ты садись-ко на лавочку булаву,
За один стол хлеб-соль кушати».
Наливает князь чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра,
Подает удалу добру молодцу.
225 Принимает молодец единой рукой,
Выпивает молодец единым духом.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, старой казак,
Ты, старой казак, Илья Муромец!

- Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
Во мой во высок терем,
В мою палату белокаменну,
Заставь посвистать по-соловьему,
Заставь пошипеть по-змеинному,
Заставь пореветь по-звериному». 135
Тут старый казак вставал на ноги,
Идет на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязыва́т Соловья, вора-разбойника,
От того стременышка гольяшного, 140
Ведет в палату белокаменну,
Заставляет свистать в полсвиста,
Пошипеть помалешеньку,
Пореветь потихошеньку.
Берет старый казак князя под пазуху. 145
Молоду княгиню под другу руку.
Зачал Соловей свистать по-соловьему;
Тут бояре оглушились,
Падают они на кирпичат пол.
Стал унимать Соловья Илья Муромец. 150
Тут Соловей прирассердился,
Хотел оглушить Илью Муромца,—
Все окошечки повылетели,
Новая палата вскрылася.
Тут старому за беду стало, 155
Сохватил он саблю острую
И ссек Соловью буйну голову.
-

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРЬ КАЛИН

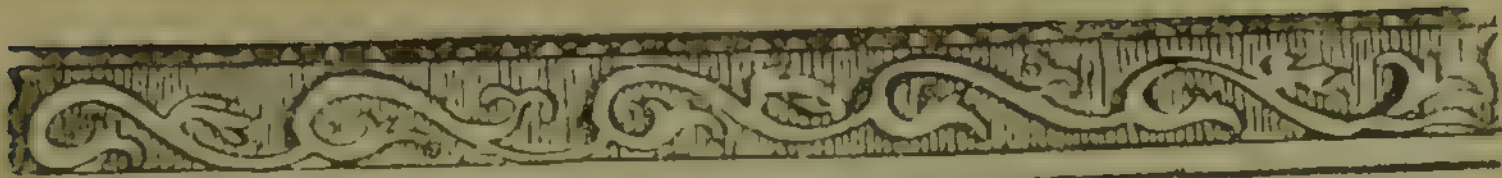
- Поднимался собака злой Кáлин-царь,
И с ним было силушки сорок царей со царевичем,
И сорок королей с королевичем;
У каждого царя силы по три тысячи,
И с самим царем силы не сказано.
И подступал он под стольный Киев-град,
И ехал через батюшку Днепр-реку,
Становился на луга на зелёные,
Разоставлял белы шатры полотняны,
10 И стал в шатрах опочив держать.
Не спится собаке, вдвое грезится.
Выходил собака из бела шатра,
Говорил собака таковы слова:
«Гой еси, мои слуги верные, сорок царей!
15 Несите мне ременчат стул,
Станемте мы думушку думати,
Кого мы пошлём в стольный Киев-град?
А есть у нас татарин трех сажен,
В толщину татарин шести аршин,
20 У него голова, как сена копна,
У него глаза, как пивны ковши,
Промежду глазами калена стрела,
Промежду ушами туг-зеленый лук».
И тут татарин не ослушался,
25 Бежит татарин во стольный Киев-град
Ко ласкову князю Володимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
Бежит на улицу на широку
И воходит в палату белокаменну.
30 Богу собака не молится
И ласкову князю не кланя́тся,

И сам говорит таковы слова:
«Сгой еси ты, ласковый Владимир-князь!
Сдавай ты нам стольный Киев-град
35 Без бою, без драки и без рубежа,
Без того кроволитья напраснова;
Девок, баб мы пленницам выловим,
Самово князя в полон возьмем».
Тут-то Владимир-князь испугается,
Его резвые ноги подсекаются,
И белые руки опустились,
И буйна голова зачем с плеч не катится.
Есть у батюшки Днепра-реки,
Уж как ездил там удалой добрый молодец,
45 Под ним добрый конь, как бы лютый зверь.
И сам на коне, как сокол, сидит.
По имени старый казак Илья Муромец;
И сам он говорит таковы слова:
«Что ты, батюшка наш, Днепр-река,
50 Не по-старому течёшь, не попрежнему.
Посередь тебя струичка кровавая?»
Будто провещует батюшка Днепр-река
Старому казаку Илье Муромцу:
«Ехал ко мне злой Кáлин-царь,
55 Злой Кáлин-царь, сын Смородьевич,
Подступал он под стольный Киев-град,
Становился он на луга на зеленые,
И просит он у князя поединщика».
И тут старому за беду стало,
60 Поворачивал он своего добра коня,
Поворотил свое лицо белое,
И бежит он скоро в стольный Киев-град,
И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.
65 И бежит на улицу на широку,
И соскакивал старой со добра коня,
Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников,
Отворял он двери помалешеньку,
70 Запирал он двери потихошеньку,
Воходил он во светлую во светлицу;
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь.

75 И со душечкой со княгинею!»
Князь не может ему ответу дать.
«Что у те, князь, за болван стоит,
Болван стоит да неотесанный?»
Взял поднял свою черну шляпу
И ударил татарина поганова,
И прошиб он стену белокаменну,
И улетел татарин за три версты,
За три версты пятисотные.
И тут князь возрадуется,
85 Наливает он чару зелена вина,
Не малую чару — в полтора ведра,
Дает чару Илье Муромцу.
Принимат старый единой рукой,
Выпиват старый единым духом.
90 Отошедши, старый поклоняется.
И говорит ласковый Владимир-князь.
Говорит таковы слова:
«Сгой еси ты, старый казак,
Старый казак Илья Муромец!
95 Послужи ты мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною.
Согони ты собаку, зла Кáлина-царя,
С моего поля зеленова».
Говорит князю Илья Муромец:
100 «Послужу я тебе верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Только дай ты мне благословеньицо».
И садился старый на добра коня,
И едет он в церковь соборную,
105 И входил он в церковь соборную
И ставил он свечу воска ярова
Перед матерью пресвятой богородицей,
И сам ставал на колена,
И поднимал свои руце ко верху:
110 «Мати божия, пречистая богородица,
Пособи ты мне согнать зла Калина-царя;
За твой я дом стою — церкву соборную,
И за тебя, мать пресвятая богородица!»
И встал и пошел из церкви соборныя.
115 И садился он на добра коня.
И едет ко своей матери родимыя,
И мать его выходит на красно крыльцо,

И встречáт она сына на радостях.
 «Здравствуешь, моя матушка родимая!
 120 Здорово ты живёшь, здоровешенько?»
 «Я, милый сын, здорова и здоровешенька;
 Дак у нас, у ласкова князя Володимира,
 Не так здорово,
 Подступал собака злой Кáлин-царь,
 125 И просит он поединщика».
 «Дак благословляй ты, матушка родимая
 Мне съездить согнать царя Кáлина,
 Согнать со чиста поля».
 Ну и зачал он по силе поезживать,
 130 И зачал татар поколачивать,
 И куда едет — делáт улицу,
 И куда повернет — переулочки.
 И злые татары сдогадливые,
 И копали они шанцы глубокие,
 135 И становили в них сабли вострые;
 Первый шанец конь перескочил,
 Второй шанец бог перенес,
 В третий шанец конь вскочил,
 Сабли в шанце раздвоилися;
 140 Тут татары задавили Илью Муромца..
 И связали ему руки белыя,
 Сковали ему ножки резвыя,
 И ведут его к царю Калину,
 И бьет его Кáлин-царь по белу лицу.
 145 И бегаёт его маленький Калиненок,
 Калиненок, маленький царенок:
 «Не довлёт тебе молодца бить по белу лицу,
 И тебе лучше бы молодца уговаривать».
 Тут-то молодцу за беду стало,
 150 Поднимáт он кверху руки белые:
 «Спас ли ты, боже милостивый,
 За твой я дом стою, пресвятая богородица!».
 Не попало старому казаку Илье Муромцу,
 Не попало палицы боевыя,
 155 Не попало ему сабли вострыя,
 Не попало копья мурзамецкого;
 Встряхнулся, ничего не стало на нём,
 Попал ему татарин трех сажень,
 И сохватал он татарина за резвы ноги
 160 И стал по силе похаживать,

И зачал татар поколачивать,
Поколачивать силу татаринном.
И куда идет — делѣт улицу,
Во сторону вернет — переулочки;
165 И согнал собаку со чиста поля.

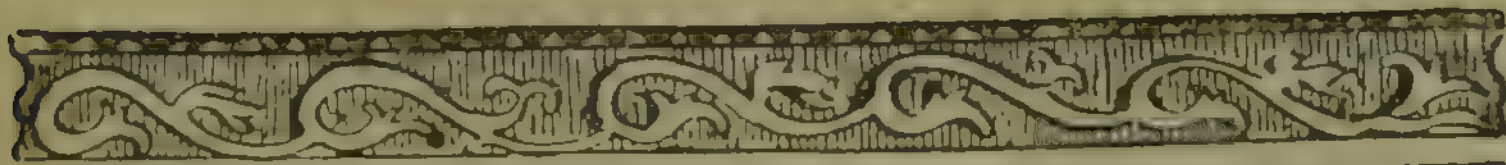
ПРО ИЛЮ МУРОМЦА И ЦАРЯ КАЛИНА

- У ласкова князя у Владимира
Заводился пир на веселе:
Собирались князья, бояра,
Сильные могучие богатыри
5 И вся поленица удалая.
Заводился пир в полупире,
Сахарные кушанья в полукушанье,
Питья медвяны в полупитье.
Стали бояры наедатися,
10 Стали они напиватися,
Стали бояры призахвастываться:
Кто хвастает чистым серебром,
Кто хвастает красным золотом,
Кто хвастает скатным жемчугом,
15 Кто хвастает золотой казной...
Как возговорит Владимир-князь:
«Полно вам, бояры, хвастати!
Стану я вас дарить, жаловать,
Кого буду дарить чистым серебром,
20 Кого буду дарить красным золотом,
Кого — скатным жемчугом».
Тут-то стала говорить княгиня:
«Ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
Всех ударил ты, всех ужаловал;
25 Одного только удалого добра молодца
Не дарил ты и не жаловал,
По имени Илью Муромца».
«Ты глупая, княгиня, неразумная!
Подарю я удала доброго молодца
30 Теми дарами, которые мне пришли
От татарина, от Бусурманова:
Подарю я его той шубой соболиною».

- Илья Муромец берёт шубу за один рукав
И бьёт шубу о кирпичат пол,
35 Сам к шубе приговаривает:
«Велел-то мне бог шубу бить
О кирпичат пол;
Велит ли мне бог бивать
Татарина Бусурманова!»
40 Тут князья и бояры подмолвились:
«Гой еси, батюшко, Владимир-князь!
Всем-то нам твои дары по любви пришли,
Одному-то удалому молодцу
Дары те не по любви пришли,
45 Что по имени-то Илье Муромцу:
Он берет шубу за один рукав
И бьет о кирпичат пол
И сам к шубе приговаривает:
«Велел бог бивать шубу о кирпичат пол,
50 Велит ли бивать князя Владимира?»
Тут-то Владимир-князь вскричал:
«Вы гой еси, слуги верные и неизменные,
Скурлаты мои, немилостивые!
Возьмите-ко удалого доброго молодца.
55 Что по имени-то Илью Муромца;
Поведите его на горы на высокие,
Бросьте его в погребы глубокие,
Задёрните решётками железными,
Завалите чашей, хрящом-камнем!»
60 Тут взяли удалого молодца
Скурлаты немилостивые,
Повели на горы на высокие.
Бросили в погребы глубокие,
Задержали решетками железными,
65 Завалили чашей, хрящом-камнем!
Княгиня была сдогадливая:
Копала подкопы под те погребы глубоки,
Поила и кормила удалого молодца,
Илью Муромца, ровно три года.
70 Через три года накатилась сила неверная,
Того было царя Калины,
Обстала престольный Киев-град
Вокруг на шестьдесят верст.
Тут весьма Владимир-князь
75 Закручинился и запечалился.

- Повесил буйну голову на праву сторону,
Потупил очи ясные в кирпичат пол.
Тут ему княгиня подмолвилась:
«Что ты, батюшко, Владимир-князь,
80 Закручинился, запечалился,
Повесил буйну голову на праву сторону,
Потупил очи ясны во кирпичат пол?»
«Ты гой еси, княгиня, неразумная!
Накатилась на нас сила неверная,
85 Того было царя Калины,
Обстала престольный Киев-град
Вокруг на шестьдесят верст;
А нет у нас стоятеля и оберегателя
Удалова, добра молодца Илья Муромца!»
90 Говорит тут княгиня князю Владимиру:
«Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь!
Ты вскричи своим слугам верным
и неизменным
Скурлатам немилостивым,
Чтобы сходили они на горы на высокие,
95 Развалили чащи, хрящи-камни
И отворили решетки железные,
Посмотрели бы удалова добра молодца
!По имени Илью Муромца:
Не жив ли он?»
100 Отвечает ей Владимир-князь:
«Ах ты глупая княгиня, неразумная!
Сними-ко себе буйную голову,—
То приростет ли она снова?
Так будет ли жив через три годы».
105 Говорит княгиня князю Владимиру:
«Посылай только, он жив сидит».
Выходил князь Владимир на красно крыльцо,
И вскричал своим голосом
Слугам верным и неизменным:
110 «Вы гой еси, слуги верные!
Вы подите-ко на горы на высокие,
Развалите чащи, хрящи-камни,
Раздерните решетки железные:
Посмотрите, жив или нет Илья Муромец?»
115 Пошли слуги на горы на высокие,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворили решетки железные,

И вскричали:
«Ты гой еси, удалый, добрый молодец!
120 Илья Муромец!
Жив ли ты или нет?»
Он отвечает: жив я, удалой доброй молодец,
Илья Муромец!
Тут спускали к нему лестницы,
25 В погребы глубокие;
И выходил Илья Муромец,
И повели его к князю Владимиру.
Говорит тут ему Илья Муромец:
«Ты гой еси, батюшко, великий князь!
Нет у меня коня доброго
И всей сбруи богатырския».
Тут Владимир-князь приказывал
Привести его коня доброго
Принести палицу боевую,
135 Саблю вострую, копье бурзомецкое.
И седлал Илья Муромец тут коня доброва,
Надевал на себя всю сбрую богатырскую,
Садился на коня и вскричал:
«Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь!
140 Подай-ко мне своих изменщиков!»
Привели к нему князей-бояров,
И он им посек головы,
И побежал он в силу неверную,
Бегал по силе день до вечера,
145 Темную ночь до белѣ света;
Второй день бегал до вечера,
Вторую ночь до бела сѣта;
Третий день бегал до вечера,
Третью ночь до бела света;
150 Тогда порешил он силу неверную,
Прибежал и спал трои сутки.

А

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И БОГАТЫРЬ ТУРОК

- Как из далеча, из чиста поля,
Из раздольица из широкова,
Выезжает тут старый казак,
Стар-старый казак Илья Муромец.
5 На своем-то он на добром коне,
На левой бедре сабля вострая,
Во правой руке тупо копье.
Он тупым копьем подпирается,
Своей храбростью похваляется:
10 «Что велит ли бог в Царе-граде быть?
Я старых турков всех повырублю,
Молодых турчат во полон возьму»
Не откуль взялся богатырь Турок:
С Ильей съехался, не здоровался;
15 Приразъехались, приударились.
Он и бьет Илью вострым концом,
Илья Муромец бьет тупым копьем;
Он сшибает Турка со добра коня.
Уж как пал Турок на сыру землю;
20 Он поддел Турка на тупо копье,
Он понес Турка во чисто поле,
Во чисто поле, к морю синему.
Он бросал Турка во сине море:
Как сине море всколыбалось,
25 На пески вода разливалась.

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

Уж как по морю-то было, по морю,
По синему морю Хвалынскому,
Уж как плавал там Сокол-корабль;
Он и плавал там ровно тридцать лет.
5 По крутым бережкам не причаливал,
Рудожелтого песку в глаза не видывал,
На якоре Сокол не стаивал.
Хорошо этот кораблик изукрашен был,
Изукрашен был плисом-бархатом.
10 Нос у корабля по-сокольному,
Корма у корабля по-змеиному.
Носом владел Алеша Попович млад,
Кормой владел Многолюд богатырь,
А всем кораблем — Илья Муромец.
15 На Муромце кафтан хрущатой камки;
На кафтане были пуговики вальяжные:
Что в каждой пуговке по камешку,
Что в каждом камешке по люту льву.
Нападали на Сокол-корабль разбойники.
20 Что крымские татары со калмыками,
Хотели они корабль в полон себе взять.
Илья Муромец по кораблю похаживат,
Своей тросточкой по пуговкам поваживат.
Золоты пуговики в кафтане разгораются,
15 Лютые звери в пуговках разсержаются.
Уж как крымские татары испугались,
С корабля во сине море побросались.

ПРО ИЛЮ МУРОМЦА И ТУГАРИНА

- Как было то к князю ко Володимеру
Князья-бояре собиралися,
Собирались, низко кланялись,
Становились в победный круг,
5 Речи слушали княженицкие.
Молвил слово Володимер-князь:
«Князья-бояре вы мои верные,
А и головы у вас разумные,—
Изберите вы молодца из промеж себя.
10 А я дам ему рать мою сильную;
А кто похочет, тот с ним пойдет,
А кто с ним нейдет — тот останется
Берегчи князя со княгинею».
Князья-бояре слово слушали;
15 Слово выслушав, поклонились,
Стали думати думу крепкую.
Надумали, говорили таково слово:
«Гой еси ты, ласков Володимер-князь!
Мы все с тобой, со княгинею,
20 За тебя положим наши головы,
А рать поведет Илья Муромец:
Мы дадим ему наших детушек,
Коней смелых, сабли острые,
Стрелы меткие со туга лука».
25 На том дело порешилось.
Слали гонца к Илье Муромцу:
«Спехом спеши, рать в поле веди
На того ли ворсга на Загорскова,
На Тугарина на Белевича».
30 В те поры Ильи Муромца дома не случилось:
Полевал он далече во чистом поле,—
Зверя лютова на копье лсвил,

Соболей, куниц на низок низал.
Во дворе была токмо Савишна,
35 Молода жена Ильи Муромца.
Слышит слово молода жена Савишна,
Грозен наказ княжецкой-ат,—
Молодое сердце надорвалось:
«Добро,— молвит,— ты, гонец, назад беги,
40 А Илья за тобой не замешкает».
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня седлать доброва,
Одевалась в платье богатырское,
Не забыла колчан каленых стрел,
45 Тугой лук, саблю острую;
Как села в седло, только и видели.
И поехала ко городу Киеву,
К великому князю к Володимеру.
Как завидели князья-бояре богатырский скок.
50 Как заслышали князья-бояре богатырский
свист —

Не дивилися долго скоку, посвисту.
Высылали спешно всю рать могучую,
Сами к ласкову князю воротились:
«Пошла-де рать с Ильей Муромцем,
55 А Тугарину-де с ним не сдобровать».
Далеко в чистом поле рати стретились.
У Тугарина рать — туча черная,
Княженецкая рать — молонья светлая.
Как сошлись, не взвиделись.
60 А и Тугарин не взвидел бела дня,
Убежал он в свои улусы Загорские,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца
А богатырь Илья Муромец
Знать не знал, ведать не ведал,
65 Кто за него бился с Тугарином.
(Служил службу царскую, государскую).

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И БОРИСКЕ

Что по край было синего моря,
На заставе на богатырской,
Стояли тут пять богатырей:
Первой — Илья Муромец,
5 Второй — Колыван сын Иванович,
Третий — Самсон сын Васильевич,
Четвертый — Добрыня Никитич млад.
И пятый — Алеша Попович.
Не пропускали они ни конного,
10 Ни конного и ни пешего,
Ни царского и ни боярского;
Ни зверя рысучего,
Ни птицы летучей.
Млад ясен сокол летит —
Перо выронит;
Добрый молодец убежит —
Головой вершит.
На заре, заре ранней утренней,
На рассветичке свету белого,
20 На восходе солнца ясного,—
От сна Илья пробуждается.
Выходил Илья из белого шатра,
Пошел Илья на Днепр-реку умываться;
А сам зрел, смотрел во чистое поле;
25 Завидел Илья удалого добра молодца;
Под молодцом конь — как лютой зверь,
На коне молодец, как ясен сокол;
Хороша управа молодецкая,
Хороши его доспехи богатырские.
4 По правую руку летит, ясён сокол,
Во руках держит третра-перо,
Сквозь пера не видать лица белого;

Не мог признать Илья удалого доброго
молодца.

Приходил Илья ко белым шатрам,
45 Выходил среди круга,
Говорил Илья таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
Кто из вас поудалее всех?
У кого конь порыскучее,—
50 Бежать за удалым добрым молодцом,
Расспросить его о дедине, отчине,
И чей такой добрый молодец?
Царь или царевич,
Король или королевич,
45 Или русский могучий богатырь?
Если русский богатырь — то побрататься.
А неверный — переведасться.
Ответ держит Алеша Попович:
«Я из вас поудалее всех,
50 У меня конь порыскучее».
Побежал Алеша за добрым молодцом:
Бежал он день до вечера,
Темную ночь до белá светá.
Нагнал он доброго молодца
55 На рассветечке свету белого,
На восходе солнца ясного;
И кричит Алеша звучным голосом:
«Ты постой, добрый молодец!
Ты или русской богатырь,—
60 Или засельщина-деревенщина;
Ты коня украл, или мужика убил,
А сюда заехал — хвастаешь,
Чужим именем называешься?»
Тут-то Бориску за беду стало,
65 За великую досаду показалось;
Поворачивал он коня, как люта зверя,
Навстречу к Алеше Поповичу;
Берет Алешу за белы́ руки,
Снимает его с добра коня,
70 Кладет на тучные бедра.
Вынимает шелепугу подорожную;
Стегал он Алешу Поповича
И посадил его на доброго коня.
Едет Алеша пьян, шатается,

- 75 Ко добру-коню приклоняется.
Завидел Алешу Поповича Илья Муромец
«Говорил я тебе, Алеша, наказывал,—
Не пей ты, Алеша, зелена вина,
Не ешь сладких пряничков».
- 80 Отвечает Алеша Илье Муромцу:
«Рад бы я не пить зелена вина
И не есть сладких пряничков.
Напоил меня удалый добрый молодец
до пьяна
- И накормил он меня до сыта;
- 85 Той шелепугой подорожною!»
Хватал Илья своего коня,
Побежал он за добрым молодцом;
Бежал Илья день до вечера;
Нагнал удала добра молодца.
- 90 На рассвете свету белого,
На восходе солнца ясного,
Ударились они палицами боёвыми,
Палицы их разгорались,
В руках изломались.
- 95 Скакали они со добрых коней,
Схватывались они за белые руки.
Тут-то Бориско — на носок востёр
Сшибал Илью на сырую землю
И садился ему на белые груди.
- 100 И говорил Илье таковы слова:
«Ты, базыга, базыга старая!
Зачем ты на малого отрока напускаешься?»
Берёт его Илья на белые руки,
Стает на резвы ноги,
- 105 Метал его выше дерева стоячего,
Ниже облака ходячего,
Не допускал его до сырой земли,
Подхватывал его на руки белые.
Тут-то Бориско приужахнулся.
- 110 И говорил Бориско таковы слова:
«Охота ты, охота, моя молодецкая,
Полетай-ко, охота, к моей матушке,
Спроси-ко ты у моей матушки, как с Ильей
переведаться?»

115 «Говорила я тебе, дитя, наказывала:
Где ты с Ильей съедешься,—
Только Илье низко кланяйся:
По роду Илья тебе отец родной».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО

- На матушке на Днепре-реке
Стояли три шатерчика,
Во тех шатрах три богатыря:
Первый-от богатырь — Илья Муромец,
5 Второй-от богатырь — Иван русский,
Третий-от богатырь — Алеша Поповский сын.
По утру-то было рано ранешенько,
Выходил-то Илья Муромец
Из своего шатра белополотняного
10 На Днепру-реке умыватися.
Увидал-то Илья Муромец
На гнедом коне млада юношу.
Из-за копья щита не видать его.
Говорил-то Илья Муромец
15 Своим друзьям-товарищам:
«Кто из нас, братцы, поудалее всех,
А добрый конь порезвее всех,
Догнать, достичь младаго юношу,
Спросить его, каких родов, каких городов.
20 Если русский богатырь — побратуемся,
А неверный богатырь — переведаемся».
Тогда сказал Алеша Поповский сын:
«Уж как я-то, братцы, поверчее вас,
А мой добрый конь порезвее всех».
25 Тогда седлал он добра коня
И бежал с утра день до вечера
И догнал, достиг доброго молодца
И вскричал своим вешшим голосом:
«Ты стой, постой, добрый молодец,
30 Ты скажи, каких родов, какого города,
Если русский богатырь — побратуемся,
А неверный богатырь — переведаемся».

Тут-то молодой юноша
 Обращал своего добра коня,
 35 И схватил-то он Алешу Поповича
 И бросил-то его поперёк седла
 И драл его шелепугой подорожной.
 Тут-то Алеша Попович возмолился:
 «Отпусти и свободи, молодой юноша,
 40 Я не стану хвалиться твоей силою».
 И приезжал-то Алеша ко товарищам,
 Выходил-то навстречу Илья Муромец,
 И говорил-то Илья слово ласково:
 «Я наказывал тебе, Алеша Поповский сын
 45 Что не упивайся ты зелена вина».
 Тогда садился Илья на добра коня
 И бежал Илья скоро-наскоро.
 Он догнал, достиг млада юношу
 И вскричал Илья вешшим голосом:
 50 «Ты постой, дождись, добрый молодец,
 Ты скажи, каких родов, какого города?»
 Тут-то малой юноша
 Обращат назад добра коня,
 Не говорил слова приветлива,
 55 Бил-то Илью во белую грудь
 Он долгим копьем тупым концом,
 Вышиб Илью из седла долой.
 Тут-то Илья в своей горячности
 Схватил млада юношу.
 60 И поверг его на сыру землю,
 И садился к нему на белую грудь
 И спрашивал его о роде, племени:
 «Ах, базыга ты, твоя седа борода,
 Если бы сидел я на твоей груди,
 65 Не спросил бы тебя о племени,
 А вскрыл бы твою скоро грудь
 Исешал (?) бы кровь со печенью».
 И тут-то у молодого юноши
 Блеснул на руке золотой перстень
 70 Тут узнал-то Илья Муромец:
 Этот юноша — его сын родной.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ОТЕЦ ЕГО НИКИТА РОМАНОВИЧ

(Бой со змеем)

- Доселева Рязань селом слыла,
А нынече Рязань слывет городом.
И жил во Рязани богатый гость,
Что по имени Никита, сын Романович;
5 Девяносто лет жил Никита, не старился
Выводил из стойла добра коня,
Накладывал потнички бумажные,
На потнички — ковры сорочинские,
На коврички — седелочки черкасские.
10 Подтягивал подпруги шелковые,
Двенадцать подпруг шелковых,
Садился старой на добра коня.
Не ясен сокол в перелет летел,
Не белый кречет перепорхивал, —
15 Туто ехал удалой, добрый молодец.
Под ним добрый конь, как бы лютой зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою однозолотною;
Сам на коне, как сокол, сидит.
20 Едет он ко городу Киеву,
Едет он ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
Едет он ко высокому ко терему,
Выезжает на улицу на широку.
25 Со добра коня Никитушка соскакивал,
Ни к чему он коня не привязывал,
Никому он коня не приказывал.
Спрашивал он у ворот приворотников
Спрашивал он у дверей придверников,
30 Отворял двери потихошеньку,
Запирал он двери помалехоньку,
Крест кладет по-писаному,

Поклон' ведет по-ученому:
 «Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
 35 Со душечкой со княгинею!»
 «Добро пожаловать, удалый, добрый молодец,
 Ты Никита, сын Романович,
 За один ты стол хлеба кушати».

Он кладет крепок и со панцырем,
 40 Кладет на дубовый стол.
 Отошедши, Никита поклоняется:
 «Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
 Ты давай мне попа, отца духовнова,
 Давай ты игумна и пострижника,
 45 Давай монаха и учителя,
 При старости мне лет душу спасти».

И проговорит ласковый Владимир-князь:
 «Гой еси ты, удалой добрый молодец,
 Гой еси, Никита, сын Романович!
 50 На кого ты оставляешь стольный Киев-град?
 На кого оставляешь меня, князя Владимира?»

Проговорит Никита, сын Романович:
 «Я надеюсь на чадо свое милое,
 На того ли на Добрыню Никитича».

55 Проговорит ласковый Владимир-князь:
 «Гой еси, Никита, сын Романович!
 Он малешенек ишо и глупешенек,
 Глупешенек,— только трех годов».

Он дает ему попа, отца духовнова,
 60 Дает игумна и пострижника,
 Дает монаха и учителя.
 Немного Никита пожил — переставился:
 Остается у Никиты житье-бытье,
 Остается у Никиты все богатство,
 65 Остается у Никиты молодая жена,
 Молода Амельфа Тимофеевна,
 Остается у Никиты чадо милое —
 Молодой Добрыня Никитьевич,
 Молодой Добрыня семи годов.

70 Стал Добрынюшка на возрасте,
 Стал на возрасте — в пятнадцать лет;
 Стал по улице похаживать,
 Стал он палицей помахивать,
 Зачал сабелькой пофыркивать,
 75 Стал он копыицом подпиратися.

- У Добрыни сердце възъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не может уничтожить свое ретивó сердце,
Идет он во светлую во светлицу,
80 Сам говорит таковы слова:
«Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимофеевна!
Сдавай ты мне коня богатырского,
Сдавай ты всю сбрую богатырскую».
85 И проговорит ему родима матушка:
«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ишшо ума-разума,
90 Потерять тебе будет буйна голова».
«Ах ты, матушка мне родимая,
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далéче.
Съездить далéче во чисто поле,
95 Пострелять мне гусей-лебедей,
И пушистых, перистых серых уток».
Не могла мать переставить таковы слова:
И выводит она ему добра коня,
Из тоя из конюшни из новыя,
100 И выносит всю сбрую богатырскую.
И накладывал Добрыня потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
И на коврички клал седелочки черкасские.
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
105 Надевал на себя платье соотцовое;
Соотцово платье ему узехонько
и коротохонько,
И ставал он в стремянушко гольяшное,
И садился он в седельшко черкасское.
И стоит его матушка у стремяна,
110 Молода Амельфа Тимофеевна,
И плачет она, как река течет,
И сама говóрит таковы слова:
«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Поедешь ты дáлече в чисто поле,
115 Постреляешь ты сколько гусей-лебедей
И пушистых, перистых малых уток;
И приедешь ты к батюшку Днепру-реке,

Захотись тебе будет покупатися,
 Захотись тебе будет, Добрынюшка, потешиться,
 120 И станешь ты, серый селезень, поплавати,
 И, ярый гоголь, поныривать.
 Через первую ты струичку переплывешь,
 Через втору струичку переплывешь,
 Через третью струичку не плавай ты:
 125 И тут струи вместе сходятся,
 И унесет тебя к горам, горам ко высоким,
 Ко тому тебя ко люту змею;
 Пожрет тебя злой Зменшшо-Горынишшо».

Благословился он у своей родимой матушки
 130 И поехал в далече в чисто поле.
 И стрелял он сколько гусей-лебедей
 И пушистых, перистых малых уток.
 И приехал он ко батюшку Днепру-реке,
 И вздумал он покупатися,
 135 И вздумал он, удалой, добрый молодец,
 потешиться.

И стал он, серый селезень, поплавати,
 И стал он, ярой гоголь, поныривать.
 Через первую струичку он переплыл,
 Через втору струичку он переплыл.
 140 У Добрыни сердце възъярилося,
 И могучи плечи расходилися;
 Переставил он матушкино благословеньцо.
 И тут струи вместе соходилися,
 Унесло его к горам, горам ко пещерам.
 145 Услышал змеишшо за пятнадцать верст
 Попла́вку его богатырскую;
 Вылетат из пещеры глубокия,
 И летит на Добрыню Никитича,
 И зычит, кричит зычным голосом
 150 «И святы отцы писали-прописалися,
 Сказали: мне от Добрыни смерть будет;
 Я теперь Добрынюшку живьем сглону,
 Живьем сглону и хоботом убью,
 И Добрыню искрой засыплю».

155 И тут Добрыня приужахнулсЯ:
 «Ах ты, зменшшо, злой Горынишшо!
 Не честь твоя, хвала молодецкая,—
 Наступаешь ты на тело нагое,
 Тело нагое — то же мертвое.

- 160 Дай ты мне, змей, сроку на три дни,
 На три дни и на три часа,
 На три часа, на три минуточки».
- И дает он ему сроку на три дни,
 И дает он ему сроку на три часа,
 165 И дает он ему сроку на три минуты;
 Улетает опять змей в пещеры глубокие.
 И выходят Добрыне три дни, три часа,
 И выходят Добрыне три минуты;
 Все он плава́т на синем море,
 170 И летел опять змеишшо, злой Горынишшо
 Из той пещеры глубокие.
 И доплыват Добрыня до желта песка,
 И доплыват Добрыня крута бережка;
 И выскакивал Добрыня на желты пески.
- 175 По желтым пескам Добрыня стал поскакивать,
 Зажимал Добрыня ком желта песка,
 Бросал в змеишша, зла Горынишша,
 Отшиб змеишшу тридцать хоботов;
 И падал змеишшо на сыру землю,
 180 И бил его Добрыня о сыру землю.
 «И тут змеишшо Добрыне взмолится:
 Я тебе, Добрыня, давал сроку на три дня,
 Я давал тебе сроку и на три часа,
 Я давал тебе сроку на три минуты».
- 185 Проговорит Добрыня Никитич млад:
 «Ты не будешь ли летать ко городу,
 И не будешь ли ты летать ко Киеву,
 И ко ласкову князю Владимиру,
 И не будешь ли ты уносить княгиню
 Апраксию?»
- 190 Проговорит Змеишшо-Горынишшо:
 «Я не буду летать ко городу,
 И не буду летать ко Киеву,
 И к ласкову князю Владимиру,
 И не буду уносить княгиню Апраксию».
- 195 Проговорит Добрыня Никитич млад:
 «Ты врешь, собака, неустойчивой!»
 Говорит тут змей Горынишшо:
 «Ты будь-ко мне, Добрыня, больший брат,
 А я тебе буду, змеишшо, меньший брат
 200 Я дам тебе добра коня богатырского.
 И дам тебе потнички не по́чены,

- И дам тебе коврички не держаны,
И дам тебе седельшко черкасское
И со всею сбруей богатырскою».
- 105 Туто молодцы побратались:
Добрыня стал бóльший брат,
Змеишо стал мёньший брат.
Опустил змея Добрыня в живности,
И улетел змеишо в пещеры глубокие,
- 210 И подделал себе крылья бумажные,
Полетел он в стольный Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру;
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень.
- 215 Со бела камня ступала на люта змея.
Вкруг ног ее змеишо обвивается,
Садит ее на могучи плеча
И унес ее в пещеры свои глубокие..
А там Добрыня приуправился
- 220 И идет он в стольный Киев-град,
Ко своей он матушке родимыя..
И выходит его матушка на красно крыльцо.
И встречат сна свое чадо милое —
Молодова Добрыню Никитича
- 225 На великих своих радостях.
И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Здорово ты, матушка родимая,
Молодая Амельфа Тимофеевна!
И здорово ты живешь, здоровешенько?»
- 230 И проговорит родима матушка:
«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Я здорова живу, здоровешенько,
У нас у ласкова князя Владимира
Случилось несчастьецо великое:
- 235 Вечор было поздним-поздешенько,
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,
Со бела камня ступала на люта змея;
И обвивался Змеишо-Горынишо.
- 240 Обвивался вкруг резвых ног;
И садил ее змеишо на могучи плечи
И унес ее в пещеры глубокие.
И тут Добрыне за беду стало,
За великую досаду показалось:

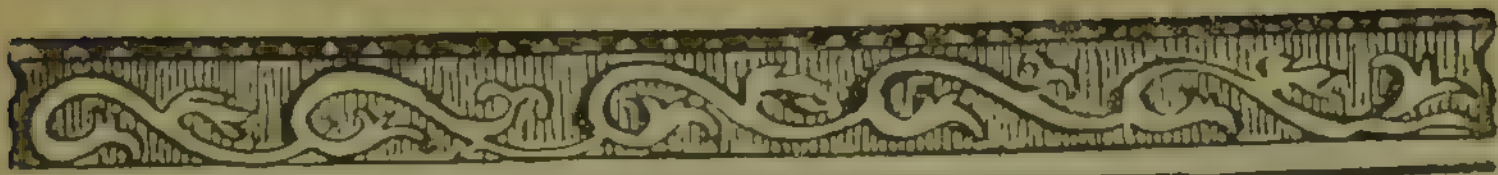
Что от конского поту змея пухла.
Застегáшь ты его до смерти,
Своей плетью шелковою».

290 Благословился он у своей матери родимыя
И поехал в далече в чисто поле.
И едет он к горам, горам ко высоким,
И ко тем пещерам ко глубоким.
Услышал Змеишшо-Горынишшо,
295 Услышал за пятнадцать верст:
Едет-де Добрыня Никитич млад;
И летит к нему навстречу,
И зычит, кричит зычным голосом:
«Что святы отцы писали-прописалися,
300 Сказали: мне от Добрыни смерть будет,
Смерть будет — живому не быть, живому не
слыть.

Я теперь Добрыню живьем сглону,
Живьем сглону, хоботом убью,
Хоботом убью, дымом задушу,
305 Дымом задушу, искрой засыплю».
Тут Добрыня приужахнулся,
Знимал свои руки на небо,
Сам говорил таковы слова:
«Спас ли, спас, боже милостивой,
310 Мати пречистая, пресвятая богородица!
Создай, господи, дождичка».
Неоткуль гроза-туча накатилася,
И скорым-скоро крупен дождь пошел;
Подмочило у змея крылья бумажные.
315 Падал змеишшо на сыру землю.
Они зачали палицами биться,
По насадкам у них палицы разгорались;
Они тот бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубиться,
320 Сабельки их расщербилися;
И тот бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у них изломались;
И тот бой бросали о сыру землю.
325 Они друг дружку чунбурами сподергали
Сохватались молодцы ручным боем.
Распахивал Добрыня полу правую,
Вытягивал шельгу подорожную,

И стегал он змея по могучим плечам,
330 И стегал, сам приговаривал:
«От конского поту змея пухла».
И застегал Добрыня змеишша до смерти,
Изрубил змеишша в куски во мелкие.
И садился Добрыня на добра коня,
335 И поехал во пещеры глубокие,
И нашел он княгиню Апраксию.
Лежит княгиня на перине на перовыя,
На подушечках на пуховых;
На правой руке у ней лежит змеинчишко,
340 И на левой руке змеинчишко.
Так она ему, Добрыне, израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
«Ах ты гой еси, удалой, добрый молодец!
Прилетит змеишшо, злой Горынишшо,
345 И пожрет обоих нас, добрый молодец».
И проговорит удалой, добрый молодец:
«Великая ты княгиня Апраксия!
Победил я Змеишша-Горынишша,
Изрубил его на мелки куски
350 Своей сабелькою острою».
Тут княгиня возрадовалась,
И встает она на резвы ноги.
Одного змеинчишка он взял — рáзорвал,
И другого змеинчишка взял — растоптал;
355 И садился Добрыня на добра коня,
И садил княгиню Апраксию,
И повез ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьичу.
И дорогой говорит таковы слова:
360 «Гой еси ты, молода княгиня Апраксия!
Покрестоваемся мы крестами однозолотными,
И ты будь мне сестра крестовая,
А я тебе буду крестовой брат».
Тут они крестами покрестовались.
И приехал Добрыня со княгинею
Во Киев-град, на улицу на широку;
И идет он на улицу на широку;
И увидел ласковый Владимир-князь
Во то окошечко косящато,
370 Во ту оконенку стекольчату,
И бежит он скоро на красно крыльцо,

И радуется он удалу, добру молодцу
И своей княгине Апраксии,
И сам говорит таковы слова:
475 «Гой еси ты, Добрыня Никитич млад!
Где ты взял княгиню Апраксию?»
Отвечает Добрыня Никитич млад:
«А взял я ее у змея у Горынишша,
Во тех во пещерах во глѹбоких;
380 И похитил я Змеишша-Горынишша,
Застегал его до смерти,
Изрубил Змеишша на мелкие куски».
И тут ласковый Владимир-князь возрадовался,
И собирал он беседу-столованье,
385 Столованье — почестный пир;
И собирал он князьев, бояров,
И веселился он, радовался.
Как возговорил Владимир-князь:
«Гой еси ты, Добрыня Никитич млад!
390 Доступил ты княгиню Апраксию
От того от змея Горынишша,
Дак благословляю тебе ее взять в
замужество»
Проговорит Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
395 Мне нельзя ее взять за себя замуж:
Она будет мне, княгиня, сестра крестовая.
Покрестовались мы крестами однозолотными»

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМЕРСКОЙ

- У ласкова князя Владимира,
У солнышка у Сеславьича
Было столованье — почестный пир,
На многих князей, бояров
5 И на всю на поленицу богатую,
И на всю на дружину на храбрую.
Он и всех поит и всех чествует,
Он де всем, де князь, поклоняется;
И в полупиру бояре напивались,
■ И в полукушаньях наедались.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват,
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
15 «Ой вы гої еси, мои князья и бояры,
Ой ты вся поленица богатая,
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужил мне князю верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
■ Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую,
К царю Батуру Батвесову?
Кто бы свез ему дани-пошлины
За те за годы за прошлые,
25 И за те времена — за двенадцать лет?
Кто бы свез сорок телег чиста серебра?
Кто бы свез сорок телег красна золота?
Кто бы свез сорок телег скатна жемчуга?
Кто бы свез сорок сороков ясных соколов?
30 Кто бы свез сорок сороков черных соболей?
Кто бы свез сорок сороков черных выжлыков?
Кто бы свел сорок синых жеребцов?

Тут большой за меньшого хоронится,
 Ни от большого, ни от меньшего ответу нет;
 45 Из того из места из среднего
 И со той скамейки белодубовой
 Выступал удалой, добрый молодец
 На свои на ноженьки на резвые,
 На те ли на сапожки зелен-сафьян,
 50 На те ли каблучки на серебряны,
 На те ли гвоздички золочены,
 По имени Василий, сын Казимерской.
 Отошедши, Василий поклоняется,
 Говорит он таковы слова:
 55 «Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь
 Послужу я тебе верой-правдою,
 Позаочи — в очи не изменою;
 Я-де съезжу в землю дальнюю,
 В дальнюю землю Поленецкую,
 60 Ко тому царю Батуру ко Батвесову;
 Я свезу твои дани-пошланы
 За те за годы, годы прошлые,
 За те времена — за двенадцать лет.
 Я свезу твое золото и серебро,
 65 Я свезу твой скатной жемчуг,
 Свезу сорок сороков ясных соколов,
 Свезу сорок сороков черных соболей,
 Свезу сорок сороков черных выжлыков,
 Я сведу твоих сорок сивых жеребцов».
 70 Тут Василий закручинился
 И повесил свою буйну голову,
 И потупил Василий очи ясные
 Во батюшко во кирпичат пол;
 Надевал он черну шляпу, вон пошел
 75 Из того из терема высокого.
 Выходит на улицу на широкую,
 Идет по улице по широкой;
 Навстречу ему удалой, добрый молодец
 По имени Добрыня Никитич млад.
 80 Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
 «Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
 По имени Василий, сын Казимерской!
 Что идешь ты с пиру невеселой?
 Не дошло тебе от князя место доброе?
 85 Не дошла ли тебе чара зелена вина?»

Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
 Али ты захвастался куда ехати?»
 И тут Василий, ровно бык, прошел.
 Забегáт Добрынюшка во второй раз;
 70 Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
 «Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
 Ты по имени Василий, сын Казимерской!
 Что идешь ты с пиру невеселой?
 И не весел ты идешь, не радошен.
 75 Не дошло ль те, Василий, место доброе?
 Не дошла ль от князя чара зелена вина?
 Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
 И тут Василий, ровно бык, прошел.
 Забегáт Добрынюшка в третий-де раз;
 80 Пухову шляпу снимáт, низко кланется:
 «Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
 По имени Василий, сын Казимерской!
 Что ты идешь с пиру невеселой?
 Невесел ты идешь с пиру, не радошен?
 85 Не дошло ль тебе, Василий, место доброе?
 Не дошла ль тебе чара зелена вина?
 Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
 Али ты захвастался куда ехати?
 Я не выдам тебя у дела ратного.
 90 И у того часу скоросмертного!»
 И тут Василий возрадуется:
 Сохватал Добрыню он в беремячко,
 Прижимáт Добрынюшку к сердечешку,
 И сам говорит таковы слова:
 95 «Гой еси, удалой, добрый молодец,
 По имени Добрыня Никитич млад!
 Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
 А я, Василий, буду мёньшой брат.
 Я у ласкова князя Владимира
 100 На беседе на почестныя,
 На почестныя, на большом пиру
 Я захвастался от князя съездити
 Во ту во землю, во дальнюю,
 Ко царю Батуру ко Батвесову —
 105 Свезти ему дани-выходы
 За те годы — за двенадцать лет:
 Свезти туда злато, серебро,
 Свезти туда скатный жемчуг,

Свезти сорок сороков ясных соколов,
 120 Свезти сорок сороков черных соболей,
 Свезти сорок сороков черных выжлыков,
 Свести сорок сивых жеребцов».

И проговорит Добрыня Никитич млад:
 «Не возьмем везти от князя от Владимира,
 125 Не возьмем от него дани-пошлины:
 Мы попросим от собаки Батура Батвесова
 Мы попросим от него дани-пошлины».

И тут молодцы побратались,
 Воротились назад ко князю Владимиру.
 130 Идут они в палаты белокаменны,
 Крест кладут по-писанному,
 И поклон ведут по-ученому;
 Поклоняются на все стороны:
 «Здравствуешь, Владимир-князь,
 135 И со душечкою со княгинею!»

Князьям боярам — на-особицу,
 И поговорит ласковый Владимир-князь:
 «Добро жаловать, удалы, добры молодцы.
 Ты, Василий, сын Казимерской,
 140 Со Добрынюшкой со Никитичем
 За один бы стол хлеб-соль кушати!»

Наливает князь чары зелена вина.
 Не малы чары — в полтора ведра,
 Подает удалым, добрым молодцам.
 145 Принимают молодцы единой рукой,
 Выпивают чары единым духом,
 И садятся на скамеечки дубовые,
 Сами говорят таковы слова:
 «Гой еси, ласковый Владимир-князь!
 150 Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
 Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
 Привезти от него дани-пошлины
 Ласкову князю Владимиру.
 И садись ты, ласковый Владимир-князь,
 155 Садись ты за дубовый стол,
 И пиши ты ярлыки скорописчаты:
 «Дай ты мне, собака, дани-пошлины
 За те за годы за прошлые,
 И за те времена — за двенадцать лет.
 160 И дай ты нам злата, серебра,
 И дай ты нам скатна жемчуга,

И дай ты нам ясных соколов,
 И дай ты нам черных соболей,
 И дай ты нам черных выжлыков,
 165 И дай ты нам сивых жеребцов».

Подает ласковый Владимир-князь
 Удалым молодцам ярлыки скорописчаты,
 И берет Василий Казимерской
 И кладет ярлычки во карманчики;

170 И встают молодцы на резвы ноги,
 Сами говорят таковы слова:
 «Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
 Нам съездить в землю Поленецкую».

И выходили молодцы на красно крыльцо.

175 Засвистели молодцы по-соловьиному,
 Заревели молодцы по-звериному.
 Как из далеча, далеча, из чиста поля
 Два коня бегут, да два могучие
 Со всею сбруею богатырскою,

180 Брали молодцы коней да за шелков повод
 И ставали в стременышки гольяшные,
 И садились во седельшки черкаские.
 Только от князя и видели,
 Как удалы молодцы садились,

185 Не видали, куда уехали:
 Первый скок нашли за три версты,
 Другой скок нашли за двенадцать верст,
 Третий скок не могли найти.
 Подбегают они в землю дальнюю,

190 В землю дальнюю, Поленецкую,
 К тому царю Батуру ко Батвесову,
 Ко тому ко терему высокому.
 Становилися на улицу на широку,
 Скоро скакивали со добрых коней;

195 Ни к чему коней не привязывали,
 Никому коней не приказывали,
 Не спрашивали они у ворот приворотников,
 Не спрашивали они у дверей придверников,
 Отворяли они двери на пядь,

200 Заходили в палату белокаменну,
 Богу молодцы не молятся,
 Собаке Батуру не кланяются,
 Сами говорят таковы слова:
 «Здравствуешь, собака царь Батур!»

- 205 Привезли мы тебе дани-пошлины
 От ласкова князя Владимира».
- И вынимат Василий Казимерской,
 Вынимат ярлыки скорописчаты
 Из того карману шелкового
- 210 И кладет на дубовый стол.
 «Получай-ко, собака, дани-пошлины
 От ласкова князя Владимира».
- Распечатывал собака Батур Батвесов,
 Распечатывал ярлыки скорописчаты.
- 215 А сам говорил таковы слова:
 «Гой еси, Василий, сын Казимерской,
 Отсель тебе не уехати!»
- Отвечат Василий, сын Казимерской:
 «Я надеюсь на мати чудную, пресвятую
 богородицу.
- 220 Надеюсь на родимого на брателка,
 На того ли братца на названного,
 На Добрыню ли на Никитича».
- Говорит собака Батур таковы слова:
 «Поиграйте-ко, добры молодцы, костью,
 картами!»
- 225 Проговорит Василий, сын Казимерской:
 «Таковой игры я у те не знал здесь,
 И таковых людей из Киева не брал я».
- И стал Батур играть костью, картами
 Со младым Добрынею Никитичем.
- 230 Первый раз собака не мог обыграть,
 Обыграл Добрыня Никитич млад,
 И второй раз собака не мог обыграть,
 Обыграл его Добрыня Никитич млад,
- И в третий раз собака не мог обыграть,
 235 Обыграл его Добрыня Никитич млад.
- Тут собаке за беду стало,
 Говорит Батур, собака, таковы слова,
 Что отсель тебе, Василий, не уехати!
- Проговорит Василий, сын Казимерской:
- 240 «Я надеюсь на мати пресвятую богородацу,
 Да надеюсь на родимого на брателка,
 На того на братца названного,
 На того Добрыню Никитича!»
- Говорит собака таковы слова:
- 245 «Ой ты гой еси, Василий, сын Казимерской,

Станем мы стрелять за три версты,
 За три версты пятисотных,
 За тот сырой дуб кряковистый,
 Попадать в колечко золоченое».

250 И проговорит Василий, сын Казимерской:
 «А такой стрельбы я у тебя не знал,
 И таковых людей не брал из Киева».

Выходил собака на красно крыльцо,
 Зычал, кричал зычным голосом:

255 «Гой еси вы, слуги мои верные!
 Несите мне-ка тугой лук
 И несите калену стрелу».

Его тугой лук несут девять татаринов.
 Калену стрелу несут шесть татаринов.

260 Берет собака свой тугой лук
 И берет калену стрелу;
 Натягает собака свой тугой лук
 И кладет стрелу на тетивочку,
 И стреляет он за три версты,

265 За три версты пятисотных.
 Первый раз стрелил — не дóстрелил,
 Второй раз стрелил — перéстрелил,
 Третий раз стрелил — не мог попасть.
 И подает свой тугой лук Добрынюшке,

270 Добрынюшке Никитичу,
 И подает калену стрелу.
 Стал натягать Добрыня тугой лук,
 И заревел тугой лук, как лютые звери,
 И переламявал Добрыня тугой лук надвое,

275 И бросал он тугой лук о сыру землю,
 Направлял он калену стрелу наперед жалом,
 И бросал он стрелу за три версты,
 За три версты пятисотных,
 И попадал в сырой дуб кряковистый.

280 Во то колечко золочено;
 Разлетался сырой дуб на драночки,
 И тут собаке за беду стало,
 За великую досаду показалось;
 Говорит собака таковы слова:

285 «Ой ты гой еси, Василий, сын Казимерской,
 Что отсель тебе не уехати!»
 Проговорит Василий, сын Казимерской:
 «Я надеюсь на пречистую богородицу,

Да надеюсь на родимого на брателка,
 290 Да на того братца названова,
 На того Добрыню Никитича».

Проговорит собака царь Батур:
 «Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»

Проговорит Василий, сын Казимерской:
 295 «Я такой борьбы, собака, не знаывал,
 Таковых людей не брал из Киева».

И тут собаке за беду стало;
 Он кричал, зычал, собака, зычным голосом;
 Набежало татар — и силы сметы нет.

300 И выходил Добрыня на улицу на широку,
 И стал он по улочке похаживать.
 Сохватались за Добрыню три татарина;
 Он первого татарина взял — разорвал,
 Другого татарина взял — растоптал,
 305 А третьего татарина взял за ноги,
 Стал он по силе похаживать,
 Зачал белыми руками помахивать,
 Зачал татар поколачивать:
 В одну сторону идет — делат улицу,
 310 В бок вернет — переулочек.
 Стоял Василий на красном крыльце,
 Не попало Василью палицы боевая,
 Не попало Василью сабли вострая,
 Не попало ему копья мурзамецкого.

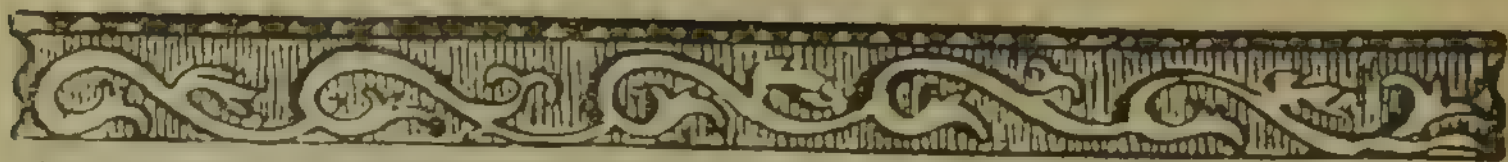
315 Попала ему ось белодубова,
 Ось белодубова семи сажень;
 Сохватал он ось белодубову,
 Зачал он по силе похаживать,
 И зачал татар поколачивать.

320 Тут собака испужается,
 По подлавицию навалается;
 Выбегал собака на красно крыльцо,
 Зычал, кричал зычным голосом:
 «Гой еси, удалы, добры молодцы!

325 Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
 Вы оставьте мне татар хоть на племена».

Тут его голосу молодцы не слушают,
 Зычит, кричит собака зычным голосом:
 «Я отдам ласкову князю Владимиру,
 330 Отдам ему дана и пошлины
 За те за годы за прошлые,

За те времена — за двенадцать лет;
 Отдам сорок телег красна золота,
 Отдам сорок телег скатна жемчуга.
 335 Отдам сорок телег чиста серебра,
 Отдам сорок сороков ясных соколов,
 Отдам сорок сороков черных соболей,
 Отдам сорок сороков черных выжлыков.
 Отдам сорок сивых жеребцов».
 340 Тут его молодцы послушались,
 Бросали худой бой о сыру землю.
 Идут они ко высокоу, нову терему,
 Выдает им собака дани-пошлины;
 Насыпает тележки златокованные,
 345 Отправляет в стольный Киев-град
 Ко ласкову князю Владимиру,
 И ко солнышку ко Сеславьеву.
 Тут сажались добры молодцы на добрых коней,
 Ставали во стременышки гольяшныя,
 350 И сажались в седельшки черкасския,
 И поехали молодцы в свою сторону,
 Ко ласкову князю Владимиру.
 Едут ко высокоу, нову терему,
 Становятся на улицу на широку;
 355 Входят во палату белокаменну,
 Крест кладут по-писаному,
 Поклон ведут по-ученому;
 «Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!»
 «Добро жаловать, удалы, добры молодцы!»
 360 Он садит их на скамейки на дубовые,
 Наливает чары зелена вина,
 Не малые чары — в полтора ведра,
 Подает удалым, добрым молодцам;
 Принимают молодцы единой рукой,
 365 Выпивают молодцы единым духом,
 На резвы ноги стают, низко кланяются;
 «Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
 Привезли мы тебе дани-пошлины
 От собаки Батура Батвесьева!»
 370 Кланяется им ласковый Владимир-князь,
 Кланяется до сырой земли:
 «Спасибо вам, удалы, добры молодцы,
 Послужили вы мне верой-правдою,
 Верой-правдою неизменною!»

ПРО ДОБРЫНЮ И ЖЕНУ ЕГО

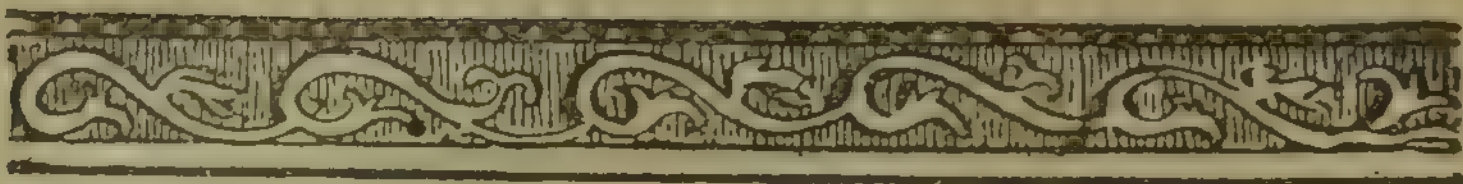
(Отрывок былины)

У того было приходу Воскресенского,
Что по той-то было улице Устретенской,
Тут стояли-то палаты белокаменны.
Не от ветричка палаты зашаталися,
Не от вихорю палаты отворялися:
Заходил туда Добрыня со товарищи,
Со князьями, со бояры, со богатыри.
В полпьяна они, бояре, напивалися,
В полсыта они, бояре, наедалися,
Во хмелю-то все бояре приросхвастались:
Еще кто-то бы похвастал своей удалю,
Еще кто-то бы похвастал своей бодростью,
А Добрынюшка похвастал молодой женой!
Что над тем-то все бояре усмехнулись,
Друг на друга-то бояре оглянулись;
Со беседушки бояре разъезжались,
Со Добрынею бояре распрощались,
Над Добрынею бояре все смеялися,
Меж собой они, бояре, разговор вели:
«Еще чем-то нам, Добрыня, сын Никитьевич,
Еще чем-то ты, Добрынюшка, нам хвастаешь!..»

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД АЛЕШИ ПОПОВИЧА

- Что не стук-то стучит во тереме,
Что не гром-то гремит во вѣсоком,—
Подымается чадо милое,
Чадо милое порожденое,
5 Свет Алешенька Чудородыч млад.
«Ах ты, мать моя, родна матушка,
Свет Амирфа Тимофеевна!
Дай ты мне благословеньицо.
Благословеньицо позаочное,
10 Погулять мне по белѹ свету».
«Ах ты гой еси, чадо милое,
Чадо милое порожденое,
Порожденое, однокровное,
Свет Алешенька Чудородович!
15 Ты не можешь, Алеша, на коне сидеть,
Ты не можешь, Алеша, конем владеть,
Булатная сабелька тебе вѣтяжела,
Златая кольчуга тебе вѣдолга».
«Ах ты гой еси, мать родимая,
20 Свет Амирфа Тимофеевна!
Я могу, Алеша, на коне сидеть,
Я могу, Алеша, конем владеть,
Могу, Алеша, конем шурмовать,
Булатная сабелька мне вѣлегка.
25 Златая кольчуга мне вѣкоротка».
-

АЛЕША ПОПОВИЧ И ЕКИМ ИВАНОВИЧ

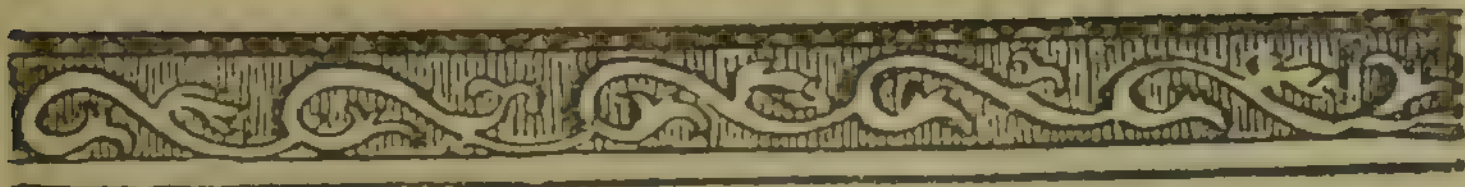
- Алеша Попович млад
Со Екимом, сыном Ивановичем,
Выезжали на расстани на широкие;
На расстанях лежит бел-горюч камень
5 На камешке подписи подписаны,
Все пути-дорожки рассказаны.
Тут-то Алеша, поучен человек,
Соскакивал со добра коня,
На камешке надписи рассматривал,
10 Все пути Екиму рассказывал:
«Слушай-ка, Еким, сын Иванович;
Первая дорожка — в Чернигов-град,
Вторая дорожка — в Путерему (?),
Третья дорожка — в славен Киев-град.
15 Во Чернигове-городе не бывано,
И пива, вина много не пивано,
Калач бел-крупичат не рушиван,
И белая лебедка не кушана;
Домы, кабаки были вольные,
20 Молодушки были приветливы,
Девушки — прелестливы;
А мы с тобой, Екимушка, упьянчивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять-то нам будет слава добрая,
25 Вся-де выслуга богатырская.
Тоже-де в Путере не бывано,
И пива и вина много не пивано,
Калач бел-крупичат не рушиван,
И белая лебедка не кушана;
30 Дома, кабаки были вольные,
Молодушки были приветливы,
Красные девушки прелестивы:

- А мы с тобой, Екимушка, у пьянчивы,
35 Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять-то нам будет слава добрая,
Вся-де выслуга богатырская.
Во Киеве-городе было бывано,
Много пива, вина было пивано,
Калач бел-крупичат много рушиван,
40 Белая лебедка много кушана.
Завладел у князя Владимира
Хорошую дочь княжку-королевишну
Змей Тугаретин.
Туда побежим на выручку».
- 45 Садилась они на добрых коней,
Они били коней по тучным бедрам,
Тут-де их кони прирассердились,
С горы на гору кони перескакивают,
Темные леса промеж ног пускают,
50 Реки, озера хвостом устилают.
Подбегали ко городу ко Киеву,
Скакали через стену белокаменную
К тому столбу ко дубовому,
Ко тому колечку ко злаченому.
- 55 Коней они не привязывают,
Никому держать не приказывают,
Отпирают гридню на пяту,
Запирают гридню наплотно,
Приходят среди полу кирпичата,
60 Молитву творят сами сусову (инсусову)
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Кланяются, поклоняются
На все на четыре стороны,
- 65 Князю и княгине на особицу,
На особицу и особь статью.
«Милости просим, люди добрые,
Люди добрые, храбрые воины!
Садитесь-ка вы в куть по лавице».
- 70 «То-де нам место не по рядине».
«Второе место — в дубову скамью».
«То-де нам место не по вотчине».
«Третье место — куда хотите».
«Неси-ко ты, Алешенька Попович млад,
75 То ковришко волокитное!»

Этому ковришку Владимир-князь удивляется:
 «Хорошо-де ваше ковришко волокитное!»
 Красным золотом оно было вышивано,
 В углах-то было вшивано
 80 По дорогу камню самоцветному,
 От его-то от пацыря (?)
 Как луч стоит от солнца.
 «Стели-ко его за печной за столб!»
 И садятся они с Екимом за печной за столб.
 85 Не от ветричку палата зашаталася;
 Не от вихорю палата всколыхалася;
 Прилетал змеишшо Тугаретин,
 Отпират он гридню на́ пятау,
 Запират он гридню не на́плотно,
 90 Господу богу не молится,
 Чудным образам не поклоняется;
 Садят его за столы, за дубовые,
 За скатерти браные,
 За ествы сахарные.
 95 Калач бел-крупичат за праву шшоку бросат,
 Белую лебедку — за леву шшоку.
 Говорит Еким таковы слова:
 «У попа было у Ростовского
 Был кобелище цынгалище (?),
 100 Охоче по подстолью ходить,
 Костью подавился,
 Оттого и переставился;
 А тебе, змею, не миновать того».
 «Что у те, князь, за пешным столбом?
 105 Что за сверчок пишшит?»
 Отвечат князь Владимир:
 «А маленьки ребятки промежу себя говорят.
 Сами бабки делят».
 Подают змею чару зелена вина,
 110 Зелена вина полтора ведра,
 А весом чара в полтора пуда,
 Принимат он чару единой рукой,
 И выпиват он чару на единый дух,
 Говорит Еким, сын Иванович, таковы слова:
 115 «У попа у Ростовского
 Была корова бурая,
 По поварням ходила,
 Барды по чану выпивала,— треснула,

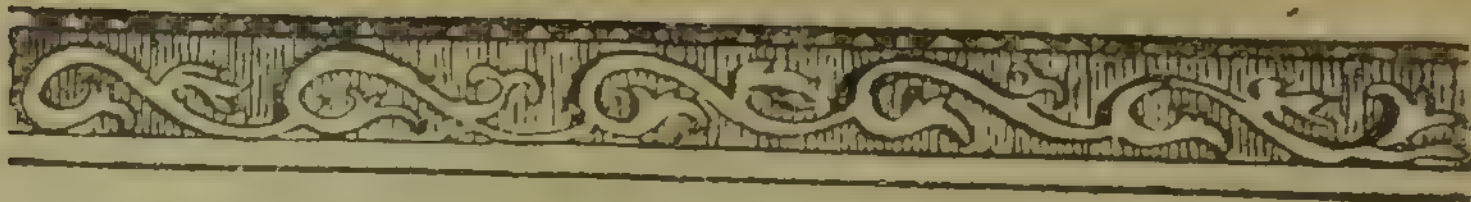
- А тебе, змею, не миновать того!»
120 Схватил зменшшо Тугаретин
Ножишшо-чинжалишшо,
И бросил за печной за столб.
Тут-то Алешенька подхватчив был,
Подхватывал ножишшо-чинжалишшо
125 Правую полою кафтанною,
Тут-то они возопияли:
«Сам ли ты, Еким, бросишь
Или мне велишь?»
«Сам я не бросаю и тебе не велю:
130 Нечего кровенить палату белокаменну,
Надо со змеем переведаться
На поле Куликовом,
На том елбане раскатистом».
Покатился змей Тугарин
135 Из палаты белокаменной,
Надел крылья бумажные
И полетел на поле Куликово,
На те елбаны раскатисты.
Выходили Еким со Алешей
140 На улицу широкую,
Еким Алеше наказыват:
«Ежли два часа не буду, беги на выручку»
И сам садится на добра коня,
Бежал на поле Куликово,
145 На те елбаны раскатисты;
Втыкал копье мурзомецкое
И вбегал на тупой конец,
И смотрел во чисто поле.
Завидел змея Тугарина
150 Выше лесу стоячего,
Ниже облака поплувучего.
Говорит змей Тугарин:
«Что тебя, Еким, огнем сожечь,
Или живьем сглотить,
155 Или тебя дымом заглушить?»
Взмолился богу господу
Еким, сын Иванович,
Наипаче пресвятой богородице:
«Сошли, господи, крупчата дождя,
160 Подмочи у змея крылья бумажные!»
Не откуль туча грозная подымалася.

И дал бог крупчата дождя,
Подмочило у змея крылья бумажные,
И повалился змей на сыру землю.
165 Тут подхватывал его Еким
Не копье мурзомецкое
И протыкал ко сырой земле,
И отсек буйну голову.
Тут-то миновалось два часа,—
170 Побежал Алеша на выручку;
Не видит он света белого,
Не видит он и солнца красного.
Сбегался со Екимом навстречу
И бил его боевой,
175 И сшиб со добра коня,
Притыкал его в грудь белую
Копьем мурзомецким,
И угодил в крест чувственный.
Соскакивал Алеша со добра коня,
180 Брал его на руки белые,
Садил в седло черкасское.
Поехали путем-дорожкой
Ко князю Владимиру;
И бросали голову змея Тугарина
185 За стену белокаменную.
Выходил князь Владимир
Сеславич, красно солнышко,
На улицу широкую и просит:
«Милости просим, храбрые воины,
190 За единый стол хлеба откушати!»
Отвечали они князю Владимиру:
«На приезде гостя не учествовал,
На отъезде не учествовать».

АЛЕША ПОПОВИЧ

- У нас-то было во Московском государстве
Строена была палатушка белокаменная,
Белокаменная палатушка грановитая,
Крытая палатушка жестью белою,
5 Изукрашена палатушка медью красною!
И в той-то палатушке — столы дубовые,
А на столиках — скатерточки шелковые,
На скатерточках — тарелочки золотые,
Во тарелочках — явствочки сахарные.
- 10 Собрались-то князья-бояры,
Все-то князья-бояры кушают,
Белу лебедь они рушают.
Все-то князья-бояре принакушались,
Принакушались и прирасхвастались:
15 И кто-то хвастает молодой женой,
И кто-то хвастает добрым конем,
Кто-то хвастает удачей молодецкою
И послугою царскою.
Расхвастался Алеша Попович молодой.
20 Расхвастался службой царскою,
Удачей богатырскою,
Не боялся в чистом поле недруга, небрата
своего.

ОБ АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

Издáлече, из чистá поля
Выезжали два русские сильные богатыря:
Один богатырь — Илья Муромец,
Другой-то — Алеша Попович млад.
Приезжали к батюшкѣ синю морю
На те тихие морские заводи.
○ Не случилось им тут ни серого гуся, ни
лебедя.

И ни малой пташечки — серой уточки:
Не на чем им сердце приутешить,
10 И могучие плечи прирасправити.
Побежал-то Алеша через ту степь
Саратовскую.

Среди было степи Саратовской,
Тут стоял-то сырой дуб крековистый.
Что на том дубу на крековистом
15 Тут сидела птица вещая.
Перелетная — черен ворон.
Он с крыла на крыло перелетывает,
С ноги на ногу переступывает.
Тут Алеша удивляется и рассержается.
20 Соскакивает с доброго коня,
Снимает тугой лук со могучих плеч
И берет из колчана каленую стрелу.
И закладывает в свой тугой лук.
Хочет птицу вещую подстрелити,
25 Могучие плечи прирасправити,
Свое сердце приутешити.
Проговаривает птица черен ворон русским

языком:

«Ты гой еси, Алеша Попович!

Тебе на мне сердце не утешити,
И могучие плечи не расправити!
Побегай-ко, Алеша, через эту степь
Саратовскую,

Ко той было речке ко Саратовке,
Ко тому камню бел горячему,
К тому кусту ракитовому:
Тут сидят-то два татарина, некрещеные;
Полонили они красную девицу,
Красную девицу — душу русскую,
И один татарин уговаривает:
«Ты, по-русскому — красная девица,
А по нашему будь голчаночка»,
А другой-то говорит:
«Увезем мы тебя, красна девица,
Увезем тебя к себе в Литву,
Отдадим тебя за татарина за дородного,
За хорошего — в косу сажень,
Все мы ему покоряемся и поклоняемся».
Тут Алеша надевал тугой луг на могучие

плечи,

Клал стрелу во колчаночку,
Заскакивал Алеша на доброго коня,
И бежал-то Алеша через ту степь
Саратовскую

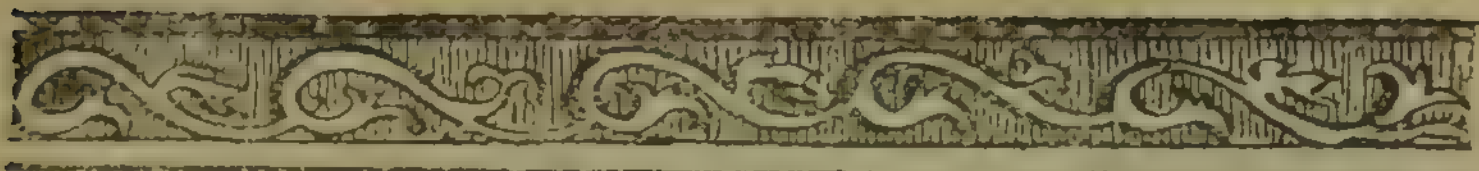
Ко той речке Саратовке,
К тому камню бел горячему,
К тому кусту ракитову:
Одного татарина он конем стоптал,
Другого татарина мечом зарубил!
Соскакивал Алеша со доброго коня,
И падал доброму коню во правую ногу:
«Спасибо тебе, батюшко, доброй конь!
Получил я себе обручницу, подвенечницу»
Заскакивал Алеша на доброго коня,
И садил девицу на доброго коня, на тучные
бедра,

Расспрашивал он девицу:
«Какого ты роду —
Царского или боярского,
Или княжецкого или купецкого,
Или последнего ты роду — крестьянского?»
Она отвечала ему:

«Я роду не царского и не боярского,
Не княжецкого, не купецкого и не
крестьянского,

⁷⁰ Я того ли батюшки попа Ростовского».
Соскакивал Алеша с доброго коня,
Падал коню во правую ногу:
Спасибо тебе, батюшко, доброй конь,
Я думал получить себе обручницу и
подвенечницу.

⁷⁵ А выручил свою родимую сестрицу».
Заскакивал Алеша на доброго коня
И побежал он к своему-то батюшку, попу
Ростовскому.

МИХАИЛ КАЗАРЯТИН

Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатых
Выезжал удалый-добрый молодец,
Молодой Михайло Казарятин,
5 Казары попа церкви соборных.
Под ним добрый конь — как бы лютый зверь;
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою да однозолотною.
Сам на нём, как сокол, сидит.
10 Вывозил он с собой триста стрел,
И каждая стрела стоит по три тмы,
Что по три тмы — по три тысячи.
Да не тем те стрелы были дороги,—
Потому стрелки были дороги,
15 Кабы строганы стрелки из кипарис-древа;
Кипарис-древо здесь не водится,
Здесь не водится оно, не плодится;
Оно плодится за Ефрат-рекой.
Да не тем те стрелки были дороги:
20 Да перо было тагулиное;
Тагула-птица здесь не водится¹,
Здесь не водится, здесь не плодится,
Она плодится на Ефрат-реке.
Клеены те стрелочки китом-рыбою,—
25 Кита-рыба здесь не водится,
Она плодится во Ефрат-реке.
Да не тем те стрелки были дороги:
Он днем стрелят, по ночам сбира́т;

¹ Что за птица тагула — сказитель не мог объяснить: говорил только, что заморская (С. Г.).

Где стрела стоит — тут свеча горит,
 30 Свеча горит да воску ярова.
 Бежит Михайло чистым полём,
 Во чистом поле стоит част ракитов куст;
 На кусте сидит пташка вешшая,
 Пташка вешшая — знать перелетная,
 45 Перелетна пташка — млад чёрной ворон;
 И берет Михайло свой тугой лук,
 Из калчана берет калену стрелу,
 Хочет он застрелить пташку вешшую.
 Провещует пташка русским языком:
 50 «Ой ты гой еси, удалый, добрый молодец!
 Не стреляй ты меня, пташку вешшую,
 Пташку вешшую, знать, перелетную,
 Я скажу тебе вестку радостну:
 Как у батюшки да у синя моря,
 15 У синя моря да у сыра дуба,
 Стоит бел шатер да бел полотняный;
 Во шатре сидят три татарина,
 Три татарина, три бусурманина,
 Меж имя сидит девка русская,
 50 Девка русская, полоняночка».
 Тут Михайло чёрна ворона послушался
 Едет он ко синю морю,
 Ко синю морю да ко сыру дубу,
 Ко сыру дубу да ко белу шатру.
 55 Подъезжает он к шатру да помалесеньку.
 Да первый татарин проговорит:
 «Ты не плачь, не плачь, девка русская,
 Девка русская да полоняночка,
 Увезу я тебя да во свою землю,
 60 Отдам тебя за мила сына замуж».
 Второй татарин проговорит:
 «Ты не плачь, не плачь, девка русская,
 Увезу я тебя да во свою землю,
 Отдам я тебя за племянника,
 65 И будешь ты мне племянника».
 Третий татарин проговорил:
 «Ты не плачь, не плачь, девка русская,
 Девка русская да полоняночка,
 Увезу я тебя да во свою землю,
 70 Возьму тебя за себя замуж,
 Будешь ты мне да мила жена».

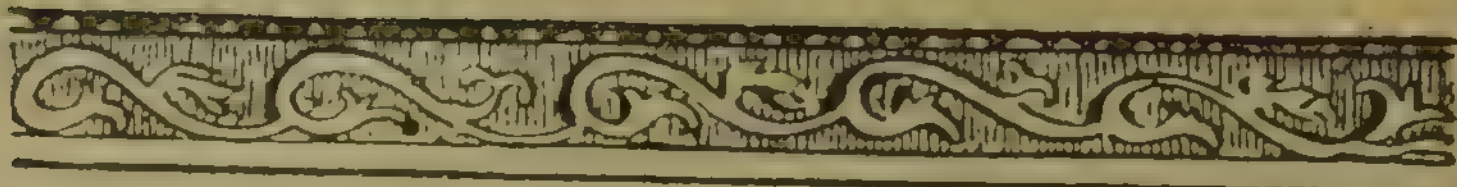
Тут Михайлу за беду стало.
 Сдергиват он с них бел шатер,
 И бел шатер да полотняной.
 75 Сохватались три татарина,
 Сохватались за Михайла Казарятина.
 Он первого татарина взял разорвал,
 Другого татарина взял ростоптал,
 Третьяго татарина взял за ноги,
 80 Бросил его в батюшко в сине море;
 И собирал он бел шатер полотняный
 И завязывал в тороки шелковые,
 И садился добрый молодец на добра коня,
 Вставал он в стремянышко вальяжное,
 85 И садился во седельшко черкасское,
 И садил за себя душу красну девицу,
 И везет ее от синя моря,
 От синя моря, от сыра дуба.
 Сколько ехал удалой, добрый молодец.
 90 Сколько ехал по чисту полю,
 Одержал своего добра коня ступисчата.
 Слезал он, добрый молодец, со добра коня
 И снимат он красну девицу,
 И ставит свой бел шатер полотняный.
 95 И стал он с девицей опочив держать,
 И плачет красна девица, как река течет.
 Сама говорит таковы слова:
 «Ой ты гой еси, удалой, добрый молодец,
 Скажи ты мне наперед свою отчину:
 100 Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
 Али ты роду крестьянского,
 Али ты роду мещанского?»
 Тут-де молодец не слушает,
 И плачет красна девица, как река течет,
 105 И, возрыдаючи, слово молвила:
 «Ой ты гой еси, удалой, добрый молодец!
 Скажи ты наперед свою отчину:
 Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич?
 Али роду ты крестьянского?
 110 Али ты роду мещанского?»
 И тут молодец ее не слушает,
 Тут девица плачет, как река течет:
 «Ой ты гой еси, удалой, добрый молодец,
 Ты скажи мне наперед свою отчину».

115 И проговорит удалой, добрый молодец:
«Я не царь-де, не царевич, не король я, не
королевич.

И я роду не крестьянского,
И я роду не мещанского:
Я из того Волынца, крепка города,
120 Из той Корелы из богатых,
Молодой Михайло Казарятин,
Казары (сын?) попа церкви соборных».
Проговорит красна девица,
Сама плачет, как река течет:
125 «Ой ты гой еси, удалой, добрый молодец,
Я сама оттуль, красна девица,
Из того Волынца — крепка города,
Из той Корелы из богатых,
Казары дочь попа церкви соборных».
130 И тут-то добрый молодец возрадовался,
И скачет он скоро на резвы ноги,
Берет ее за белы руки,
И целует ее во уста сахарные:
«Здравствуй ты, моя сестрица родимая!
135 Молода Настасья, дочь Казаришна!»
Собирал он бел шатер полотняный
И завязывал во тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
И вставал в стремяшко гольяшное,
140 И садился во седельшко черкасское,
Садил он за себя родную сестру.
И везет он ее в свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей ко родимой матушке,
145 К тому Волынцу, крепку городу,
Ко той Корелы богатых.
И к Казары попу церкви соборных.
Едут они на улицу на широку
Ко тому ко терему высокому,
150 И увидела их родима матушка
Сквозь тое окошечко косящето,
Сквозь тое оконенку стеклянную.
И бежит она скоро на красно крыльцо,
Сама плачет, как река течет:
155 «Ой вы гой еси, мои дети милые,
Из которой вы сторонюшки приехали, —

То ль с востоку, то ли с западу?»
Соскакивал удалой, добрый молодец со добра
кня.

160 Подхватывал он матушку под праву руку.
И ведут они ее в светлую светлицу.

ВАСИЛИИ ПЬЯНИЦА

- Плавятся, переплавляются через сине море
Два тура однорогие, златорогие и
одношерстные;
Встречает их родная матушка-турица
Однорогая, златорогая и одношерстная:
5 «Вздравствуйте, детушки родимые!»
«Благодарствуем, матушка родимая».
«Где же вы, туры, побыли и где пожили?»
«Благодарствуем, матушка родимая,
Были мы в Ахте-городе и в Арахове.
10 Во славном городе-во Киеве,
У той было у церкви соборная.
Выходила душа красна девица,
Выносила на руках мала вьюноша,
Клала его на горюч камень,
15 Сама жалела, слезно плакала».
Мать говорила:
«Глупые вы, туры, неразумные!
По лесу ходите — вы зверей не знаете,
По людям ходите — вы людей не знаете;
20 Не душа к вам красна девица выходила,
Выходила к вам пресвятая богородица.
Выносила на руках книгу — евангелне,
Клала его на престол христов,
Сама бы жалела и слезно плакала:
25 О вы, детушки родимые,
Постойте за стольный Киев-град,
За дом пресвятыя богородицы,
За ту ли церковь соборную».
Как на батюшка стольный Киев-град
30 Наступает собака — Подольский царь.

- Со своей силой со неверною,
Со неверною силой, с бусурманскою.
У него силы много множество:
Во меженный день черну ворону не облетати,
35 В темную осеннюю ночь серому волку не
обрыскати.
- Никого в Киеве в ту пору не годилось,
Ни князей, ни бояр, ни русских сильных
богатырей;
- Весьма Владимир-князь закручинился,
Повесил буйну голову в кирпичат пол,—
40 Кручиной ему не откручиниться,
Печалью ему не отпечалиться.
Посылал он слуг верных по Васиеньку — голь
кабацкую.
- Слуги не ослушались, тотчас пошли:
«Ступай-ко, Васиенька, тебя князь зовет!»
45 «На что он меня зовет, на что требует?»
На то Васиенька не ослушался.
Приходит ко князю ко Владимиру,
«На что ты, князь, звал, на что требовал?»
«Сослужи-ко, Васиенька — голь кабацкая,
50 Сослужи, Васиенька, службу великую:
Наступает собака — Подольский царь
Со своей силой со неверною, бусурманскою.
Силы у него много-множество».
- Берет Васиенька узду тесмянную,
55 Выходит Васиенька — голь кабацкая,
Выходит ко князю на конюшню.
На которого коня руку накинёт,
Конь накорач падет.
Выбрал он по себе коня доброго,
60 Надевал узду тесмянную,
Накладывал ковры сорочинские,
Седлал он седлышком черкатским,
Шелковых двенадцать подпруг подтягивал,
Но не для красы — ради крепости.
- 65 Берет палицу боевую в пятьдесят пудов,
Стает он во стремянышко булатное,
Садился во седлышко черкатское.
Выбегает он во далече чисто поле,
Забегает он в силу бусурманскую.
70 Вперед бежит — делает улицу.

Повернется — делает переулочек:
Выбивает он силу бусурманскую.
Бусурманский царь во побег пошел,
За ним Васинька погнался.

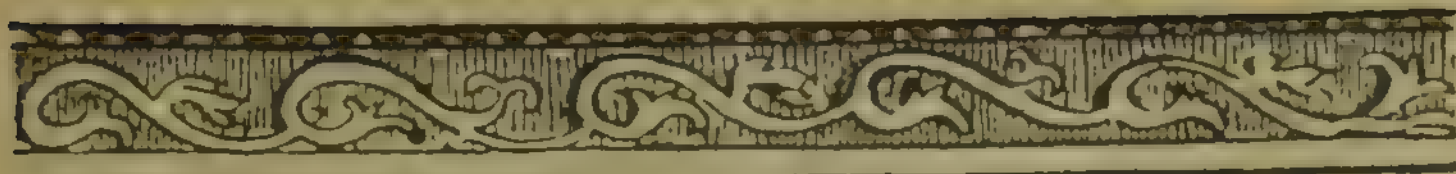
- 75 Провещился конь
Мудрым человеческим языком:
«Не бегай, Васинька — голь кабацкая,
Не бегай в землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра:
80 Не быть нам обоим живым!»
Обратился Васинька во Киев-город,
Встречает Васиньку Владимир-князь
Со великою честью, с радостью;
«Чем я тебя, Васинька, буду жаловать?
85 Возьми ты города с пригородками,
Возьми терема с притеремками!»
«Не надо мне города с пригородками,
Не надо терема с притеремками,
Отдай ты мне три погреба:
90 Первый погреб — зелена вина,
Второй погреб — пива пьянова,
Третий погреб — сыты медвяныя».
«За тем тебе, Васинька, слова нет!»

СУХАНЬША ЗАМАНТЬЕВ

- Выезжал Суханьша, Замантьев сын,
За зайцами, за лисицами,
За теми волками рысучими,
Случилось ему доехать до быстра Днепра.
5 Течет быстрый Днепр не по-старому и не
попрежнему.
- Пожирает в себя круты бережка,
Вырывает в себя желты, скатны пески,
По подбережку несет ветловой лес.
По струе несет крековый дуб,
10 Посередь Днепра несет добрых коней
Со всей приправой молодецкой,
Со всей доспехой богатырской.
«Что ты, батюшка, быстрый Днепр,
Не по-старому что ты течешь, не попрежнему?
15 «Надо мной стоит сила неверная
Того Мамая безбожного.
Идет он на дом пресвятыя богородицы,
На славен батюшко на Киев-град.
Половина силы переправилась,
20 Другая половина на другой стороне;
Черному ворону в ночь силы не окаркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати».
Тут Суханьши ретиво сердце възъярилось,
25 Могучи плечи расходились;
Бежал в силу во Мамаеву,
Во дне бежал, во втором часу,
И бился, дрался трое суток,
Не пиваючи, не едаючи.
30 Куда бежит — тут улица,

Заворотится — переулочек.
Навалил трупов — коню до стремени,
Горчей крови — до подчерева.
В трупах конь не может пороскакивать.
5 Горячей крови прорыскивать,
Тут Суханьшу прибра́нили,
Дали Суханьше тридцать ран;
Те раны были сносные,
А три раны — сердечные,
6 Сердечные раны, кровавые.
Побежит он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотной.
Клал седельшко черкасское
7 На ту кочку болотную,
Под облако поплавучее
И клал свою буйну голову
На седельшко черкасское.
Выезжает князь Владимир
50 Во чисто поле гулять
И наехал на Суханьшу Замантьева.
«Ты гой еси, добрый молодец!
Какой ты есть и откуда?»
Если верной силы — побратаемся,
55 А неверной силы — переведаемся».
Говорит тут Суханьша, Замантьев сын:
«Ты гой еси, батюшко, Володимир — князь
Сеславьевич, солнышко красное!
Неужели ты не узнал Суханьшу Замантьева?»
60 Тут скоро князь соскакивал со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня
И вез его во Киев-град,
Во ту во церковь соборную;
Тут Суханьша покался,
65 И тут Суханьша переставился.

СКИМЕН-ЗВЕРЬ

Из далеча, из чиста поля,
Из того было раздольица из широкого,
Выбегает оттуда стадо-стадечко,
Не стадо это, стадечко змеинное,
5 Не змеино это стадечко — звериное,
Наперед бежит собака, лютый Скимен-зверь.
На Скимене шерсточка спрокинулась,
На нем она шерсточка булатная,
И не булатна на нем шерсточка серебряная.
10 А серебряная шерсточка золоченая,
На каждой шерсточке по жемчужинке.
У него рыло, как остро копье,
Уши — калены стрелы,
Глаза у него как ясны звезды.
15 Прибегал лютый зверь ко Непру-реке,
Вставал он, лютый зверь, на задни ножки,
Зашипел лютый зверь по-змеинному,
Засвистал он, лютый зверь, по-соловьинному,
Заревел он, лютый зверь, по-звериному.
20 От того Непра-река сколыбалася,
Желты-мелкие песочки осыпалися,
Зеленые лужочки заливались.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
25 На земле-то родился могуч богатырь,
Головой-то он родился, как силен котел
тридцати ведер,
Глаза, как пивные чаши.

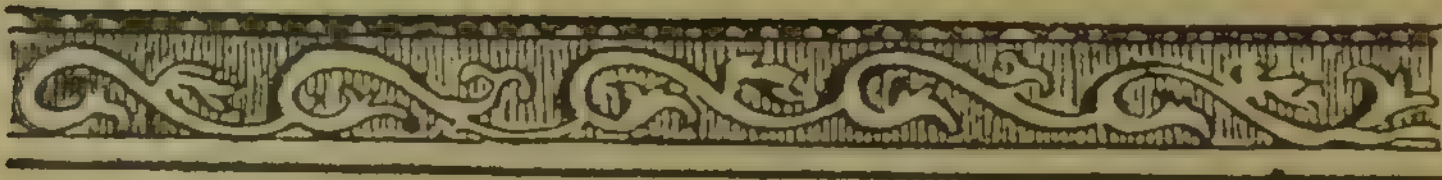

СКИМЕН-ЗВЕРЬ

Как из далеча, далеча,
Из чиста поля,
Из того было раздольица широкого,
Широкого,
5 Что не грозная бы туча
Накатилася.
Что не буйные бы ветры
Подымались:
Наперед-то выбегает
10 Лютой Скимен-зверь;
Как на Скимене-то шерсточка
Булатная.
Наперед-то его шерсточка
Спрокинулась.
15 Добегает вор-собака
До быстрой реки;
Становился вор-собака
На задни лапы;
Закричал он, вор-собака,
20 По-звериному;
Засвистал он, вор-собака
По-соловьему;
Зашипел он, вор-собака,
По-змеинному.
25 От его было от крику
От звериного,
Что быстрая река-мать
Взволновалася;
От его было от свисту
30 От соловьего,

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

Что темны леса к сырой земле
Клонилися;
От его было шипенья
От змеинного —
Зелена трава в чистом поле
Повянула.

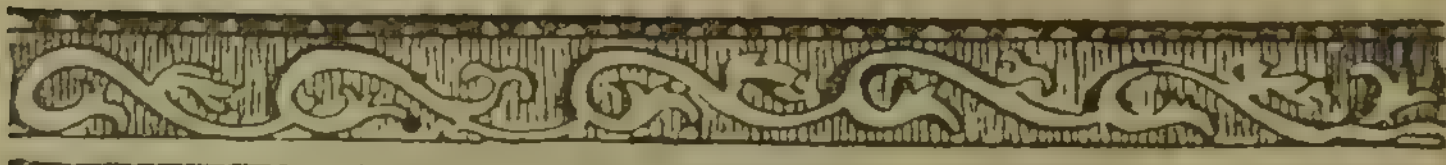
СКИМЕН-ЗВЕРЬ

(Рождение богатыря)

Как из далеча, далеча, из чиста поля,
Изо того было раздольица из широкова,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы ветры подымались,
5 Выбегало бы там стадечко змеиное,
Не змеиное бы стадечко — звериное.
Наперед-то выбегает лютой Скимен-зверь.
Как на Скимене-то шерсточка буланая,
Не буланая-то шерсточка — булатная,
10 Не булатна на нем шерсточка — серебряная,
Не серебряная шерсточка — золотая,
Как на каждой на шерстинке по жемчужинке.
Наперед-то его шерсточка sproкинулася,
У того у Скимена рыло, как востро копье,
15 У того у Скимена уши — калены стрелы,
А глаза у зверя Скимена как ясны звезды.
Прибегает лютой Скимен ко Днепру-реке;
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, лютой Скимен, по-змеиному.
20 Засвистал он, вор-собака, по-соловьему,
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеинова
Зелена трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от соловьева
5 Темны леса ко сырой земле клонилися;
От того было от рева от зверинова
Быстрой Днепр-река сколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поровнялася,
Желты мелкие песочки осыпалися,
10 Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалася,

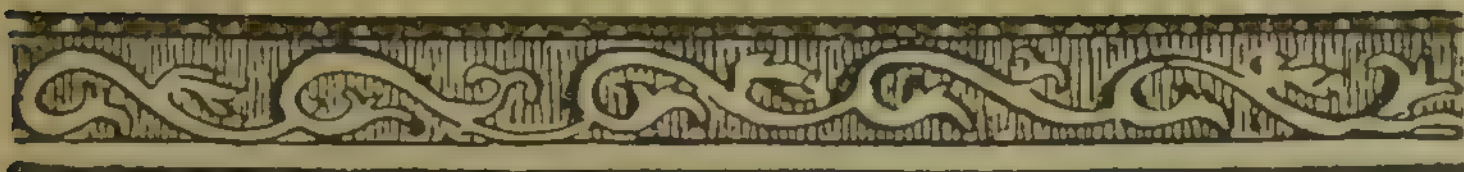
С крутых гор камни повалилися,
Крупны каменья по дну катятся,
Мелки каменья поверху несет.

³⁵ Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,—
На земле-то родился могуч богатырь.

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору;
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
5 На люта змея, на Горыныча.
Вокруг ее ножки змей обвился,
Вокруг ее башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белыя груди,
10 Во белыя груди человечески;
Целует во уста ее сахарныя,
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела;
Носила во утробе чадо девять месяцев.
15 На десятой-то чадо провещилось,
Провещилось чадо, проговорилось:
«Уж ты гой еси, родимая матушка!
Когда я буду на возрасте,
На возрасте, пятнадцати лет,
20 Уж ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд.
Мне палица легка покажется,
Уж ты скуй, матушка, в полтораста пуд.
Уж тогда-то я, матушка, буду со змеем воевать.
25 Я зайду-то к нему в пещерички змеинныя,
Сниму ему буйну голову,
Подниму его головушку на острый кол,
Поднесу его головушку к твоему дворцу».

О ДУНАЕ ИВАНОВИЧЕ

- У ласкова князя Володимира
Был пир навеселе.
Алешенька Попович — был бороться горазд,
А Добрыня Никитич — горазде его.
5 А Дунай сын Иванович — из туга лука
стрелять
По той, было, меточке — в золот перстень.
Во ту было ставочку муравлену.
Говорила Дуная молодая жена,
По имени Дарья Бродовишна:
10 «Ах ты гой еси, Дунай сын Иванович!
А я женщина не хуже тебя стрелять из туга
лука
По той меточке — в золот перстень,
В ту ставочку муравленную».
Тут-то Дунаю за беду стало,
15 За великую досаду показалось.
И говорил он своей молодой жене:
«Ты гой еси, молодая жена,
По имени Дарья Бродовишна!
Пойдем-ко мы с тобой на горы высокие,
20 На те, было, шеломы окатистые,—
Станем мы с тобой из туга лука стрелять,
По той меточке — в золот перстень.
В ту ставочку муравлену».
Тут-то его молодая жена
30 Сдогадалася и спохватилася:
«Ах ты, Дунай, сын Иванович, Дунай!
Ты' прости меня, глупу женщину,
Я тебе при беседе избесчестила:
У меня есть в утробе чадо милое,

20 Чадо милое, любимое:
 По колен у чада ноги в золоте,
 По локоть руки в серебре,
 Во лбу солнце красное.
 Во затылке — светёл месяц,
 35 А по косицам частые звезды».

Тому-то Дунай не уверовал;
 Брал он свою молодую жену за белые руки,
 За златые перстни;
 Повел ее на горы высокие,
 40 На те, было, шеломы окатистые;
 Становил свою молодую жену;
 Отскакивал на версту пятисотную;
 Стрелял Дунай в свою молодую жену.
 Первый раз стрелил — не дострелил,
 45 Второй раз стрелил — перестрелил,
 В третий раз попал в молодую жену.
 Угодил по самому сердцу,
 И убил Дунай свою жену.
 Подскакивал к своей молодой жене
 50 Выдергивал кинжалище острое,
 Спорол у ней белую грудь,
 Посмотрел — в утробе чадо милое свое:
 По колен бы у чада ноги в золоте,
 По локоть руки в серебре,
 55 Во лбу солнце красное,
 На затылке светёл месяц,
 А по косицам частые звезды.
 Тут ему за беду стало,
 За великую досаду показалось:
 60 Он становил кинжал тупым концом во сырую

землю

И падал на кинжал ретивым сердцем.
 От его ли крови горячия
 Протекала матушка Дунай-река.

СТАВЕР ГОДЕНОВИЧ

У ласкова князя Владимира
Было столованье — почестной пир,
На многих князьев и бояров,
На всю поленицу удалую,
На всю на дружину храбрую.
Он всех поит, всех чествует,
Сам по грядне похажива́т,
Белыми руками помахива́т,
Могучими плечами поворачива́т;
10 Сам говорит таковы слова:
«И кто меня, князя, есть славнее,
И кто меня, князя, есть выше,
И кто меня, князя, есть богачее?»
Большой за меньшего хоронится,
15 От большего, от меньшего ответу нет.
Из того из места из среднего
Выступал удалый, добрый молодец,
На те на ноженьки на резвые,
На те сапожки зелен сафьян,
20 На те каблучки на серебряны,
На те гвоздочки золочены,
По имени Ставер, сын Годенович:
«Я тебя, князя, не славнее,
Я тебя, князе, не выше,
25 Только я тебя, князя, побогачее:
У меня-то было в Столе-городе
Стоял домишко не корыстненький,
Не корыстный домишко на версте стоит,
На той версте пятисотная;
30 Круг того дома железный тын,
На каждой тынинке по маковке,

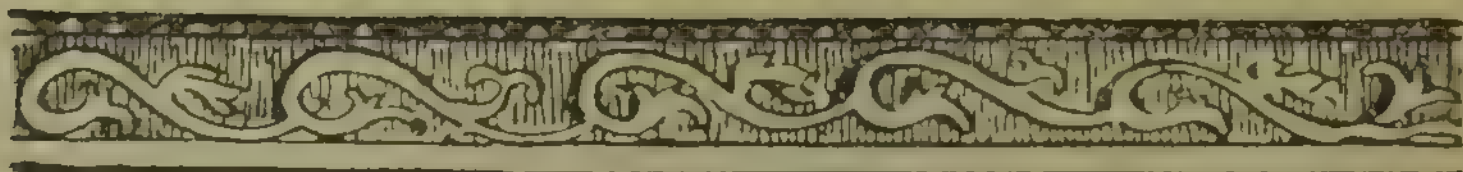
По маковке да позолоченной;
 По свечке горит да воску ярово.
 Во тем во тыну стоят три терема,
 35 Три терема златоверховаты;
 Полсереда одного серебра,
 Лавицы, булавицы золотые,
 Стены лисицами убиваны,
 И нездешними лисицами — заморскими.
 40 Во первом терему — золотая казна,
 Во втором терему — платье цветное,
 Во третьем терему — молодая жена,
 Молодая Василиса, дочь Никулишна.
 У ней белое лицо ровно белый снег,
 45 Ягодицы ровно маковицы,
 Черные брови черна соболя,
 Ясные очи ясна сокола,
 Ретивым она сердцем хитра-мудра».

Злые бояре подмолчивые
 50 Говорят таковы слова:
 «Гой еси, батюшко Владимир-князь!
 Хвастает Ставер да небылей своей,
 Небылей своей да молодой женой;
 Нет ничего у него!»
 55 За то его посадили в шанцы глубокие,
 Заслонили заслонами железными,
 И заклали дерном черным, мумреным,
 Уростили травами зелеными.
 И тут посылат ласковый Владимир-князь
 60 Алешу Поповича, Добрыню Никитича
 И взять Василису Микулишну,
 И вести ее во стольной Киев-град
 Ко ласкову князю Владимиру;
 Дорогой над ней насмеяться.
 65 Узнавала Василиса, дочь Микулишна,
 Собирала она пятьдесят молодцев,
 Собирала она пятьдесят лошадей,
 Подстригала она себе русы волосы,
 Назвала она себя Василий сын Васильевич;
 70 Садилась они на добрых коней,
 И поехали они во стольный Киев-град
 Ко ласкову князю Владимиру;
 И дорогой ей попадаются
 Два удалые добра молодца —

- 75 Добрыня Никитич да Алёша Попович млад
 И спрашивает Василий, сын Васильевич:
 «Вы куда, ребятушки, поехали?»
 «Мы поехали от ласкова князя Владимира
 Во Чернигов-град взять Василису, дочь
 Микулишну,
 Взять ее нечестно.
 Да дорогой над ней наругатися».
 «Нет, вы, ребятушки, не ездите,
 Едет от нее грозен посол,
 И едет Василий, сын Васильевич.
 85 Поезжайте вы, ребятушки, во Киев-град
 И скажите князю Владимиру,
 Чтобы ладил он пятьдесят фатер,
 Я сам стану ко ласкову князю Владимиру
 В хоромы княженецкие».
 90 Тут-то молодцы воротились,
 Приезжают ко ласкову князю Владимиру,
 Говорят они Солнышку Сеславьичу,
 Говорят таковы слова:
 «Гой еси, батюшко Владимир-князь,
 95 Едет от Василисы, дочь Микулишны,
 Едет грозен посол.
 И велел он очистить пятьдесят фатер,
 А сам посол — ко ласкову князю Владимиру
 В княженецкий дворец».
 100 Приезжает Василий, сын Васильевич,
 Заходит в палаты белокаменные,
 Крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому:
 «Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
 105 Со душечкой, со княгинею!»
 «Добро жаловать, удалой, добрый молодец,
 И ты, Василий, сын Васильевич!
 Поиграм-ко со мной костью, картами!»
 И пили, играли, проклажались,
 110 Костью, картами забавлялись.
 И узнала его молодая княгиня Апраксия:
 «Гой еси, ласковый Владимир-князь!
 Это не Василий, сын Васильевич,
 Это Василиса, ровно, дочь Микулишна;
 115 По полу она идет тихошенько,
 На лавку садится — коленцы жмет».

- И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси, мои слуги верные!
Истопите-ка банюшку-парушу,
110 Этого я посла изведаю».
Истопили банюшку-парушу.
«Пожалуйте, Василий, сын Васильевич,
Со ласковым князем Владимиром
Во банюшку-парушу!»
125 У нее уж были венички излажены,
Мыльца были припасенные;
Докуль ласковый Владимир-князь
Ладился в банюшку-парушу,
Василий Васильевич вымылся, выпарился,
130 Идет навстречу князю Владимиру:
«Спасибо тебе, ласковый Владимир-князь,
Спасибо на банюшке-паруше;
Я выпарился, вымылся».
И сходил ласковый Владимир-князь,
135 Сходил один в банюшку-парушу.
И зачали они опеть играть костью, картами.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Не умешь ли ты, Василий, поборотися».
«Пожалуй, могу сходить, поборотися».
140 И высылат он на Василия Алешу Поповича.
И пошел Алеша Попович млад
С Васильем Васильевичем боротися.
И поборол Василий Васильевич
Алешу Поповича, пнул под гузно.
145 И высылат ласковый Владимир-князь Добрыню
Никитича.
И поборола она Добрыню, пнула под гузно.
И проговорит Василий сын Васильевич:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не нашла я таких борцов-молодцов,
150 Супротив Ставра, сына Годеновича;
Выводите его из шанца глубокого».
И вывели Ставра, сына Годеновича,
Из того из шанца глубокого.
И берет она его за белы руки,
155 За те за перстни злаченые,
И целует его в уста сахарные.
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не нашла я супротив его борцов-молодцов:

И прощай, ласковый Владимир-князь!»
160 Посадила Ставра, сына Годеновича
Посадила на добра коня,
Отвезла в свою сторону
Во Чернигов-град.
Тут-то сказала княгиня Апраксия
165 Ласкову князю Владимиру:
«Не умел ты разведати:
Не Василий ведь это, сын Васильевич,
Сама Василиса, дочь Микулишна;
Идет по полу — потихоньку шагат,
170 И на лавку садится — коленцы жмет»

ИВАН ГОДЕНОВИЧ

- «Хочешь ли, Иванушка, жениться?»
«Я бы рад жениться, да мне негде взять:
Где я сватась, так тут мне не дают,
Где не сватаюсь, — так две дают,
5 И две дают, да мне не надобно.
А мне-ка охота съездить в Чернигов-град.
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
Мне посвататься Настасьи Митреевишны»
И собиралась свадьба богатырская.
10 Собиралось на свадьбу тридцать богатырей:
Старый казак Илья Муромец был легкий
друженька,
И ласковый Владимир-князь был тысяцким,
Алеша Попович был поддружьем,
Добрыня Никитыч был боярином.
15 Василий Казимерской был шафером,
Молода княгина была свашенька.
Седлали своих добрых коней,
Накладывали они по́тнички бумажные,
И на по́тнички — ковры сорочинские,
20 На коврички — седелочки черкацкие,
Подтягивали подпрути шелковые,
Садилась молодцы на добрых коней —
Поехали молодцы в Чернигов-град.
И подъезжают молодцы ко синю морю,
25 И с́тегают коней по тучным бедрам,
И скачут кони через быстрый Днепр;
И не далéко от моря отъехали,
Становились на луга на зелены,
Расставляли шатры полотняны.
30 И стали в шатрах опочив держать.

Не спится Ивану, не дремлется;
Ему вдвое, втрое грезится.
Выходил Иван из бела шатра,
Говорил Иван таковы слова:
5 «Ой вы гой еси, мои князья-бояры,
Старый казак Илья Муромец
Со ласковым князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
10 Со Васильем, сыном Казимерским.
Съездите вы во Чернигов-град,
Съездите на широкий двор
Ко тому купцу ко Митрею Митреевичу,
Посватайте Настасью Митреевишну!»
15 Туто молодцы не ослушались;
Поехали они скоро в Чернигов-град,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
И едут они на улицу на широку,
И бегут они ко двору широкому;
20 Со добрых коней молодцы соскакивают,
Ни к чему коней не привязывают,
Никому они коней не приказывают.
Входили во светлую во светлицу,
Во тое палату белокаменну;
25 И крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому;
И сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, Митрей, гость-купец!»
«Добро жаловать, удалы добры молодцы,
30 Ты старой казак, Илья Муромец,
Со ласковым князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
Со Васильем сыном Казимерским.
35 За один бы стол со мной хлеба кушати!»
«Мы пришли к тебе не столы столить,
Не столы столить, не пиры пирить,
А со добрым словом, со сватаньем,
Молоду Настасью Митреевишну
40 За того Ивана за Годенова».
Проговорит Митрей, гость-купец:
«И ладно бы ладнешенько,
Да вечер было поздним-позднешенько,

Прилетал Кошшеншшо Бессмертный;
 75 Запросваталась Настасья за Кошшеншша,
 Обручилась перстнями однозолотными».

И тут молодцам за беду стало.
 Надевали шляпы черны, сами вон пошли.
 Идут на улицу на широку;

80 Садилась молодцы на добрых коней
 И бегут во дальню во чисто поле
 И ко тем шатрам белым полотняным;
 И встречает их Иванушко на радостях,
 И спрашивает: «высватали ль вы

85 Мне Настасью Митреевишну?»
 «И наше несчастье великое:
 И вечер было поздним-поздно,
 Прилетал Кошшеншшо Бессмертный
 И запросваталась Настасья за Кошшеншша,

90 Обручилась перстнями однозолотными».

Тут Ивану за беду стало:
 «Сгой еси, мои удалы, добры молодцы,
 Возьмемте мы Настасью нечестно,
 Увеземте мы Настасью во свою землю!»

95 Тутто молодцы не ослушались,
 Поехали они во Чернигов-град,
 Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу:
 И едут они на широкий двор;
 И пили они тутто, гуляли, забавлялися.

100 Забавлялися трое суточки.
 И брали они Настасью за белы руки,
 И за те перстни за злаченые,
 И садили они за Ивана Годенова
 И повезли во свою землю.

105 И едут они ко синю морю,
 И стегают коней по тучным бедрам.
 И скачут кони через быстрый Днепр.
 И тут Настасья испугалася,
 Ее белые ручки отрывалися,

110 И падала она во быстрый Днепр;
 На лету старый казак Настасью подхватывал
 И садил за Ивана Годенова.
 Неподалеку от моря отъехали,
 Попал им звериный след,—

115 И прошел вебришшо-кабанишшо;
 И отсылали туда десять богатырей,

Неподалеку они опять отъехали,
 Попал им опять звериный след —
 Прошла-де лань златорогая;
 120 Отсылали они опять десять богатырей.
 Опять завечали на участь на Иванову;
 Опять неподалеку отъехали,
 Попал им опять звериный след —
 Прошла кобыла серопегая.
 125 Опять отсылали они десять богатырей,
 Опять завечали на участь на Иванову;
 Остался Иванушко с Настасьюшкой.
 Неподалеку он отъехавши.
 Подъезжал Иван ко сыру дубу,
 130 Слезат Иван со добра коня
 И снимат Настасью Митреевишну;
 И разоставил Иван бел шатер
 И стал с Настасьей опочив держать.
 И немного поры время миновалось,
 135 Опочивал он с Настасьей три часа,
 И прилетал Кошшенишо Бессмертный,
 И сажился он на сырой дуб крековистый,
 И зычал, кричал зычным голосом.
 «Ах, не честь твоя, хвала молодецкая,
 140 Иван Годенович!
 От жива ты мужа жену берешь.
 Не пора тебе лежать во белом шатре,
 Пора тебе выходить со мной переведаться!»
 Выскакивал Иван из бела шатра,
 145 В одной тоненькой рубашечке без пояса,
 Во одних тоненьких порточках без чоботов.
 Сохватались добры молодцы ручным боем:
 У Ивана борьба не ученая,
 Не ученая — роженная;
 150 Сохватал Кошшениша Бессмертного,
 Он ударил его о сыру землю,
 Садился ему на черны груди,
 Сам говорил таковы слова:
 «Сгой еси, Настасья Митреевишна,
 155 Неси ты мне ножище-чинжалище,
 Распорю я у Кашея груди черные,
 Посмотрю я сердце богатырское».
 И тут Настасья не ослушалась,
 Идет она из бела шатра,

- 160 Несет ножишшо-чинжалишшо.
И проговорит Кошшейшшо Бессмертный:
«За него ты выйдешь — будешь слыть
поляницею;
За меня ты выйдешь — будешь слыть царицею.
И будут тебе поклоняться тридцать
идолиншов!»
- 165 Тут Настасье за-беду стало,
За великую досаду показалось;
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдерживала с Кошшей Бессмертного.
И привязали Ивана ко сыру дубу,
170 И стали с Кошшеем опочив держать,
Опочив держать во белом шатре.
Не много поры-время миновалось,
Прилетели два голубя,
Прилетели два сизые
175 И садились на сырой дуб кряковистый.
Увидал их Кошшей из белого шатра,
Сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Настасья Митреевишна:
Прилетели два голубя,
180 Прилетели два сизые».
И говорит Настасья Митреевишна:
«И не два голубя, не два сизые,
Это наша с тобой смертонька».
Выскакивал Кошшей из бела шатра,
185 Брал Кошшей свой тугой лук,
Накладывал калену стрелу
И стрелял он в двух голубей.
На лету Алешенька стрелу подхватывал
И подает старому казаку Илье Муромцу.
190 Поворачивал старый казак калену стрелу
Востреем на Кошшей Бессмертного
И бросил, ушиб Кошшей до смерти
И расшиб ему груди черные.
И улетели два голубя,
195 И выходила Настасья из бела шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
«Что ты, Иванушко Годенович,
Не будешь ли ты меня бить, бранить.
Я тебя, Настасья, не буду бить-бранить,
200 А только буду, Настасья, на ум учить».

Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалось.
И берет она саблю вострую,
И берет она чуден крест.
205 «Вот тебе, Иван Годенович, чуден крест
И вот тебе сабля вострая».
И поднимат она саблю выше буйной главы
И хочет ему ссечь буйну голову.
По кудрям его сабля покатила,
210 И обрезала все чамбуры богатырские.
Иванушко встал тут на радостях,
Собирал свой бел шатер полотняный
И садился Иван на добра коня
И садил он Настасью Митреевишну;
215 Везет ко колодцу глубокому.
«Слезай, Настасья Митреевишна,
Слезай со добра коня;
Обмывай свое тело грешное».
Обмыла Настасьюшка свое тело грешное,
220 Взял он у ней уши обрезал:
«Эти мне уши не надобны,—
Слушали речи Кошшейишша».
Взял он у ней глаза выкопал:
«Прилещались они, гляючи на Кошшейишша»
225 Схоронил ее тело белое,
Поехал в свое отечество.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

- Доброму, братцы, везде добро,
Хорошему, братцы, везде хорошо,
Удалому, доброму молодцу погибели нет!
Во славном во стольном городе во Киеве
5 У ласкового князя Владимира
Было пированье — почестной пир,
Было столованье великое.
Собиралися все князья и бояры,
Могучие, сильные богатыри,
10 Вся их поленица удалая.
День-то стоял со полудня,
Стол-то стоял в полустолье,
Сладкие кушанья в половине кушанья,
Белая лебедь в половине рушанья.
15 Напиваются бояры во полупитье,
Наедаются бояры во полувыти.
Ласковый Владимир-князь
По полу похаживат по кирпичатому.
По гриденьке по светленькой;
20 Говорит-то князьям всем боярам,
Русским могучим богатырям,
Всей поленице удалая:
«Кто из вас охоч пиво пьяно пити?
Кто из вас охоч зелено вино пити?
25 Кто из вас охоч сладки меды запивать?
Кто охоч скакать на добром коне,
От Киева скакать до Чернигова
Тридевяносто мерных верст,—
С моим-то со первым синегривым жеребцом,
30 С моим-то со вторым половогривым жеребцом,
С моим-то со третьим полонейным воронком,

Который полонен в хороброй Литве
У татарина Тугарина Измеевина.
Полонил воронка Илья Муромец,
35 Он воронком князя жаловал.
Положимте, братцы, велик заклад — пятьсот
рублей..

Большой за меньшего хоронится,
От меньшего ответу нет.
Не то было из места не из большего,
40 Не из среднего, не из меньшего, с дубовой
скамьи.

Не стук стучит во тереме,
Не гром гремит из тученьки,—
Говорил Ванюша Гостиный сын:
«Я был охоч пиво пьяно пить,
45 Я был охоч зелено вино пить,
Я был охоч сладки меды запивать,
Я был охоч на славном коне скакать
От Киева и до Чернигова,
Тридевять мерных верст,
50 На сьоем бы то буром жеребце,
На бурочке, косматочке, троелеточке.
Положимте, братцы, велик заклад:
Дай мне, Владимир-князь, сроку на три дня,
На три часа, на три минуты».
55 Недосуг Ванюшке во пиру сидеть:
Сходил с подворьица дворянского,
И приходил ко своему подворьицу,
И заходил ко коню на конюшеньку
На ту ли на конюшню белодубову,
60 Подает коню в праву ноженьку:
«Гой еси, мой бурочко-косматочко,
Косматочко, троелеточко!
Был я у князя Владимира
На том на почестном пиру —
65 Пропил, заложил буйну голову:
Держал я велик заклад
Скакать от Киева до Чернигова,
Скакать тридевять мерных верст
С его-то первым синегривым жеребцом,
70 С его вторым половогривым жеребцом,
С его третьим полонённым воронком,
Который полонен у хороброй Литве

У татарина Тугарина Змеевика.
Полонил воронка старый казак Илья Муромец:
75 Он воронком князя жаловал.
Провещился его конь мудрым языком

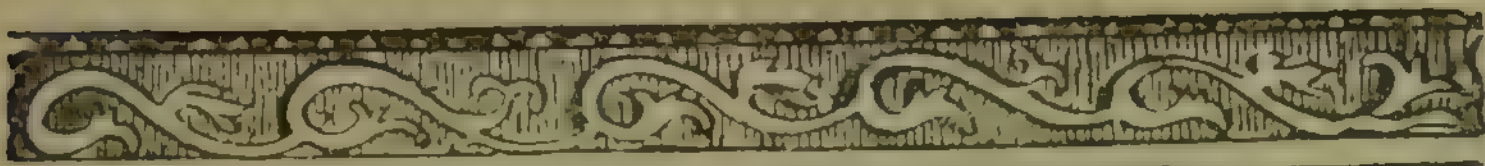
человеческим:

«Гой еси, Вáнюшка Гостиный сын!
Корми-ко меня пшеном белояровым,
Пой-ко медовой сладкой сытицей
80 Выводи-ко на луга на зеленые,
Напой меня росой медвяною.
Синегрив-от жеребец — мне меньшей брат,
Пологрив-от жеребец — середний брат,
Полонен-от воронко — в поле ровню быю.
85 За что поеду, от него уеду».

Поил-то и кормил коня Ванюшка
Три дня, трое суточки и три минуточки,
Накидывал коврички на доброго коня,
Седлал он седельшком черкацким;
90 Черкацкое седельшко о двенадцать подпруг
шолковых

Не для ради красоты — ради крепости;
Стает он в стремяшко булатное.
Приезжает он ко князю ко Владимиру,
Заезжает в княженецкий двор не воротами
95 А скакает через стены белокаменные.
Кричит зычным голосом:
«Выходи-ко, ласков Владимир-князь,
На широку на свою улочку».
Выходит ласков Владимир-князь
100 На красно свое крылечушко,
Кладет свои ручки на перилочки,
Глядит он на бурочка, на косматочка, на
трехлеточка.

Отдает он денежки пятьсот рублей,—
Видел, как этот молодец стоял,
105 Не видел, куды молодец убежал.

ПРО ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧА

- Благословляй-ко, хозяин,
Благословляй, господин,—
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила, сына Пленковича.
5 Он бодро по городу погуливал,
Под ним травка-муравка не топчется,
Лазоревый цветочек не ломится,
Зелен кафтан на нем не тряхнется.
Что со вечера порошица порошила,
10 С полуночи выпал белый снег,
Выпал белый снег во весь белый свет.
По той-то пороше два следочка лежат,
Малым-то малы, коротешеньки,
Стары старики собиралися,
15 Они тем следкам дивовались:
«Чьи это следки малешеньки,
Малым-то малы, коротешеньки?
Это молода Чурила, сына Пленковича.
То он бодро по городу погуливает.
20 Повадился Чурила ко Перемитьеву двору».
Выходили часовы, выносили фонари,
Выходила госпожа Перемитьиха,
Берет она Чурила за белые руки, за златые
перстни
Ведет-то его в новую горницу,
25 Садит-то его за дубовый стол,
Поит-то его чаем, кофеем, зеленым вином.
Тут-то слуге ее, горничной, за беду стало,
За великую досаду показалось;
Пошла она барину пожаловалась:
30 «Ты гой еси, наш превысокой господин!

У нас в дому чудо чудится, диво деется:
Твоя госпожа изменила тебе».

Скочил Перемитьев на резвы ноги,
Говорил он таковы слова:

«Ты гой еси, слуга, превысока госпожа,
Налей ты мне чару зелена вина в полтора
ведра!»

Берет Перемитьев чару единой рукой,
И выпивает чару на единый дух;
Он берет со спички востру сабельку,
40 Пошел Перемитьев в нову горенку,
Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами во пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает
На спички, под спички посматривает

Увидел на спичке золот колпак:

«Это что? мне не надобно?»

Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:

«Ты гой еси, мой превысокий господин!

50 Я по городу ходила, по базару гуляла,
По базару гуляла и у батюшка была,
Мне батюшко пожаловал, родимый подарил:
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».

Он грозно по горенке похаживал,
Чеботами во пол поколачивал,
Востру сабельку на рученьке поправливал.
На грядки, под грядки поглядывал.

Увидел на грядке шелковые перчатки:

60 «Это что, мне не надобно».

Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:

«Ты гой еси, мой превысокий господин!

Я по городу ходила, по базару гуляла,
65 У матушки была,

Мне матушка дала, рódна жаловала:

Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».

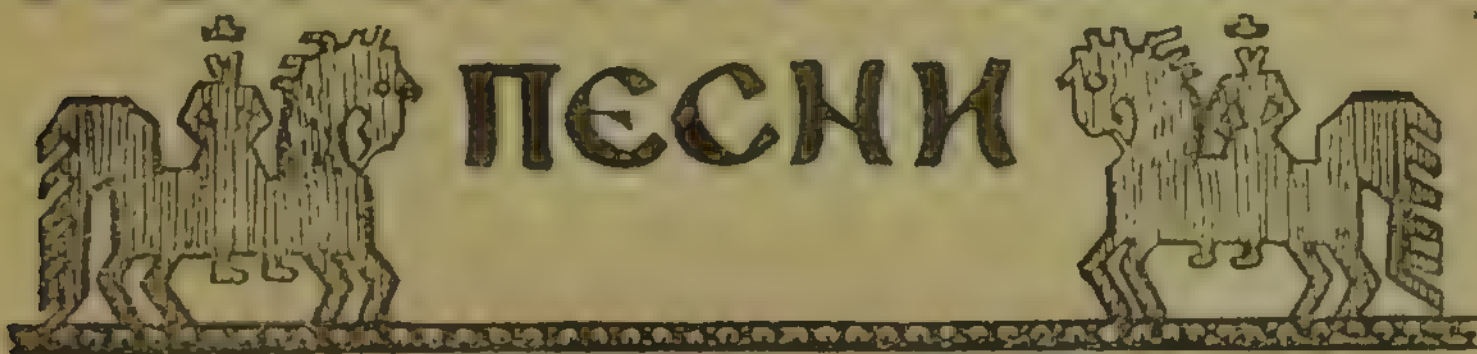
Он грозно по горенке похаживает,
70 Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает
На полки, под полки поглядывает.

- Увидел на полке зелен кафтан.
«Это что, мне не надобно».
- 75 Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
У братца была, мне братец пожаловал,
80 Братец пожаловал родимой подарил:
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
- Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
85 Востру сабельку на рученьке поправливает,
На лавки, под лавки поглядывает,
Увидел под лавкой сафьяновы сапожки:
«Это что, мне не надобно?»
- Подходила госпожа Перемитьиха,
90 Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
По базару гуляла, у сестрицы была,
Мне сестрица подарила, родна жаловала:
95 Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
- Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
100 На печку, за печку поглядывает,
Увидел за печкой две свечки горят:
То ясны очи глядят, то Чуриловы.
«Выходи-ко ты, Чурило, среди пола!
До тебя-то мне, Чурило, дела нету-ка,
105 Мы с тобой, Чурило, побратуемся!
Ты гой еси, княгиня, превысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо
перильчато:
Женю я тебя, княгиня, на другом женихе,
110 На другом женихе — вострой сабельке».

- Во поваренной, челядинной,
30 У той Василисы Николаевны
У той честной королевишны». «Что, девушка, врешь или правду говоришь?
Отпущу я тебя на свою волю».
«А поди-ко ты в заднюю избушечку,
35 В заднюю поваренную, челядинную;
На лавочке сермяжка лежит,
Сермяжечка хитра-мудра:
Покрою немецкова,
Намету турецкова
40 Шитья-то ярославскова.
Шапочка, рукавички на лавке лежат:
Шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковые,
Чулочки бумажные,
45 Под лавочкой сапожечки лежат,
Сапожечки зелен-сафьян:
Под носок — яйцо прокатить
Под каблуки — воробей пролетит».
Идет Белеметь в заднюю избушечку,
50 Во поваренную, челядинную,
Кладет руку на скобу,
Отворяет дверь на пятау,
Стает он среди пола,
Среди пола кирпичатова,
55 Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому;
«Здравствуй, Василиса Николаевна»
«Благодарствую, Белеметя сын Васильевич,
на многие летички»
«Чья у тя сермяжка лежит на лавочке,
60 Сермяжка хитра-мудрая:
Покрою-то немецкого,
Намету турецкова,
Шитья-то ярославского?
Чья шапочка, рукавичка лежит,
65 Шапочка пуховенькая,
Рукавичка шелковенькая,
Чулочки бумажные?
Под лавочкой сапожки лежат,
Сапожки, зелен-сафьян?»
70 «Это я у батюшки была.

Меня погода изняла,
Я сермяжку надела на себя,
Со младенцем я была,
На младена я сапожки надела». 75
Не глядит он на ее отговорочки,
Берет ее за белые ручки,
За золотые перстни,
Выводит на красное крыльцо,
Отсекает ей буйную голову.
Увидел он Чурилу Пленковича: 80
«Пойди, братец, возьми своё добро!
Ты был званый гость».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

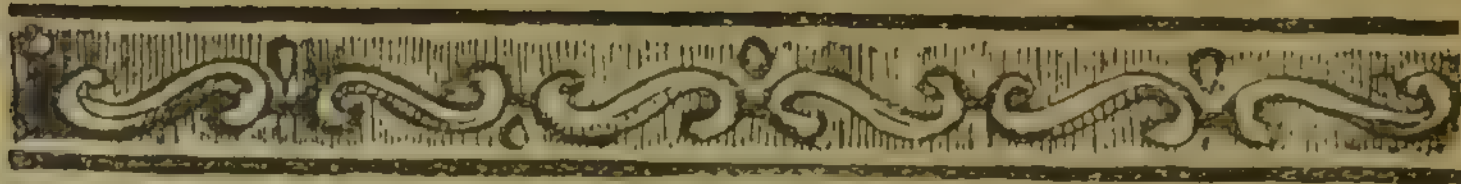
29

КОСТРЮК ИЗЕМЗЮРЬЕВИЧ
И ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

- Старички-то были старенькие,
Старички стародавненькие,
Они люди были вежливые,
У них бороды расчесанные,
А усы-то приразглаженные,
Вы послушайте рассказу моего,
Ишшо что я буду сказывати,
Ишшо что прирасказывати,
Разговоры разговаривати.
10 Как у нас было при славном при царе,
При Иване при Васильевиче,
При блаженные-то памяти его,
Собиралася беседушка свята,
Похотел он женити себя.
15 Он и брал жену в иной земле,
Молоду панью черкашеницу,
А свет Марью Земзюрьевну.
Он придана за ней много брал:
Что села-то со присельниками,
20 Города с пригородочками,—
Уж как триста татарничков,
Полтретьяста боярничков,

До семьсот было донских казаков,
Что удалых добрых молодцов.
25 Уж как все-то соезжались,
Ишшо все поздоровались,
Одного-то гостя нет как нет,
Дорогого-то бы шурина
Кострюка Иземзюрьевича.
30 Он приехал попосле всех,
Он садился повыше всех,
Хлеба-соли он не кушает,
Белой лебеди не рушает,
Зеленá вина и в рот не берет.
35 Говорил он таковые словеса:
«Ах ты, зять ли мой, зятюшко,
Государь такой батюшко!
Ишшо чем ты вздумал потчивати?
Ты попотчивай борцами меня:
40 Ишшо, что я земель изошел,
Ишшо что городов просчитал,—
По себе я борца не сыскал.
Покажи мне своих борцов,
Каковы есть у те борцы,
45 У тебя борцы-поединщики?»
Как возговорит тут славный царь,
Что грозной Иван Васильевич:
«Ах ты, шурин, любезный мой,
Что Кострюк Иземзюрьевич!
50 У меня есть в Москве борцы,
Удалы два брата молодцы,
По прозванию Калашниковы:
Уж как Ванька-то маленький,
Да Данилко коротенький!»
55 Выходил царь во новые сени,
На красное крылечушко;
Он громкнѹл-то громким-громко:
«Выходите-ка, мои борцы,
Уж как Ванька-то маленький,
60 Да Данилка коротенький!»
Они на ногу легошеньки,
На посылку скорешеньки:
По двору уж похаживали,
Усы за уши закладывали,
65 Чулочки натягивали,

Сапожки понаправлявали,
На носок приговаривали:
«Под носок яйцо прокати,
Под каблук воробей пролети».
70 Ишшо тут Кострюк бросился,
Он триста скамей повалил,
Полтретьяста бояр подавил,
Кому руку, кому ногу изломал,
И кому-то буйну голову сорвал.
75 Выходили они на зеленый луг,
Побороться они схватывались.
Уж как брал тут Данилко Кострюка
Иземзюрьевича пониже себя,
Что бросал об сыру землю.
80 Его телицо-то лопнулося,
Что фуфайка растегнулася,
А сапожки с ног слетели;
Увидала тут сестрица его,
Как свет Марья Земзюрьевна,
35 Закричала зычным голосом:
«Ах, Данилко ты коротенький!
Хоть у те бы и сила была,
Да ты бы этакой беды не чинил:
Кострюка-то до смерти убил!»
90 Отвечат тут Данилко ей:
«Ах, свет Марья Земзюрьевна!
Не дорога борьба была его,
Дорога его похвала,
Похвала — не вѣхвала!»

ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО

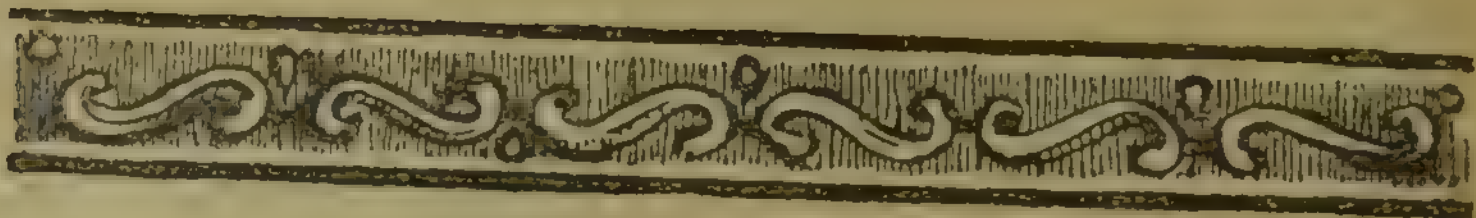
(Царь Иван Васильевич и сын)

Когда воссияло солнце красное,
И тогда воцарился наш грозный царь,
И грозен царь Иван сударь Васильевич.
И этого царя грознее не было.
5 И у него было столованье — почестный пир
И на многих князей, и на бояров,
И на всю поленицу удалую,
И на всю дружину храбую.
И во полупиру бояре напивались,
10 В полукушанье наедались.
По палате сам царь похаживает,
Белыми руками помахивает,
Могучими плечами поворачивает,
Сам говорит таковы слова:
15 «Гой еси, мои князья, бояре,
Славные, могучие богатыри!
И пьете вы, едите, проклажаетесь,
Ничем вы, бояры, и не похавастаете.
Я вывел измену из трёх городов:
20 Из первова города — из Опскова,
Из второго города — Новгорода,
Из третьей-то матушки каменной Москвы»
И сидит тут его чадо милое
По имени Фёдор — царевич млад;
25 Сам говорит таковы слова:
«Гой еси, ты, батюшко, царь-государь,
Грозен царь — Иван сударь Васильевич,
Хвастаешь ты небылью:
Не мог ты вывести измены в каменной Москве
30 Теперь измена у тебя за столом сидит».
Тут-то царю за беду стало,
За великую досаду показалось;

Поднимал он свою саблю острую
Выше своей буйной головы;
45 Сам говорит таковы слова:
«Гой еси ты, Федор — царевич млад,
Скажи мне изменника на имя,
И покажи мне изменника на очи.
Скажешь мне изменника — скоро сказню
40 И не скажешь, — я тебя сказню,
И предам тебя казненью разному:
Язык тебе выну теменем,
Ясные очи с косицами,
Ретиво сердце скрозь едно ребро».
45 И проговорит тут Фёдор — царевич млад:
«Ты гой еси, наш батюшко-царь,
И Грозен царь сударь Иван Васильевич!
Прости ты меня, детину глупова,
Глупова детину неразумного,
50 Не с мудрости я слово вымолвил».
Тут царю за беду стало,
Он зычит, кричит зычным голосом:
«Гой еси, мои слуги верные,
Злые палачи и немилостивы!
55 И берите-ка вы Фёдора — царевича
И за те бы за ручки за белые,
И за те за перстни злаченные,
И ведите его во даль, во чисто поле,
И во то раздолье Трепетово,
60 И кладите его на плаху белодубову,
И предайте ему казненье разное:
И язык ему выньте теменем,
И ясные очи с косицами,
И ретиво сердце скрозь едно ребро.
65 Отсеките ему буйну голову;
Окровените мне саблю вострую».
И все палачи испужались,
И все палачи разбежались,
Один палач не утрашился,
70 Молодой Малюта, вор Скурлатович;
И берет он Федора-царевича
За те бы за ручки, за белые,
За те ли за перстни злаченные,
И ведет его во даль во чисто поле,
75 Скоро весточка перепахнула,

Во то во село во Микитино,
 Ко тому ко Миките ко Романовичу.
 Тут-то Микита испужается,
 На одну ногу сапог надел,
 80 На 'другу ногу не успел надеть;
 На одно плечо он кафтан надел,
 На друго плечо не успел надеть,
 И бежит скоро на красно крыльцо,
 Зычит, кричит зычным голосом:
 8 «Гой еси, мои любезные конюхи,
 Хватайте мне добра коня поступчата,
 Не науздывайте, не оседывайте!»
 Скоро скакал на добра коня,
 Сам говорит таковы слова:
 90 «Гой еси, мои слуги верные!
 Кто-де умрет за роды за царские?».
 Изобрался у него любезный клюшничок:
 Я-де умру за роды царские.
 Садит его за себя на добра коня
 95 И бежит он во даль, чистое поле
 И во то раздолье во Трепетово,
 И ко той ко плахе белодубовой,
 И зычит, кричит он зычным голосом:
 «Гой еси, ты, вор Малюта сын Скурлатович,
 100 Чтобы тебе, собаке, этим куском подавиться!»
 И добегаёт он до плахи белодубовой,
 Сдергивает он Федора-царевича
 И кладет он своего слугу вернова
 На тое на плаху белодубову;
 105 И дают ему казненье разное:
 Язык ему вынули с теменем,
 Ясные очи с косицами,
 Ретиво сердце скрозь едно ребро;
 И отсек ему Малюта буйну голову,
 110 И окровенил он свою саблю острую,
 И понес ее к царю Ивану Васильевичу
 И садит Микита Федора-царевича
 На своего добра коня,
 Везет его во свое село,
 115 И сделал он в своем селе радости:
 Пылко и ярко в барабаны бьют,
 И заунывные сыпóвки возыгрывают,
 И добро в большой колокол благовестят.
 Услышал наш батюшко царь-государь,

120 Грозен царь Иван Васильевич:
 Тут царю за беду стало,
 За великую досаду показалось:
 «У меня несчастье великое,
 А у Микиты в селе такие радости».
 125 И скачет он скоро на добра коня,
 И берет с собой копье вострое,
 И бежит он скоро к Миките в село,
 И увидел Микита Романович своего царя
 Во то окошечко стекляное.
 130 И бежит он скоро на красно крыльцо,
 И встречат царя Ивана Васильевича.
 И царь проткнул ему копьем праву ногу,
 Сам говорит таковы слова:
 «Что у тебя, Микита, за радости?
 135 Пылко, ярко в барабаны бьют,
 Заунывно сыпóвки возыгрывают,
 И добро в большой колокол благовестят?
 А у меня несчастье великое:
 Порешил свое я чадо милое».
 140 «А те у меня радости великие, —
 У меня в гостях небывалый гость».
 Проговорит тут грозен царь Иван Васильевич:
 «Скажи ты мне гостя на имя,
 И покажи мне гостя на очи».
 145 И проговорит Микита Романович:
 «А простишь ли свое чадо милое,
 Молодого Федора-царевича?»
 «Да я-бы рад простить, да теперь негде взять.
 Выводи же ты мне гостя на очи,
 150 Скажи мне его на имя».
 Выводит тут Никита Романович
 Молодого Федора-царевича
 Из той палаты белокаменной,
 Сам говорит таковы слова:
 155 «У меня-де умер за роды царские
 Любезный клюшничек».
 Тут-то царь стал на радостях
 Стал на радостях на великих
 Стал суды судить, закон устанавливать:
 160 Кто-де мужика убьет,
 Да к Миките в град попадет,
 Тот виной прощен будет.

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ И СЫН

В столичном славном городе — каменной
Москве

У царя Ивана Васильевича
Было пированье — почестной пир,
Было столованье княженецкое,
5 На многих князей и на бояр,
На русских могучих богатырей,
На всю поленицу удалую.
Вполпьяна бояре напивались,
Вполсыта они наедались,
10 Стали бояре хвастати.
Кто-то хвастает животом своим,
Кто хвастает конем своим,
Кто хвастает молодой женой!
Говорит на это православный царь:
15 «Вы, друзья мои, братцы и товарищи.
Есть чем мне на свете похвастати:
Вывел я измену из Шахова,
Вывел я измену из Ляхова,
Вывел измену из Чернигова,
20 Вывел измену из Новгорода,
Вывел измену из каменной Москвы,
Не будет измены век и по век!»
Проговорит на то чадо милое его,
По имени сын Федор Иванович,
25 Сам говорит, как в трубу трубит:
«Гой еси, батюшко, православный царь
Всей России царь, Иван Васильевич!
Небылью ты хвастаешь,
Небылицей похваляешься:
30 Не вывел ты измены из Шахова,

Не вывел измены из Ляхова,
Не вывел измены из Чернигова,
Не вывел ты измены из Новгорода,
Не вывел ты измены из каменной Москвы,
35 Будет измена век и по веки!»
Скоро скакал православный царь на резвы ноги
Сам берет его за белые руки,
Сам скорее его спрашивал:
«Ты, чадо мое милое,
40 По имени Федор Иванович!
Скажи-ко ты измену на имя и изотчество?»
«Не могу я тебе измены сказати
На имя и на изотчество:
Первая измена за столом сидит,
45 Вторая измена на стол сбират,
Третья измена тебе пить подаёт»
На это царь разгневался и сказал:
«Вы, палачи немилостивые,
У кого на царские роды руки поднимутся,
50 Отсечь ему буйную голову?»
Все князья и бояре испугались,—
Со пиру они разбегались,
Остался только Васька Скурлатов, вор,
И говорит, как в трубу трубит:
55 «У меня на царские роды руки поднимутся —
Отсечь ему буйную голову.
Наше дело повеленое,
Слушаем слова говореные,—
Что приказывают, то и делаем».
60 Берет его за белые руки,
Ведет его на широкий двор,
Садит его в карету дубовую,
Везет его во чистое поле
К тому колку березову,
65 К тому болотичку Куликову,
К той плахе белодубовой —
Отсечь ему буйную голову.

Не ласточка перелетывает,
Не косатая перепорхивает,
70 Его матушка по имени Афросинья Романовна
Бежала к братцу родимому,
Что к Никите Романовичу:

«Ты, братец родимый,
По имени Никита сын Романович!
75 Ночесь-то мне малым-мало спалось,
И во сне много виделось;
Привиделся сон-сновиденьицо:
Взошло бы красное солнышко и померкнуло,
Перед образом свеча потухнула,
80 Упала бы звезда подвосточная,
Не стало в царстве царевича,
По имени Федора Ивановича,
Увезли его во чисто поле, к колку березову,
К тому болотичку Куликову,
■ К той плахе белодубовой —
Отсечь ему буйную голову».
Скоро скакал Никита Романович на резвые
ноги;

Бежит он на конюшен двор,
Хватает коня своего доброго,
90 Седлат седлом, подпруг не подтягиват.
Берет своего любимого ключничка,
Везет его во чистое поле,
Ко той плахе белодубовой,
Кладет-то он своего любимого ключничка
■ И берет любимого племянничка,
И говорит: «Гой еси ты, Васька Скурлатов,
вор!

Что другу налил — не выпей сам!»
Посадил своего любимого племянничка на
доброего коня,

Коня ведет под губу.
100 Привез племянничка к себе домой
И сделал пир навеселе,
Пьют, прохлаждаются...
«Гой ты, православный царь!
Ты находишься в кручине-печали,
105 А твой шурин пьет, увеселяется,
Сам похваляется,
А с тобою думы не думает».
Призывает он своего шурина,
Проткнул ему ногу саблею,
110 И говорит: «Какие тебе радости,
Что ты хвастаешь, похваляешься,
А со мной думы не думаешь?»

Возговорит Никита Романович:
«Как мне теперь не радоваться,—
115 У меня гость в гостях».
«Какой у тебя такой гость в гостях?»
«А которого в свете лучше нет,
Мне такого гостя жд́ать, не дожидаться!»
На это царь Иван Васильевич обрадовался,
120 Не устыдил своего лица белого,
Вынимает плат из карману,
Завертывает им рану
И приказал Ваську Скурлатова,
Привязать к конскому хвосту
125 И отпустить коня во чистое поле.

ПОКУШЕНИЕ НА ЦАРЯ

На пиру то сидело полтретьясто бояр,
Они крепкую думали думушку, заединую.
И как будет извести царя православного.
«Он покатится, наш батюшка, православный
царь,

И ко белу свету, ко усердию.
И ко усердию, ко благовещению.
Мы закатим-ко, ребятушки, пушку медную
И во пушечку заложим ядро свинцовое,
И расшибем-те, ребятушки, золотой берлин,
Ушибем-те царя православного». ¹⁰
И на пиру-то сидел млад татарченко¹,
Он выслушивал у бояр речей,
Надевал он свою шляпу черную,
И пошел он из высокого из терема,
И бежит он к царю, к палате белокаменной, ¹⁵
И не спрашивает он у ворот приворотников,
И не спрашивает он у дверей преддверников,
Отворяет он двери помалешеньку
И запирает он двери потихошеньку,
И падает он скоро на коленочки, ²⁰
Сам говорит таковы слова:
«Сгой еси ты, наш батюшка государь,
Не прикажи ты меня казнить,
А прикажи слово вымолвить».
«Говори-ка, говори, млад татарченочек». ²⁵
И говорит млад татарченочек:
«Сгой еси ты, наш батюшка царь-государь,

¹ «Татарченко», «татарчѣнок» — в данном случае прозвище персонажа, не являющееся указанием на этническую принадлежность его.

На пиру туто сидят полтретьясто бояр,
Они думают думушку крепку заединую
30 И хотят тебя извести, царь православный,
Ты покатишься, наш батюшка, православный
царь,

Ко батюшке, ко белу свету, ко усердию,
Ко усердию, к благовещенью,
И хотят они зарядить пушку медную
35 И во пушечку хотят заложить ядро свинцовое,
И расшибить твой золотой берлин,
И хотят ушибить тебя, царя православного».
И проговорит тут батюшка, православный царь:
«Ой ты гой еси, млад татарченочек,

40 Если ты правду мне сказал,
Так я тебя стану жаловать,
Если ты мне неправду сказал,
Так я тебя скоро казню».
Тут он посадил татарченка во темницу
15 И приказал он запрягать в золотой берлин,
В берлин свой садит слугу верного.
И покатилося его слуга ко белу свету, ко
усердию.

Выпаливали князя-бояра
Из той из пушки медная,
30 Расшибили у царя золотой берлин,
И в берлине ушибли слугу верного.

ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

(Правеж)

- Из-за гор было высоких,
Из-за лесу, лесу темного,
Не праведное красно солнышко выкатилось:
То выкатилась карета красна золота,
5 Карета государева.
В этой карете сидел православный царь,
Государь Иван Васильевич.
Случилось ему поехать мимо торгу-базару,
Мимо той-то таможни новорубленной,
10 Ещё сколько я, братцы, по Сибири не гуливал,
Я такого чуда-дива не нахаживал,
Как нашел я чудо-диво в граде Києве:
Среди торгу-базару, среди площади,
У того было колодечка глубокого,
15 У того было ключа подземельного,
У той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечка перильчатого,
У той было первой ступени.
Тут бьют-то доброго молодца за напраслину,
20 Нагова бьют, босого, без креста и пояса,
В одних гарусных чулочках без чоботов.
Правят же с него казну монастырскую,
Не много, не мало — сорок тысяч рублей
с копейками.
Он взмолился царю:
25 «Ты, гой еси, наш батюшка, православный царь,
Иван Васильевич!
Не я крал казны государевой,
Не я воровал,
Крали золоту казну воры-разбойники,
30 А делили казну донские казаки».

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

(Правёж)

Ишшо сколько я, добрый молодец, не гуливал,
Что не гуливал я, добрый молодец, не
хаживал.

Такова я чудо-дива не нахаживал,
Как нашёл я чудо-диво в граде Киеве:
Среди торгу-базару, середь площади,
У того было колодчика глубокова,
У того было ключа-то подземельнова,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У тово было крылечка у перильчата,—
10 Уж как быют-то добра молодца на правеже,
Что на правеже его быют за напраслину,
Что нагова быют, босова, и без пояса,
В одних гарусных чулочках-то без чоботов.
Правят с молодца казну да монастырскую.
15 Из-за гор-то, было, гор, из-за высоких,
Из-за лесу-то, было, лесочку, лесу темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнышко
выкатается:

Выкаталась бы там карета красна золота,
20 Красна золота карета, государева;
Во каретушке сидел православный царь,
Православный царь Иван Васильевич,
Случилось ему ехать посередь торгу!
Уж как спрашивал надежа, православный царь,
25 Уж как спрашивал доброва молодца на
правеже:

«Ты скажи, скажи, детина, правду-истину,
Ишшо с кем ты казну крал, с кем разбой
держал?

Если правду ты мне скажешь, я пожалую,
Если ложно ты мне скажешь, я скоро сказню:
30 Я пожалую тя, молодец, в чистом поле,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Уж как третьей — перскладинкой кленовою,
А четвертой тебя — петелькой шелковою».
Отвечал ему удалый, добрый молодец:
35 «Я скажу тебе, надежа, православный царь,
Я скажу тебе всю правду и всю истину:
Что не я-то казну крал, не я разбой держал,
Уж как крали-воровали добры молодцы,
Добрые молодцы, донские казаки.
40 Случилось мне, молодцу, итти чистым полем,
Я завидел в чистом поле — сырой дуб стоит,
Сырой дуб стоит в чистом поле, крековистый;
Что пришел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Что под тем, было, под дубом под крековистым,
45 Что донские-то казаки, они дел делят,
Они дел делили, дуван дуванили;
Подошел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Уж как брал-то я сырой дуб посередь его,
Я выдергивал из матушки сырой земли,
50 Как отряхивал коренья о сыру землю:
Уж как тут-то добры молодцы испугались,
Со делу они, со дувану разбежались,
Одному мне золота казна досталася,
Что не много и не мало, — сорок тысячей.
55 Я не в клад-то казну клал, животом не звал,
Уж я клал тое казну во большой-то дом,
Во большой-то дом — во царев кабак.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке,
Собирались тут казаки, люди вольные,
5 Становилися казаки во единый круг,
Они думали бы думушку заединую:
«Что кому из нас, братцы, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?
Атаманом будет Ермак, сын Тимофеевич,
10 Эсауличком Никита, сын Романович».
Поднимали они сходеньки дубовые,
Распускали они паруса полотняны,
И поплыли вверх по Волге по реке.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО СКОПИН

- У ласкова князя Владимира (?)
Было столованье — почестный пир.
Собирались к нему князья, бояры
И пили, гуляли, забавлялись.
Во полупиру бояры напивались,
В полукушаньи наедались,
Ласковый Владимир-князь
По горенке похаживает,
Сам говорит таковы слова:
10 «Что вы, мои князья, бояры,
Пьете, едите, потешаетесь,
Ничем, бояры, не хвалитесь?»
И стали бояре хвалиться:
Сдин боярин хвастал чистым серебром,
15 Другой боярин хвастал скатным жемчугом,
Третий боярин хвастал красным золотом,
Четвертый боярин хвастал золотой казной,
Пятый похвастал молодой женой,
Шестой похвастал своими детьми,
20 Седьмой похвастал добрым конем,
Восьмой боярин похвастал высоким теремом,
Один боярин не хващает,
Михайло Скопин, сын Васильевич;
Встает Михайло на резвы ноги,
25 Сам говорит таковы слова:
«Гой еси, батюшко Владимир-князь!
Брал я Малюту за черны кудри,
Бил я Малюту о сыру землю,
За тое за измену за великую».
30 На пиру тут сидела Малютина дочь;
Наливала она чару зелена вина,

Во чару клала зелья лютова,
 Подносила она куму крестовому:
 Выпей-ко чару, мой крестовый кум,
 Михайло Скопин, сын Васильевич!
 Насилу дождалась от тебя слова ласкова».

Принимат чару единой рукой,
 Выпивает чару единым духом.
 Схватило у Скопина сердце ретивое,
 10 Надевал черну шляпу и вон пошел.
 Садился Михайло на добра коня —
 Не может Михайло на коне сидеть;
 Едет он к своему высокому терему,
 Едет на улицу на широку.

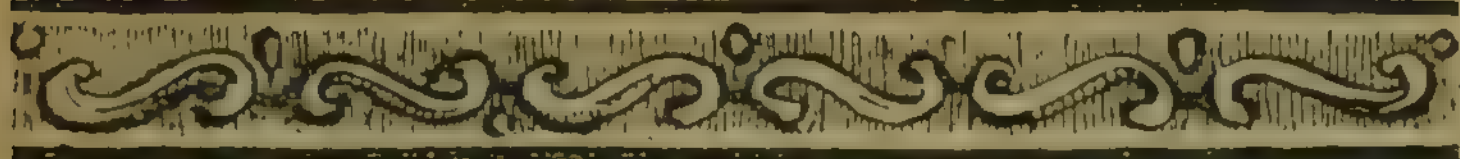
15 Увидала его матушка родимая
 Сквозь окошечко косящато,
 Сквозь оконенку стеклянную,
 Бежит скоро на красно крыльцо
 И встречает свое чадо милое:

20 «Ой ты гой еси, мое чадо милое,
 Ты Михайло Скопин, сын Васильевич:
 Почто ты эдак упиваешься?»
 Михайло сын Васильевич:
 «Ох гой еси, моя родима матушка,

25 Не сам я собою упиваюсь,
 Напоила меня Малютина дочь:
 Наливала она чару зелена вина,
 Во чару клала зелья лютова,
 Подносила она куму крестовому,

30 Сама говорит таковы слова:
 Выпей-ко ты, мой крестовый кум!
 Я примал чару единой рукой,
 Выпивал единым духом,
 И схватывало у меня сердце ретивое.

35 Тут Михайло не мог на пиру сидеть,
 И надел я черну шляпу, сам вон пошел.
 Вышел я на улицу на широку,
 И садился я на добра коня,
 И не мог я, матушка, на нем сидеть».

СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

- Не от-пламечка ковыль-трава загоралася,
Горела она, разгоралася.
Подгорели у яснава сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
5 Крылья быстрые — златы перышки.
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихоря палаты отворялися,—
Как идет-то во палатушки вор-изменник.
Во палатах-то расставлены столы дубовые,
10 На столах-то разостланы сукна дорогие,
На сукнышках стоят чернильницы золотые,
Во чернильницах-то перья лебедины.
За столом сидят три царя, три государя.
Стал-то белый царь добра молодца
допрашивать:
- 15 «Ты откуда, добрый молодец, скажися:
Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
Али ты из матушки каменной Москвы?»
«Я не с Дону казак, не казачий сын,
Не из матушки я каменной Москвы;
20 Я, удалый, добрый молодец, с Волги-реки,
Атаманов я сын — Стеньки Разина.
Заутра-то будет сам батюшко,
Вы умейте его встретить, честь воздать».
Присудили цари его под суд отдать,
25 Под суд отдать, кнутом отбить.

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА

На заре то, братцы, было на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
5 Есаул гулял по садику,
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробудитесь, донские казаки,
10 Не здорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон,
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря — Азовского
Помешался весь казачий круг,
15 Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича
По прозванью Стеньки Разина.
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
20 Повезли его в Москву каменну
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

О САЛТЫКОВЕ

Как у нас было во царстве,
В Московском государстве,
Перебор-де был боярам,
Переборы воеводам.
5 Выбирали воеводу,
Того роду не простова,
Господина Салтыкова —
Петра, сына Алексея.
Он садился, воевода,
10 Во легонькой во стружочек.
Потянули ветры буйны
С полуденной со сторонки;
Подносило воеводу
К тому месту, ко святому,
15 Ко игумену честному.
Он стрелял бы, воевода,
Во соборну божью церковь.
Уронил тут воевода
Богоматерь со престола.
20 Все тут старцы испужались,
По стенам града метались.
В едно место собирались,
В едно слово говорили:
«Хоть мы головы положим,
25 А по-старому послужим,
Слуги верны богу будем,
С ним во царствие прибудем.
Не вели, сударь, казнити,
Прикажи речь говорити,—
30 Этих старцев не казните,
В сине море не метати!»

Не глядя на них, воевода —
Всех тех старцев приказнили,
В сине море побросали.
Купцы-гости приезжали,
Быют челом они государю:
«Прикажи, царю, святых собрать,
Во сыру землю предать,
С честью-правдой схоронить».

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

Не куличенько по болотичку куликает,
Что не сам-то князь Голицын
В зеленых лугах гуляет;
Размышляет он, как Москву проехать:
«Темным лесом-то мне ехать —
Дороженька темна;
Чистым полем мне-ка поехать —
Дороженька пыльна;
Москвою мне ехать будет стыдно.
10 Поеду ли я каменной Москвою,
Каменной Москвою, улицей Тверскою».
Подъезжает князь Голицын к Успенью собору,
Снимает князь Голицын шапочку соболью,
Заходит князь Голицын в церковь божью,
15 Молится князь Голицын христу спасу,
Кланяется князю-то Ивану,
На все ли на четыре стороны.
Поздравляет князя Ивана со полками,
С любимыми полками — с егерями.
20 Обращается князь Голицын во чисто поле...

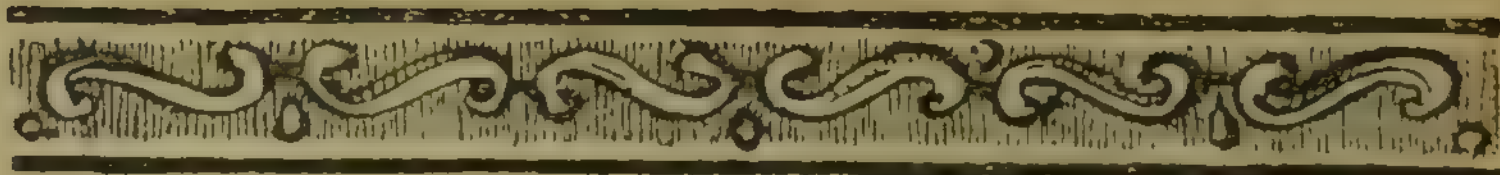
О КНЯЗЕ ГОЛИЦЫНЕ

Как на горочке было на горе,
На высоконькой было на крутой,
Тут построена матушка Москва,
Всей губернии Москва — честь-хвала.
5 Серым камешком Москва устлана,
Не серым камешком — белым кипарем.
Чистым важненьким Москва хрусталем.
Как Москвой-то злой наш генерал,
Он бы запил ли, запил, загулял,
10 Трое суточек в Москву не бывал.
Он запродали матушку Москву,
За дешево Москву за цену,
За три бочки злата-серебра,
За четвертую зелена вина.
15 Когда брал бочки, он их не осматривал.
Распечатал — в них желтенький песок.
Поднимается с полден ветерок,
Он разносит ли желтенький песок,
Что по батюшку по чисту полю,
20 По широкому по раздольицу.
Из конца в конец всю Москву прошел,
Лучше, краше тебя не нашел.
Посреди Москвы — силу становил,
Ставил силушку — стал ее смечать,
25 Сметил силушку — сорок тысяч нет.
И с того числа — воры беглые,
Воры беглые беспаспортные.
Заряжайте-ка пушки медные,
Вы стреляйте-ка через Крым-город,
30 Попадайте-ка в каменну стену.
Каменна стена не шатилась,
Белая глинушка повалилася.

О ШЕРЕМЕТЬЕВЕ

Во тысяча (семьсот) первом году
Во месяце было во июне,—
Из того было московского государства
Не тученька грозная поднималась,—
5 Поднимался князь Борис боярин Шереметьев.
На те ли на луга на зеленые;
И наехал на турецкую большу пашню.
Не сохами эта пашенка распахана,
Не боронами эта пашенка боронена,
10 Не пшеною эта пашенка посеяна,
Не дождями эта пашенка поливана,—
Распахана была пашенка штыками,
Боронена солдатскими тесаками,
Насеяна молодецкими русскими головами,
15 Поливана человеческой алой кровью.
Тому Борис-боярин утрашился,
На те дубравы зеленые отшатился,
Кругом лагерем становился.
Поехал на турецкого Влас-мурзу,
20 Заковал турецкого Влас-мурзу
В ручные и ножные немецкие железы,
И стал спрашивать турецкого Влас-мурзу:
«Скажи мне, Влас-мурза, сущую правду,
У вашего царя силы много ль?»
25 «Гой еси, князь Борис боярин Шереметьев!
У вашего царя силы много,—
У нашего короля втрое болей».
«Вы гой еси, солдаты, слуги верны,
Подымите-ко Влас-мурзу на штыки острые,
30 Подымите повыше!».

О З. Г. ЧЕРНЫШЕВЕ

Ты талан ли мой, талан такой,
Иль звезда моя, злосчастная,
На роду мне доставалася.
Доставался мне Кистрик-город,
5 С городами с пригородами,
С теремами с притеремками.
Во Кистрике славном городе,
На проезжей большой улице,
Во широком переулочке,
10 Тут стояла темна темница,
Темна темница — земляна тюрьма.
Как во той темной темнице
Засажен сидит российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич.
15 Его ручки завязаны,
Резвы ноженъки закованы.
Он по темнице похаживал,
Во окошечко поглядывал,
Сам железами побрякивал:
20 «Вы железы, вы немецкие,
Вы не мне-то были кованы,
Что плутам-ворам, разбойникам,
Уж как мне-ка вы достались».
Как по той главной улице
25 Проезжал-то сам прусский король,
Говорил сам таковы слова:
«Ах ты гой еси, российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич,
Послужи мне верой правдою,
30 Верой правдою неизменною,
Как служил ты царю белому,

Царю белому российскому». —
Как возговорит российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич:
«Как была бы сабля острая, —
Сослужил бы службу верную,
Я бы снес твою головушку».

О СУВОРОВЕ

На горе-то горе на раскатистой,
Тут построена церковь славная,
Церковь славная, семиглавая.
На седьмой главе крест серебряный,
5 Крест серебряный весь повызолочен.
На кресте сидела мала пташечка,
Мала пташечка, млад сизой орел,
На кресте сидел — далеко глядел,
Далеко глядел — во чисто поле,
10 Во чисто поле за сине море,
В землю шведскую, в землю турецкую.
Там шли-прошли три полка солдат.
Уж как первый полк во трубы трубил,
А второй-то полк в барабаны бил,
15 Уж как третий-то полк шел не в радости,
Что Суворов-князь на руках несут,
Ворона его коня в поводу ведут,
Его цветное платье в тороках везут
Мимо города, мимо Киева,
20 Мимо крепости государевой,
Увидала его родна матушка,
Выходила она на красно крыльцо,
Говорила ему, чаду милому:
«Ты зачем пошто пьян напиваешься,
25 Зелена ты вина упиваешься?»
«Я не сам-то собой пьян напивался,
Напоил меня злой прусский король,
Не вином поил — свинцом-порохом,
Он хмелил меня из медной пушечки».

О КУТУЗОВЕ

Ну, ребята, к нам французы,
Поспешим скорей сходить.
Нам к чему искать союзы,
Силу с гвардией побьем.
5 Командир у нас Кутузов,
Он умеет бить французов.
Приказ строгий он дает,
На сражение сам идет.
Бериксон наш генерал,
10 Он удумал это так,
Он удумал это так,
Чтоб итти нам всем вот так
Атаман Платов наш казак.
Подтвердил он точно так.
15 Было время им за нами,
Но теперь погоним сами.
День шестого октября
Собралася русских тьма.
Наполеон про то не знает,
20 Что русак на них нагрянет.
Наполеон бьется, мечется,
Сам не знает, куда деться.
«Враг возьми эту Россию,
Я оставил всю в ней силу,
25 Я в Россию не пойду
И на север не зайду.
Я не стану с русским драться.
В Париж не с кем показаться»

О ПЛАТОВЕ

Свято русская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова казака.
5 У Платова казака
Небритая борода,
Не стрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
10 У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградой встречал,
15 За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Чаем, кофеем поил.
20 На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две.
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю. . .
25 Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
30 И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».

Выпил рюмку, выпил две
Зашумело в голове.
«А нашто злато терять,
15 Можно так его узнать:
Он со личика беленок,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его
Как у брата моего».
20 У француза дочь Орина,
Что догадлива была,
Из палаты выходила
С купцом речь говорила:
«Ах ты, купчик, мой голубчик,
25 Ты удалый молодец,
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
30 Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки,
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
35 На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился.
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
40 Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола
Платова казака».

О ВОЙНЕ 1854—1855 ГОДОВ

Распроклятый француз — англичанин,
Возмутил ты чалму на нас.
Наипаче он налегает
На стрелковый третий баталион.
Пули, ядра нам знакомы,
Картечь, бомбы нипочем.
Заряжайте ружья поскорее,
Французов встретим мы в штыки.
Пули, ядра полетели,
Точно с неба сильный град.
Заставил он все пути-дорожки,
Хотел с голоду нас заморить.
Мы рогатую его скотинку
В чистом поле всю перевели,
Мы резать ее не щадили,
Мы варили, жарили, пекли.
Вместо соли посолили
Из патронов мелким порохом,
С горя трубочки закурили
И распростились с родной стороной:
«Ты прощай, родна сторонка,
Одесса славный городок.
Наши матери, наши родные
Остаются вечно горевать,
Наши батюшки родные
Остаются вечно работать,
Наши жены, жены молодые,
Остаются в доме ни при чем,
Наши деточки малолетние
Остаются вечно сиротать».

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ

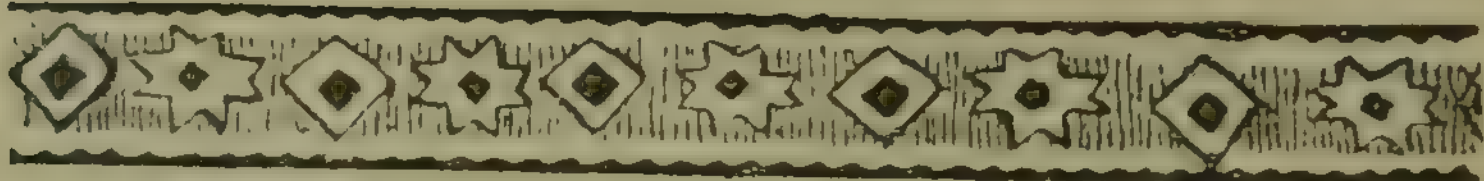

49

ПОЛОНЯНИН

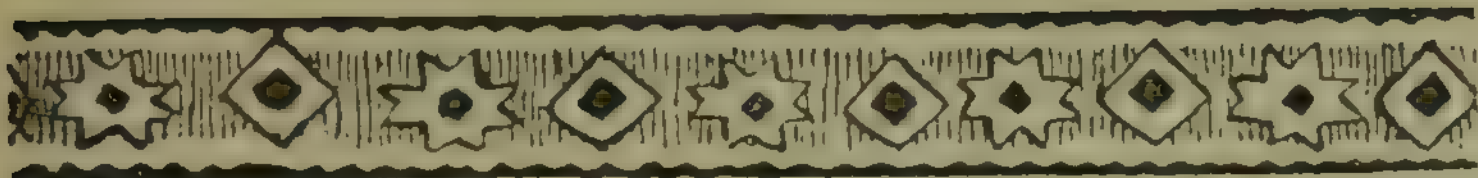
(Молодец в плену татарском)

Как издавеча, из чиста поля,
Из того было раздольица широкова,
Шли-прошли собаки — злы татарове.
За собой вели собаки много полону,
5 Много полону, много князей-бояр.
Назади ведут удала, добра молодца,
По имени зовут его Сироточкой,
Сироточкой, вдовьиным сыном.
Завязаны у молодца ручки белые
10 Во крепкие чумбуры во шелковые.
Закованы у молодца ножки резвые
Во крепкие железы во немецкие
И завешены у молодца очи ясные.
Как проговорит удалый, добрый молодец:
15 «Ой вы гой еси, собаки, злы татаровья!
Развяжите вы мне, мóлодцу, ручки белые,
Раскуйте добру молодцу ножки резвые,
Вы развесьте добру молодцу очи ясные!
Я спую-де вам, собакам, песню вчерашнюю,
20 Мы котору песню пели на синем море,
Мы на батюшке на Соколе, черном корабле.
Мы не песню, братцы, пели, горе мыкали».

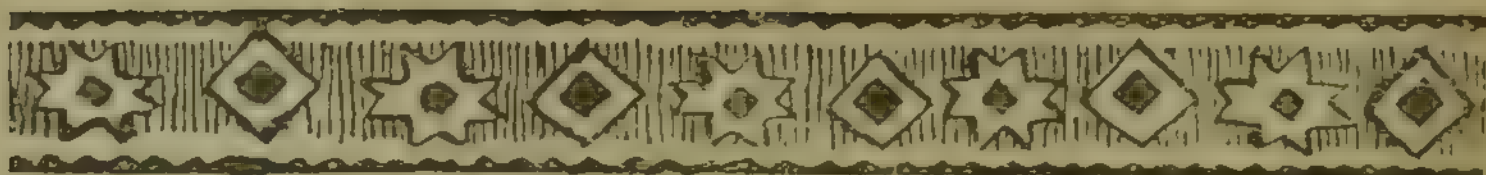
ДЕВИЦА В ЛОДКЕ АТАМАНА

Слобода ли ты, наша слободушка,
Слобода ли ты слободливая,
Слободливая, спогулливая,
Спогулливая и прохладливая!
5 С красными девушками проклаждаюся:
Уж вы, девушки да наши детушки,
Проводите-ка нас на долинушку,—
При долинушке стоит дубровушка,
При дубровушке — зелена роща.
10 Во зеленой роще — част ракитов куст,
Во том кусте свито гнездышко соловьиное,
Что во том гнезде малы детушки.
Из-под кустика течет реченька,
Речка быстрая, струистая;
15 По той речке плывет лодочка,
Лодка легкая, лодка ветловая.
Хорошо лодка изукрашена,
Черным бархатом уколочена,
Крупным жемчугом изнасечена,
20 Реселышками изнавешена,
Гребцами-молодцами изнасажена.
Во первом носу — атаман с ружьем,
Во втором носу — есаул с веслом,
Посреди лодки — золота казна,
25 На златой казне — красна девица,
Атаманчику полюбовница,
Есауличку родна сестрица.
Плывучи, девка речь говорила:
«Помоги мне, боже, до Москвы дойти,
30 Атаманчику быть казненому,
Есауличку быть повешену,
Гребцам-молодцам темна темница,
А мне, девице, воля вечная,
Воля вечная, бесконечная!»

О ДЕВИЦЕ, ДОСТАВШЕЙСЯ С ДУВАНУ МОЛОДЦУ

- Как у нас то было, братцы, за тихим Доном,
За тихим Доном, за Ивановичем,—
На делу, братцы, дел делили,
Дел делили, дуван дуванили.
- 5 Доставалось молодцам по пятисот рублей,
Атаману с есауличком по тысяче.
Одного они добра молодца обдували:
Доставалась молодцу красна девица.
Уж как плачет молодец, возрыдаючи;
- 10 И говорит молодец таковы слова:
«Как на бою-то мы, на драке — люди первые,
На делу-то, на дуване мы — последние».
Говорила красна девица добру молодцу:
«У меня-то есть кунья шуба во пятьсот рублей,
- 15 На правой руке золот перстень в семьсот
рублей,
На буйной голове золот венец в тысячу,
Я сама, красна девица, в барышах пришла».

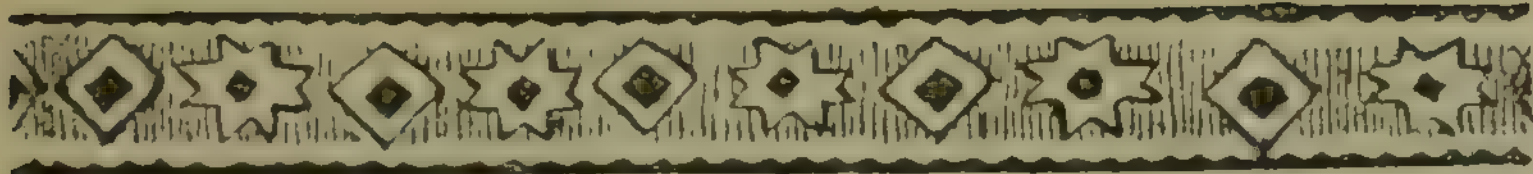
МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ

Как у нас то было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве:
Тут я, матушка, жил во семи клетях,
Во восьмую клеть сверху заглядывал.
5 Во восьмой клетки стоят образы,
Перед образами свечи теплятся,
Пречестная вдова богу молится,
Жалобу кладет на свое чадо милое:
«Тебе бог судья, тебе, милый сын,
10 На што ты брал золотую казну»,
«Не я-де крал золотую казну,
Золотую казну, монастырскую».
Воровали казну донские казаки.
Увозили казну во сырой бор;
15 Делили казну на девять паев,
Десятому, добру молодцу, не досталось.
Туто молодцу за беду стало;
Выдергивал сырой дуб со кореньями
И разгонял он донских казаков
20 По батюшку по чисту полю;
Доставалась вся ему золота казна.

МАРЬЮШКА ВДОВЬИНА ДОЧЬ

Жила-была честная вдова,
У вдовы было девять сынов,
Десятая — дочь Марьюшка.
Два сына дома живут,
А семь сыновей в разбой пошли,
Дочку Марьюшку замуж выдали,
Замуж выдали за морянина,
За морянина за хозяина.
Она год живет и другой живет,
10 Родила она дитя милое.
Захотелось дочке Марьюшке,
Захотелось в гости к матушке:
«Ты пусти, пусти, морянин, меня,
Ты пусти меня в гости к матушке!»
15 Как пошла-пошла дочка Марьюшка,
Как пошла она в гости к матушке,
Как и шла она путь-дорогою,
Что попались ей семь разбойников.
Дочку Марьюшку во полон взяли.
20 Дитя милое в земь ударили;
Привели ее к огоничку,
Что постлали они по войлочку.
Спят-храпят все разбойники.
А один не спит, все выпрашивают:
25 «Ты скажи, скажи, полоняночка,
Ты какого роду-племени?».
Говорит ему дочка Марьюшка,
Из какого она роду-племени.
Разбудил он тут разбойников:
30 «Вы вставайте-ка, братцы родные,
Мы кого-то во полон взяли!

Во полон взяли сестру родную,
В земь ударили мы племянничка». 187
Тут вскочили все разбойники,
И заплакали они жалостно,
И пошли все за племянничком;
Они взяли его со сырой земли,
Понесли его ко морянину,
Они пали во резвы ноги:
300 «Ты прости, прости, морянин, нас!»
Понесли дитя во божью церковь,
Опустили его во сыру землю.

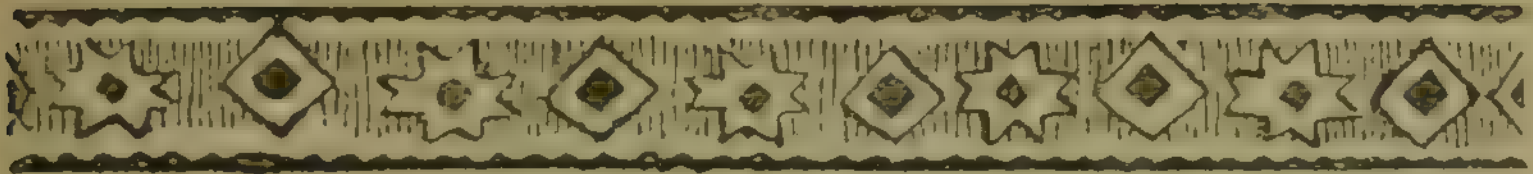

МОЛОДЕЦ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЖЕНЕ

«Как женил-то меня батюшко неволею,
Родна матушка — неохотою;
И они брали из места из богатого,
И много множество было приданого за ней.
И много множество, а человека с дела нет.
И мне-ка нечем при своей братье похвастати».
И еще вздымал добрый молодец гулять итти,
И ушел-то добрый молодец ко синю морю;
Он ходил, гулял ровно девять лет.
Со синя моря туманы поднимались,
Молодцу пала кручина в ретиво сердце,
И еще вздымал добрый молодец домой итти:
«Мне к батюшке итти — живым не застать;
К роду-племени итти — не узнают меня;
Я пойду-ка, добрый молодец, к молодой овоей
жене»:

И он идет-то, добрый молодец, по улице,
Вдоль по улице идет да по широкой.
Тут играли-поиграли два мальчика.
Он говорит таковы слова;
«Гой вы еси, два мальчика!
Кто этта живет? Чья изба эта стоит?»
И проговорят два маленьких мальчика:
«Тут живет-то наша матушка родимая
И пречестная вдова, благодатная».
«А где у вас родимый батюшка?»
«Ушел-то наш батюшка ко синю морю».
Услыхала их матушка из высокого из терема
И отворяла окошенку: стеклянную,
И сама говорила таковы слова:
«И не входило красно солнышко три года,

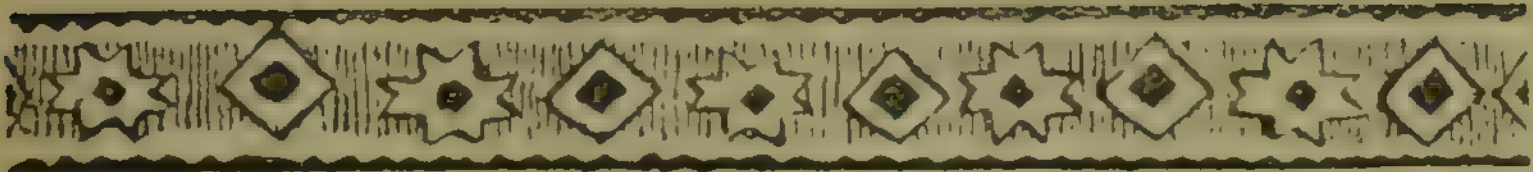
И не всходило красно солнышко шесть годов,
И не всходило красно солнышко девять лет.
А сегодня красно солнышко высоко взошло!»
И бежит она на улицу на широку
35 И сама говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои дети милые!
И пришел-то ваш родимый батюшка;
И берите его за белы руки,
И ведите его в нову горницу,
40 Садите за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яствы за сахарные,
И пойте, кормите, кланяйтесь»

ПРО КНЯЗЯ МИХАЙЛУ

- Не порошица порошила,
Не белы снеги выпадали,
Не мать сына прсвожала
На царскую службу государскую.
5 Жарко банюшку натопила,
Круты щелоки наварила,
Сер-горюч камень накалила.
Сноху в баню заманила,
На дубовый полук клала,
10 Очи ясны выжигала,
Белы груди распорола
Вострым ножечком складешочком;
Из утробы дитя вынимала,
На серебряно блюдо клала,
15 Ко синю морю подходила,
Во сине море его опустила.
Море синее всколебалось,
В море кит-рыба встrepескалась;
У Михайлы конь споткнулся,
20 Пухова шляпа с главы спала,
Князь Михайлушко сдогадался:
«Я вам, братцы, не товарищ,
У меня в доме несчастье:
Либо матушка нездорова,
25 Либо белая беяна,
Молодая жена княгиня».
Подъезжает он ко палате,
Выходит его мать родима
Снимает его с коня доброго.
30 Князь Михайло ее вопрошает:
«Ой ты, матушка родима,

Где моя беляна,
Молодая жена княгиня?»
«А в особой-то во палате
35 Она моется да белится,
Хорошо хочет снарядиться».
Князь Михайло входит во палаты,
И спрашивает у мамок у нянек:
«Ой вы, нянюшки, и вы, мамушки,
40 Вы скажите мне всю правду,
Где же моя белая беляна,
Молодая моя жена княгиня?»
Отвечают ему няньки-мамки:
«Во особой она во палате
45 На столе лежит на дубовом
Под черною под тафтою,
Под белою бахромою».
«Ой ты, матушка моя родима,
Ты две души погубила,
50 Закон божий ты разлучила;
По роду ты мне мать родная,
По разлуке ты — змея люта!»
Он втыкает тут саблю востру
Тупым концом в сыру землю,
55 А вострым концом в ретиво сердце.

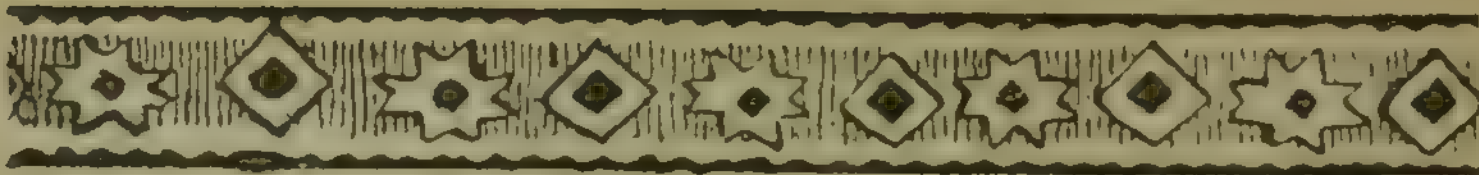

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ И ВАНЯ КЛЮШНИК

- Как у нас было на святой Руси,
На святой Руси, да в каменной Москве,—
Стояли там палаты белокаменные;
Во этих во палатах жил Волконский-князь
5 У Волконского князя Владимира,
И него-де было два клюшника.
Клюшник на клюшника доказыва́т:
«Ох ты гой еси, наш батюшка
Волконский-князь,
Ваня клюшник живёт да со княгинею,
10 Со душечкой, да с Апраксией».
За то он посадил клюшника во темницу:
«Ты не врешь ли, клюшник, не хлопашь ли?»
Сам говорит таковы слова:
«Ох вы гой еси, мои слуги верные,
15 Вы подите, приведите Ваню клюшника!»
Тута слуги не ослушались,
Идут они по Ваню клюшника,
Сами говорят таковы слова:
«Пойдем-ка, клюшник, тебя князь зовет,
20 Князь зовет, да мы не зна́м, на что».
Надевал он сапожки зелен-сафьян,
Надевал кафтанчик рудожелт-камки,
Подпоясывал опоясочкой шелковой,
Надевал перчаточки баретовые,
25 Надевал на себя шляпу черну-мумряку,
Во три ряда кудри завивались,
По четвертый ряд по плечам лежат.
Он брал с собой звончатый гусли,
Он идет по улице Устретенской
30 Ко Волконскому-князю на широкий двор,

- Отворяет он двери потихошеньку,
Запирает двери помалешеньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
- 35 «Здравствуешь, батюшко Волконский-князь!»
«Добро жаловать, молодой клюшничек!»
Проговорит молодой клюшничок:
«Ой ты гой еси, батюшко Волконский-князь,
Ты меня на что звал, на что требовал?»
- 40 Проговорит тут Волконский-князь:
«Скажи ты мне, клюшник, правду-истину,
За то я стану тебя, клюшник, жаловать:
Давно ли ты живешь со княгинею,
Со душечкой, со Апраксией?
- 45 Стану я тебя жаловать двумя столбами
дубовыми,
Третьей перекладиной тавалженой,
Четвертою — петлею шелковою».
- Проговорит Ваня клюшничок:
«Ах ты гой еси, батюшко Волконский-князь!
- 50 Прикажи мне на послéди в гусельцы сыграть».
«Ты взыграй, взыграй, молодой клюшничок,
Княгинин ты сполюбовничек!»
Заиграл клюшник в звончаты гусли,
По гуслиам его струны выговаривают:
- 55 «Упито, братцы, было, угуляно,
Добро хóрошо было ухожено,
Цветно платьицо было уношено,
На добрых конях было уезжено,
И на мягких постелях было усыпано,
- 60 По белым грудям княгини было утрёпано,
Во сахарные уста уцеловано.
И жил я со княгиней ровно три года,
На четвертый год князь доведался».
- И проговорит Волконский-князь:
- 65 «Ой вы гой еси, мои слуги верные!
Берите-ко вы любезного клюшника,
Ведите к столбам белодубовым
И ко той перекладине тавалженой,
Кладите во петельку шелковую».
- 70 Клюшник во петле болтается,
Княгиня во палате кончалася.
И прибегают к князю слуги верные:

«Гой еси, батюшко Волконский-князь!
У те клюшник во петле болтается,
75 А княгиня во палате кончалася».
И проговорит Волконский-князь:
«Ах, сгубил я две головушки добрые,
И живите-ка они хоть бы век-от свой».

ГРИШУТКА КЛЮЧНИК

- Во славном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимира
Было пированье — почестной пир,
Было столованье великое.
- 5 Покорил ключник-ларечник:
«Живет-то княгиня с Гришкой ключником».
Это слово князю за беду стало,
За досадушку великую показалось:
«Слуги ли вы, слуги мои верные,
- 10 Пойдите-ка по Гришку ключника!»
На то слуги не ослушались,
Приходят по Гришку ключника:
«Ступай-ко, Гришутка, тебя князь зовет».
«На что зовет, на што требует?»
- 15 «Мы не знам про то дело, не ведаем».
Одевается Гришутка, не торопится;
Надевает сапожки на босу ножку,
Надевает кафтан нараспашку,
Приходит он ко князю ко Владимиру.
- 20 К тому солнышку Сеславьеву.
«На што ты, князь, звал, на што требовал?»
«На то я тебя звал, на то требовал:
Чем я тебя, Гришутка, буду жаловать?
То ли вострым копьём, то ли строевым ружьём.
- 25 То ли реленкой высокою,
То ли петелькой шелковою?»
Гришутка в петельке болтается,
Княгиня в терему кончается.

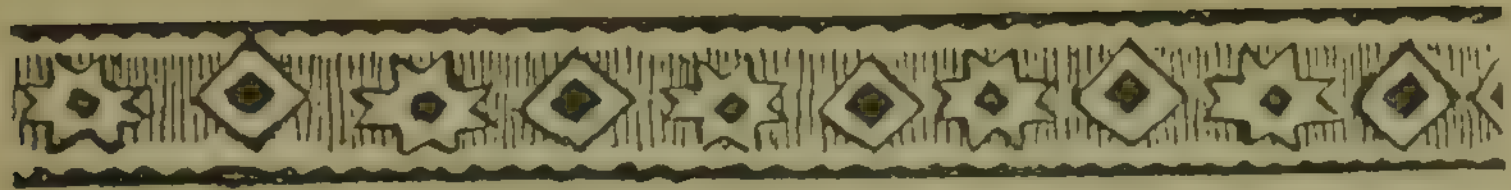

ПРО КУЛИКА-ТРАВНИКА

Из далеча далеча,
Из поля из Галичева,
И вылетает кулик-травник,
И вылетает птица сбойчивая
И за собой она сбой держит
И лукавство немаленькое.
И пронырство великонькое.
И садится она на зеленый лужок
И на летнюю травоньку,
10 И на шелкову муравоньку.
И увидал Потаня кулика из окна,
И ставил Потаня кружок¹
Что на тот на зеленый лужок.
Попадал куличок во кружок,
15 И во ту во петлю во шелкову.
И сохватал Потаня кулика,
И несёт его в нову горницу,
И опускает в палату белокаменну.
Он и бьется, лукавится,
20 И вперед подвигается,
И на носок спотыкается,
И за занавеску заглядывает,
Что на Марью Семеновну,
И на Авдотью Егупьевну;
25 И Семен кулика не взлюбил,
И Егупывич молодого не взлюбил,
Он и хлоп кулика по щеке,

¹ К р у ж о к — снаряд, которым ловят мелких птичек. Он состоит из обруча, в котором укрепляются волосяные силки, ставится на расчищенном месте («на току»); в середине кружка насыпают каких-либо зерен для приманки.

И оберня — по другой стороне;
Изломал ему голову,
40 И хохол и нос своротил ему на сторону
И взял кулика отослал в Москву,
И по рядам его выводили
И кнутом его выстегали,
И посадили кулика в тюрьму,
45 Потюремщику пять рублей, пять алтын,
А отвыпщику (?) десять алтын,—
И едва кулик вырвался.
Улетел куличек далёко -
За горы да высокие,
10 За лесы, лесы темные.
И жила там сорочка богатенькая,
И богатенькая, тароватенькая;
Пивцо сварила, винца скурила.
И тот с борку и другой с борку,
45 И кулик с борку, кляпонос с борку.
Говорит кулик таковы слова:
«Не тебе бы, сорока, пива варить,
И не тебе бы, сорока, вино курить:
Знала б ты, сорока, по гумнам летать,
50 По гумнам летать, зерна собирать,
Тем бы те, сорока, сытой пребывать».
Она чашкой хлоп, она ложкой хлоп,
Она зую в лоб:
«Будет тебе, зуй, мати вешняя река
55 И унесет тебя, кулика,
По вешней реке, по летовочке».

«НЕ ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ ПРИУТИХЛА...»

Не вечерняя заря, братцы, приутихла,
Полуночная звезда, братцы, восходила.
То во славном было городе Казани,
То на крутеньком на красном бережочке,
То на желтеньком на сыпучем на песочке.
Тут не черные вороны солетались:
Собирались понизовые бурлаки.
Они думали крепку думушку заедино:
Состроим мы, ребятушки, гребной стружок
И понаделаем уключины кленовые,
Понавесим мы веселочки ветловые,
Да и грянем, ребятушки, вниз по Волге
Супротив того стольникова дому.
То у стольничья приказчика дочь хороша.
То прощалася дочь у батюшки погуляти,
Понизовых-то бурлаков поглядети.
Напоили красну девицу допьяна.
Уж как тамо красна девица уснула
У повольского атамана на коленях.
Да что возговорит повольский атаман:
«Уж мы грянем, ребятушки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони».
Ото сна ли красна девица подымалась
И за очи с отцом с матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый,
Ты скажи от меня матюшке челолюбтю».
Еще что же вы, братцы, призадумались
Призадумались ребятушки, закручинились,
Что повесили свои буйны головы?
Еще ходим мы, братцы, не первый год
И мы пьем, едим на Волге все готовое,

Цветно платье носим припасеное,
Еще лих на нас супостат злодей,
Супостат злодей — генерал лихой,
Высылает из Казани частой высылки,
Высылает все то высылки солдатские,
Они ловят нас, хватают добрых молодцев,
Называют нас ворами и разбойниками.
Мы, братцы, ведь не воры, не разбойники.
Люди добрые мы, ребята все повольские,
Еще ходим мы по Волге не первый год.
Воровства и грабительства довольно есть.

НАРОДНАЯ СВАДЬБА

Родители, задумавшие женить сына, приискав невесту, возлагают сватовство большей частью на женщину, известную своими успехами и опытностью в делах подобного роду. Сваха, разумеющая вполне ремесло своё, строго наблюдает все необходимые для успеха в таком случае условия. Входя на крыльцо дома невесты, она ступает на первую ступень правою ногою, говоря: «Как нога моя стоит твердо и крепко, так слово моё будет твёрдо и лепко; тверже камня, лепче клею и серы (со-сновой); острее булатного ножа; что задумаю — да исполнится». Следуя далее, она шагает через порог непременно прежде правою ногою, а войдя в комнату и помолясь богу, садится только под матицей¹, и на ту лавку, которая идёт по длине пола. Усевшись, нежданная, а иногда и желанная гостя завязывает с хозяевами какой-нибудь незначащий разговор, стараясь потом ловко обра-

¹ Балка, бревно, поддерживающее потолок.

Для объяснения значения некоторых встречающихся в этой статье слов мы ко второй статье присоединим словарь, заключающий в себе изречения, малоизвестные в других местах.

гить его к прямой цели своего посещения, а хозяева, угадывая это намерение, всячески уклоняются от объяснения, как бы в доказательство, что о замужестве дочери и не думают.

Наступательные действия, с одной, и оборонительные, с другой стороны, длятся иногда значительное время. Наконец сваха, улучив удобную минуту, встает и, обращаясь к отцу и матери невесты с низкими поклонами, ведёт такую речь: «Я пришла к вам не пиры пировать, не столы столовать, а пришла я с добрым делом со сватаньем: у вас есть дорогой товар, а у меня знатный купец». Тут объявляет она имя жениха, и если услышит какие-нибудь отговорки, например, что невеста молода еще, что ей надо покопить ума-разума,— то обращает их в шутку, возражая: «То ведь не беда, что невеста молода; с добрым молодцом возмужает под венцом!» и тому подобное.

Нерешительность родителей невесты или несогласие последней заставляют иногда сваху посетить их неоднократно, без всякого успеха, несмотря на все употребляемые ею способы и таинственные предосторожности, порою заклинания и наговоры. Впрочем, медленность в согласии родителей и невесты происходит не редко с тем намерением, чтобы выиграть время, необходимое для разведывания о качествах жениха, его состоянии и прочего. Но если предлагаемый союз находят выгодным, или когда жених полюбитя дочери, то, перестав противиться и как бы предоставляя девушке полную свободу выбора, обыкновенно говорят в таком случае: «Ну ии с богом! выбрала молодца, так уж после не пеняй на отца!» Затем дело и пойдёт своим порядком.

Назначается день рукобитья (сговора), на которое приглашаются в дом невесты только ближайшие с обеих сторон родственники. Когда соберутся все, то зажигают свечи пред образами, потом, помедлив немного, все присутствующие встают и безмолвно молятся богу. После этого религиозного обряда сваха или кто-нибудь из старших родственников жениха берёт за руку отца невесты, а один из почётных гостей подходит к ним и, разнимая их руки, говорит: «Благослови господи! в добрый час!» Все вголос повторяют: «В добрый час!». Затем снова молятся богу, поздравляют друг друга с начатым делом и садятся по местам. В это время входит невеста в сопро-

рождении матери, которая, подводя её к жениху, говорит:
«Вот тебе суженая ряженная; прошу любить да жаловать! Жених кланяется, берёт невесту за руку, целует и сажает возле себя. После того начинаются угощение и песни.

1. На выбор невестою жениха

Как у Аннушки матушка
Не добра была, не ласкова;
У Андреевны родная
Не ласкова, не приветлива
Посылала ее матушка
Что во сырой бор по ягодки;
Выбирай-ко себе, дитятко,
Что из ягодок, ты, ягодку;
Из калины — калинушку,
Из малины — малинушку,
Из смородины — смородинку
Как у Аннушки матушка
И добра была и ласкова;
У Андреевны родимая
И ласкова и приветлива.
Посылала ее матушка
Во высок терем бояр смотреть
Выбирай-ко себе, дитятко,
Из князей ты себе княжича,
Из бояр себе боярина;
Выбирай сужено, ряжено,
Удалова, добра молодца.
Красна девица назад идет;
Под ней ноги подгибаются,
Белы руки опускаются,
Очи ясны закрываются,
Горьки слезы проливаются.
Уж я выбрала-то, матушка!
Себе суженое, ряженое,
Удалова, добра молодца,
Свет Ивана-то Никитича!

2. Невесте

Перекатное, красно солнышко,
Ты звезда ли перекатная!
Закатилась ты за облаки,

Прочь от светлого, ясна месяца.
Перешла наша девица
Что из горницы во горницу,
Из хорошей-то во светлую;
Перешла и задумалась.
Как задумавшись, заплакала;
Во слезах-то слово молвила:
Государь ты мой, родной батюшка!
Невозможно ли того сделать,
Что замуж меня не выдати?

3. Невестину отцу

Не лежи ты, бобер, у крутых берегов,
Черная куна возле быстрой реки;
Не сиди, Андреян, во чужом во пиру,
Андреян господин, свет Михайлович!
Снаряжай ты свадьбу Дунюшкину
Свет Авдотьи Андреяновны.
У меня свадьба снаряженная:
Девять печей хлеба спечено,
Десятая печь больших калачей;
Девять четвертей вина насижено;
Все приданое приготовлено:
Десять городов с пригородками;
Десять теремов с притеремками.

4. Ему же и матери

Ты восхоже ли, красно солнышко,
Государь мой, родной батюшка!
Ты заря моя, подвосточная,
Государыня, родна матушка!
Не вставай-ко, родна матушка,
На резвые свои ноженьки;
Не вздувай-ко ты, родимая,
Из углей огня ясного;
Не затепливай, родна матушка,
Ты свечи-то воску ярого
Перед образами чудными.
Не запоручивай буйну голову,
Буйну голову, девью красоту!
Уж гораздо я вам наскучила,

Уж гораздо напрокучила:
Много хлеба, соли скушала,
Много квасу, пива выпила;
Износила платья цветного,
Истоптала много чоботов.
Богоданный сударь-батюшка!
Ты моги-то встать, подняться,
На резвые свои ноженьки;
Ты моги-то дойти, достигнуть
До берчатой, до занавесы,
До кручинной, красной девицы!

5. Им же

Кругом солнца обошло;
Рядом бояре ехали;
Вершину у рябинушки сломили,
Коням под ноги бросили;
Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябина, без верху;
Живи, батюшка, без дочери,
Без любимыя, Аннушки.
Кругом солнышко обошло,
Рядом бояре ехали;
У рябины вершинушку сломили,
Коням под ноги бросили.
Топчите кони, вершинушку;
Стой, рябинушка, без верху,
Живи, матушка, без дочери,
Без любимыя дочери, Аннушки!

6. Невеста подружкам

Вы, голубушки мои сизые,
Приближенные соседочки!
Любезные мои подруженьки!
Что пройдет-то зима студеная,
Что пройдет-то весна красная,
Сокатятся с гор белы снега,
Нарастет-то трава мурава,
Расцветут цветы лазоревы;
На кусте созреет ягодка,
Черна, ягодка-смородинка.

Как пойдете вы в чисто поле,
Что по ягоду-смородину;
Принесите-ко, голубушки,
Что мою ль то, девью красоту;
Как моя-то девья красота,
Что на кустике, на ракитовом;
Привилась то девья красота
Ко кусточку алой ленточкой.
Вы снимите девью красоту
Со ракитова со кустика;
Положите во коробочку,
Принесите к родну батюшке,
И к родимой моей матушке,
Что во светлую во светлицу,
Во светлицу, — в нову горницу;
Что поставьте вы коробочку
Во светлице, на дубовой стол.

7. Невесте

Как на улице, улице,
На широкой на площади,
Тут играли, поигрывали
Что милы дружки Дуняшиньки.
Они мало выигрывали,
Они много проигрывали;
Проиграли свою сестру,
Что Авдотью Ивановну.
На лугу, лугу зелёном,
На ковре, ковре шелковом,
На кругу, кругу золотом.
Тут играли, поигрывали
Что милы братцы Фокины.
Они мало проигрывали,
Они много выигрывали:
Выиграли милу сноху,
Что Авдотью Ивановну;
Родну батюшке — невестушку;
Родной матушке — заменушку;
Как милу дружку обручницу!
Обручницу, подвенечницу,
Подвсечницу, вековечницу!

После рукобитья назначаются смотрение и девичник. Первое торжественное обоюдное представление жениха и невесты будущим родственникам и знакомым. Девичник — последний вечер перед свадьбой. Иногда то и другое бывает в один день. Как на девичник, так и на смотрение собираются, кроме родственников, не только лица приглашённые, которые должны участвовать в свадебном пиршестве, но приходят и незваные, особенно если знают, что в заключение вечера будет пляска. Между тем жених, во всё время от рукобитья до свадьбы, ходит или должен ходить к невесте каждый день; но у поселян это не всегда наблюдается. Он приносит с собой разные, по своему достатку, гостинцы — пряники, орехи и тому подобное, — угощая невесту и подруг её, которые шьют приданое под напев приличных случаю песен. Иногда, вечером, приходят товарищи жениха и затевают какие-нибудь игры.

На смотрение, девичник и свадьбу приглашаются у поселян и мастеровых дружка, у других сословий шафер. Дружка должен быть знахарем, чтобы кто-нибудь не похлестал (не испортил) жениха, невесту, или их родственников и поезжан: должен знать порядок, что и за чем следует; уметь во-время сделать, что нужно. Он самое необходимое лицо, без совета которого ничего не предпринимается, и потому дружка распоряжается всем, как совершенный хозяин; назначает, когда подавать закуски или кушанье на стол; угощает отца и мать невесты, жениха, его родню и всех родственников и знакомых. В это время на кушаке у него с левой стороны висит нож, для разрезывания кушанья, наперед берчатое полотенце и пистолет, на правой стороне заткнута плеть или бич. Во время угощенья, или когда гости заняты песнями, дружка неожиданно стреляет из пистолета в матицу, в угол или стену, и каждое действие своё сопровождает различными присказками и поговорками, иногда полными неподдельного остроумия и простодушной иронии, заставляющей тех, к которым относится меткое слово дружки, невольно закусывать губу, а других смеяться до слёз. Впрочем, на смотре иногда дружки и не бывает.

В назначенный для смотра день, вечером, или вскоре после обеда, приезжает жених с отцом и матерью, родственниками и товарищами к невесте и, помолясь богу, все садятся чинно по местам. В это время вводят не-

весту из другой комнаты или из кути, отделяемой от прочего пространства избы досчатой перегородкою или занавескою. Жених и все присутствующие, встав, единогласно приветствуют её, а потом жених берёт невесту за руку и, поцеловав, сажает возле себя. В продолжение всего вечера она, по обычаю, сидит склоня голову и почти вовсе не разговаривает с женихом, даже не глядит на него, исключая те минуты, когда подают угощенье. После этой церемонии начинают песни

8

Тебе бог судья, родной батюшка!
Тебе бог судья, родна матушка!
Поневолили меня замуж итти,
За удалого, добра молодца.
Разве много я хлеба скушала?
Износила платья цветного?
Мне не год годовать у вас;
Не зиму зимовать у вас;
Не весну весновать у вас;
Одну ноченьку ночевати!
Не знать ноченьку пролежати,
Не знать ноченьку просидети,
Не знать ноченьку проходить,
Не знать ноченьку простояти,
Не знать с батюшкой думу думать,
Не знать с матушкой мысли смыслить,
Не знать с братцами мне гуляти?

9

На горе-то, на высокие,
Как у церкви, у соборныя,
Высоко поднят колокол;
Далеко звон слышали.
Слышно с городу на город,
Слышно с терема на терем.
В терему красна девица,
Свет Авдотья Ивановна;
Запоручена, запросватана,
За удалова, добра молодца,
За Григория Николаича.

Вы голубушки мои сизые,
Вы любезные, вы подруженьки!
Потрудись-ко, голубушки,
В девьей красоте во последние:
Уж мне с вами-то, подруженьки,
Во зеленом саду не гуливать,
Алы ягодки не шипывать!
Со восточной со сторонушки
Потянули ветры буйные;
Накатились тучи грозные;
Налетели черны вороны!
Во поле лебедушка кикала;
В тереме Устиньюшка плакала.
Тебе бог судья, родной батюшка,
Отдаешь молодую во чужие люди
Остается от меня зелен сад.
Завянут цветики лазоревы.
Накажу я родную батюшке:
Уж вставай-ко ты ранешенько,
Поливай цветы частешенько,
При вечерней заре, утренней,
И своею горячею слезой.

10

Сободем Наташинька леса прошла
(повторяется)

Крыла леса алым бархатом,
По пути катила крупным жемчугом
Прикатила на крутой бережок;
Стала на бел-горюч камешек;
Вскрикнула она зычным голосом:
Кто бы меня за реку перевез?
Много бы дала тому золота,
Больше бы того скатна жемчугу.
Не откуль взялся Агафон господин;
Агафон господин, свет Иванович.
Он лодочку спускает во быстру реку;
Он скоро поспешает ко Наташиньке,
Ко Наташиньке, свет к Федотовне.
Уж чем тебя дарить, добрый молодец?
Есть у меня золота казна;
Жемчуг дорогой, платье цветное.

Мне не надо твоя золота казна;
Жемчуг дорогой, платье цветное:
Подари собой, мое сужено,
Мое сужено, мое ряжено!

11

Агафон господин ходит по двору,
Свет Козмич гуляет по широкому.
Кунья шуба на нем до полу;
Соболина шапка до верху;
Божья милость на нем до неба;
Как богатство, счастье до веку.
Сужено смотрит из полога,
А бояре смотрят из города,
А боярыни из терема.
Бояре молвят: чей же такой?
Боярыни молвят: чей господин?
А сужено молвит: мой дорогой.

12

Ты река ли, моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Ты, река, по лугам течешь,
По раздольям разливаешься,
У тебя ль, у быстрой реченьки,
Берега были хрустальные,
А пески на них жемчужные.
Тут стоял тонкий бел шатер.
Уж как девица из терема
Приходила ко белу шатру;
Разбужала добра молодца;
Пробудись, удалой молодец!
Пробудись, мое сужено,
Пробудись, мое ряжено!
Что пришла к тебе девица,
Что пришла я позабавиться,
Поиграть в гусли звончаты.
Проиграла красна девица
Золотой перстень с правой руки.
Не в досаду ль тебе, девица?
Не в досаду, добрый молодец.
Проиграл ей добрый молодец

Свои гусельцы звончатые.
Не в досаду ль тебе, молодец?
Не в досаду, красна девица.
Проиграла красна девица
Что свою-то трубчату косу.
Не в досаду ль, красна девица?
Не в досаду, добрый молодец.

13

Как сидела я во тереме
И низала ли жемчужинки
Что на длинную ниточку.
Не отколь взялся ясен сокол,
Он взмахнул правым крылышком,
Он задел им за тарелочку,
За тарелочку серебряну:
Он просыпал все жемчужинки
До единого до зернышка.
Как расплакалася девица,
Стоючи перед батюшкой.
Ты не плачь-ко, мое дитятко:
Созову я князей, бояр;
Подберут твои жемчужинки,
До единого до зернышка.

В это время угощают гостей питьями. Гости, отведав вина или наливки, просят подсластить их, что значит поцеловать жениху невесту. Выпив рюмку, дарят невесту, кто чем может.

14

Песня на подарки

По городу, по городу звоны пошли;
По терему, по терему дары понесли,
Дарили дары душе девице.
Прими дары, душа девица,
На наши дары не прогневайся:
Наши дары, не ласеняя;
Свадебка-то неожиданна.

Затем поются песни тысяцкому (начальнику поезда, есееводе), свахам, и всем вообще присутствующим, каж-

дому особо. По окончании песни одна из девушек подносит рюмку вина или наливки тому, для которого поётся песня. Угощаемый, выпив рюмку, кладёт на поднос деньги, которые делятся потом между певцами. Если подарком останутся довольны, то величают (благодарят), в противном случае платят насмешкою.

15

Песня тысяцкому

Ах ты, тысяцкой воевода!
Ты поехал, сударь, воевати,
Не неверную силу побеждати,
Не в чужу, дальну землю;
Но с пушным, сударь, со товаром,
Что со черными, сударь, соболями.
Ты за то, сударь, брал головами,
Что с девыми красотами,
Что со русыми со косами.
А ты слышишь ли, слышишь ли,
Сударь, тысяцкой воевода?
Тебе песню поем, тебе честь воздаём!
Что по имени тебя называем,
По изотчеству¹ величаем!

16

Жениховой свахе

Что княжая-то наша свашенька богата,
Как по имени Ирина Ермолавна;
Она с гривенки на гривенку ступает,
Что рублем она ворота отворяет,
А полутормя широки запирает,
По полтине во все стороны бросает.
Из тюрем она тюремных выкупала.
Из неволи-то невольных выручала;
Сиротам, вдовам казны много давала,
За нее-то сироты, вдовы бога молят.
Ах ты, слышишь ли, княжая свашенька,

¹ Имя отца, придаваемое к собственному; называть по изотчеству, величать.

Свет Ирина душа Ермолавна?
Про тебя девицы песню пели,
Что по имени тебя называли
По изотчеству тебя величали.
Ты дари-ко девиц, не скупися,
Не рублем их, не полтиной — златой
гривной.

17

Свахе невестинной

Что княжина-то свашенька, беляна,
Как по имени-то Анна Евсигневна.
Что по три годы полотна белила,
Что на синем море их полоскала,
Что на камешке, на сером колотила;
Что к Авдотье-то на свадьбу поспешала,
Что к Денисьевне на честну торопилась.
Ах ты, слышишь ли, княжина свашинька?
Мы те песню поем, тебе честь воздаем;
Будто сыр молодой на блюде,
Как скатен-то жемчуг в ожерелье.
Ты дари-ко девиц, не скупися;
Не рублем, не полтиной — золотой гривной.

18

Женатым

На луге, луге
Стояли три роты;
Три роты военны.
Посередь роты ходит
Господин наш полковник,
Свет Андрей Николаич.
На нем шуба соболья,
Она крыта парчою,
Что парчою голубою.
Как бояре-то спросят:
Господин наш, полковник,
Тебя кто шубой дарил?
Али тесть, али теща?

Отвечает им полковник:
Не тесть дарил, не теща
Что дарил государь-царь
За мою службу верну.
За мою неизменну.

После каждого стиха этой песни припевают: уряди,
дид-ладо, уряди!

19

Холостым

Во поле деревцо,
Во чистом кипарис-древо;
На том на деревце
Вырастили две веточки;
На тех на веточках
Вырастали две ягодки;
Первая-то ягодка
— Как Иван-то Андреевич;
Вторая-то ягодка
— Катерина Ивановна.

20

Исполать тебе, удал молодец,
Как Иван, сударь, Николаевич:
Ты умел хорош родиться,
Хорошо снарядиться:
Со тонка високошенек,
Со бела кудреватенек,
Что пора тебе спожениться
Как невеста твоя выросла
Дороги дары повышила.
Ах, ты слышишь ли?
Мы те песню поем,
Тебе честь воздаем,
По имени называем,
По изотчеству величаем
Будто сыр молодой на блюде
Как скатан-то жемчуг в ожерелье.
Ты дари-ко девиц, не скупися,
Не рублем, не полтиной — златой гривной.

А ты станешь дарить,
Мы те станем хвалить;
Ты не станешь дарить,
Мы те станем корить.
Ах, ты, сам шестом,
Голова пестом,
Уши ножницами;
У те шея бела,
Будто в петле была;
У те рожа пестра,
Лихорадка трясла.

21

Вообще мужчинам

То Михайле песенка,
То ясному соколу,
С белой лебедушкой,
Свет с Анной Григорьевной.
Слышишь ли, Михайло господин,
Слышишь ли, Федотыч господин?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем;
Мы тебя величаем
И по имени называем.
Как ты белый сыр на блюде,
Как бы сладкой мед в сосуде;
В саду вишенье садовое,
Сладко яблочко, наливное,
Мы просим тебя, не скупися,
С золотой гривной расступися

Чтоб побудить к щедрости, поют ещё следующие при-
певки:

22

Тысяцкому

Ты удалый, добрый молодец,
Свет Андрей, сударь Иванович.
Ты охоч был по пирам ходить,
По сговорам, по девичникам,
По девичьим вечериночкам,
Ты охоч был песни слушать,

И охоч был девиц дарить
Не рублями, не полтинами,
Золотыми все бы гривнами.

23

Другим мужчинам

Агафон, господин, не скупися,
С золотой гривной расступися;
Тебе тем казны не скопити,
Башмаков невесте не купити.
Ко обедне пойдет — замарают,
От обедни пойдет — потеряет.

Или:

24

Ах, мы песенки перепели,
У нас горлышки пересохли;
От Варлама даров не видали,
От Андреича не примали.
Хоть девицам бы водицы,
А послаще водицы — сытицы.

Если подарком довольны, то поют:

25

Бьем челом, поклоняемся;
На больших дарах, на Варламовых.
Дай те бог, подаруй христос,
Двор те скота, да анбар живота;
Сына сокола, дочь боярыню.

Или:

26

Спасибо, Варлам господин,
Спасибо, Федотьевич;
Твоего меду мы выпили и челом
Тебе ударили.
Со поклоном, словом ласковым.

В противном же случае (повторяется):

27

У Варлама в гостях не бывали,
Его меду мы не пивали;
Уж как мед-то его что водица,
А дары-то его что тряпица.

Кроме приведенных выше песен, поют холостым ещё следующую:

28

У ворот вились верёюшки,
У широких завивались.
Как не сами оне вилися —
Завивали их плотнички,
Топорами-то булатными,
Уж как у света-Николиньки
Не сами-то кудри вилися,
Не сами-то завивались;
Завивала их мила сестра,
Свет Авдотья-то Григорьевна.
Что на всякую кудриночку,
По бурмицкой по жемчужинке,
Самоцветному по камешку.

Все эти песни свахам и гостям, называемые вихбце припевками, поются и на девичнике.

Когда все таким образом будут обойдены, начинается следующая песня:

29

Ах ты, воля, ты воля батюшкина,
Ах ты, нега, ты нега матушкина:
Я у батюшки жила, красовалася,
Я у матушки жила по своей воле.
Поутру раным раненько не вставывала,
И я ранних петухов млада не слушивала;
А умыв руки, садилась за дубовый стол,
Со батюшкой, со матушкой хлеб-соль
кушати;
Со подруженьками думу думати.
Вы, любезные подруженьки, голубушки:
Научите вы, подруженьки, уму-разуму:
Оставлять ли мне свой родимый кров?
Отказаться ль мне от родителей?
Называться ль мне по чужой семье?
Вы не знаете моей горести:
Уж как я млада запросватана
За незнамова добра молодца!

Этою последнею песнею оканчивается церемония сморения, после чего жених, пригласив отца и мать невесты и других гостей к себе и угостив вечерним столом, приезжает обратно к невесте, где оставшиеся подружки ее веселятся всю ночь. Как в этот вечер, так и во все другие дни, с рукобитья до самой свадьбы, собирающиеся к невесте подружки поют песни, в которых выражается сожаление девушки об оставляемых отце и матери, девичьей воле, беззаботной жизни и прочем. Из песен главнейшие и общеупотребительные:

30

Как ночесь-то мне, матушка,
Мне малым-мало спалось;
Малым спалось, много виделось
Что привиделся чудный сон:
Как построена горенка,
Что во горенке кроватушка,
На кровати черный соболь,
На полу сера уточка,
По полочкам голуби,
По лавочкам ласточки,
На окошке ясен сокол.
Ты дитя ль, мое дитятко,
Ты дитя, чадо милое,
Я тебе этот сон рассужу:
Как построена горенка
— То чужа тебе сторонущка;
На кровати черный соболь
— Это твой свекор батюшка;
На полу сера уточка
— То свекровушка матушка;
А на полочках голуби
— Это братья деверья твои;
А на лавочках ласточки
— То сестрицы золовушки.
На окошке ясен сокол
— То твое, дитя, суженое,
Твое суженое, ряженое.

31

По горам я ходила,
Полынь траву сеяла,

Василечки садила.
Не отколь взялся молодец
На своем на добром коне.
Он полынь траву вытоптал,
Василечки все выщипал
И меня, младу, высмотрел.
Сестра брату жаловалась:
Ах ты, брат, ты мой милый брат,
Я по горам ходила,
По высоким гуляла,
Полынь траву сеяла,
Василечки садила.
Не отколь взялся молодец
На своем на добром коне;
Он полынь траву вытоптал,
Василечки повыщипал
И меня, младу, высмотрел
Ты, сестра моя милая,
Сестра, сиза голубушка,
Свет Маланья Григорьевна
Я и сам-то холост хожу,
Я чужих сам сестер смотрю

32

Под горой, горой высокою,
Что кипит колодезь с красным золотом,
Красны девицы расчерпывают;
Коя чарой, коя ковшичком,
Одна Машинька целым кубцем,
Кому кубец отдать с красным золотом?
Отдать батюшке — назад не взять,
Отдать матушке — ничего не видать;
Как отдам кубец Ксенофонтушке,
Ксенофонту да Кирилловичу:
Тем кубцом мы село заведем.

33

Полелей, полелей, мати Волга река,
Полелей ты круты берега.
Что не долго лелеяти —
Со весны да до осени,

До студеного замороза.
Полелей, отец, дочь свою,
Что не долго лелеяти,
С четверга да до пятницы,
А в субботу девич-вечер,
В воскресенье разлучный день:
Разлучат пташку с гнездышком;
Маргаритушку с батюшкой,
Елисеевну свет с родным!

34

Не бушуйте, буйны ветры,
Не раскачивайте звонки колоколы;
Не будите красну девицу,
Парасковью Максимовну;
Как вечер-то она долго не спала —
Ширинку шила красным золотом,
Подарить свекра батюшка.

Не бушуйте, буйны ветры,
Не раскачивайте звонки колоколы,
Не будите красну девицу
Свет Прасковью Максимовну;
Как вечер-то она долго не спала —
Шила рубашечку полотняну,
Подарить свекровь матушку.

35

Перелетная ласточка,
Сизокрылая косаточка!
Ты к чему рано вылетывала
Из своего тепла гнездышка,
От своих малых детушек?
Ах вы, ласточки, косаточки:
Не своей волей, охотою:
С восточной со сторонушки
Потянули ветры буйные,
Всколебалось море синее,
Поглушило малых детушек:
Гы душа ли, красна девица,
Свет Авдотья Николаевна,
Ты к чему рано замуж пошла?
Вы голубушки, подруженьки:

Не своей волей, охотою:
Отдает меня сударь батюшка,
Запоручила родна матушка!

Сиротѣ невесте

Ты река ли, моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Ты течешь, не колыхнешься,
Со песками ты не взмутисься.
Ты душа ли, красна девица,
Ах, ты что сидишь; задумалась?
Для чего тебе печалиться?
У вас горница полна гостей.
Вы голубушки, подруженьки!
Еще как-то мне не думати,
Еще как-то не печалиться?
Хотя горница полна гостей,
Уж как все-то гости есть как есть,
Одного-то гостя нет как нет.
Нету гостенька любимого
— Моего отца родимого!
Мне теперь бы его надобно.
Государь ты, родной брателко,
Ты подойди-ко к божьей церкви,
Ты взойди-ко на колоколенку,
Ты ударь-ко в большой колокол,
Разбуди моего батюшку;
Мне теперь его-то надобно,
Что ко часу, ко последнему,
К благословенью великому.
Благословить меня некому:
Благословляет меня брателко,
Со родимой моей матушкой

Взвевали ветры по полю,
Грянули веслы по морю.
С кем-то мне думушку думать?
Думу думать с родным батюшкой —
Та мне дума не крепка, не верна;
Те словеса не понравились.

Взвевали ветры по полю,
Грянули веслы по морю.
С кем-то мне думушку думать?
Думу думать с родной матушкой —
Та мне дума не крепка, не верна,
Те словеса не понравились.

Взвевали ветры по полю,
Грянули веслы по морю.
С кем-то мне думушку думать?
Думу думать мне с Федором —
Та мне дума и крепка и верна,
Те словеса мне понравились!

Заключительною же песней смотренья бывает следующая.

Когда невеста, проводив жениха, остается с родителями своими и подругами, то становится перед отцом на колени, а девушки начинают петь, или вернее выть (причитать)

38

На заре-то, заре утренней,
На восходе солнца красного,
Петухи поют ранни утрени,
Разбужают они родна батюшка.
Уж ты встань, родимый батюшко.
И умойся ключевой водой,
Ключевой водой, студеною!
Ты утрись, родимый батюшка,
Тонким, белым полотенчиком!
Помолись, родимый батюшка,
Ты царю богу спасителю.
Ты пойдь, родимый батюшка,
К моему другу милому;
Ты узнай, родимый батюшка,
Ты про все жите-бытье.
Он не пьет ли зелена вина?
Не играют ли в кости, карточки?
Не проигрывают ли платья цветного
И мою-то, девью красоту?
А потом, родимый батюшка,
Ты зайди-ко в божью церковь;
Ты узнай, родимый батюшка,

Мне каким венцом венчаться
И каким кольцом обручатся?

В рукобитье, смотреенье и девичник, а также и в другие вечера жениха провожают домой следующей песнею:

39

В горнице гусли лежали,
А некому в гусли играти.
Как Андрея дома не лучилось,
Свет Петровича дома не лучилось
У ласкова тестя пирует,
У ласковой тещи он столует
Теща-то зятя провожала,
А сама зятю наказала:
Пей, мой зять, не упивайся;
Придешь домой, не ломайся,
Ведь мое-то дитя молодое
Твоего обычая не знает,
Твоего норову не ведает.

Последнее слово повторяется три раза.

40

Севастьян, господин, воротися!
(повторяется).

Свет Григорьевич, воротися!
Что Маланья твоя стосковалась;
Из окна она в окошко бросалась;
Все стеклышки приломала.

Жених, вышедший за двери, ворочается по окончании песни и, поцеловав невесту, выходит; но, вызванный снова, возвращается, что повторяется до трех раз.

Девичник бывает обыкновенно накануне свадьбы. Сирота-невеста поутру едет на могилы отца или матери и плачет там с причитанием, жалея, что они не могут благословить ее. По возвращении оттуда садится за стол. Для угощения¹ штоф или четверть ведра наливки, вина простого или виноградного, и вместе с тем коробочку.

¹ Подруг невесты жених, смотря по состоянию, присылает.

закрывающую в себе мыло, гребень, румяны, белилы, башмаки, перчатки, булавки и прочее, также некоторые подарки для девушек. Между тем приданое, первая принадлежность которого состоит из перины с подушками, одеяла, полога, отправляют к жениху с постельницей, провожая её следующей песней:

41

Разливалась вода вешняя
На луга, на зеленые;
У Федота Дементьича
Ворота отворилися,
Что без ветру, без вихоря
Три кораблика уплыли:
Первый корабль с красным золотом,
Второй корабль с чистым серебром,
А третий корабль с красной девицей.
Как не жаль мне золотой казны,
Мне не жаль чиста серебра;
Только жаль мне красной девицы,
Жаль моей милой дочери
Парасковьи Федотовны!
А у Якова Савельича
Что без ветра, без вихоря
Ворота растворилися;
Три кораблика приплыли:
Уж как первый с красным золотом,
А второй с чистым серебром,
Что третий корабль с красной девицей.
Мне не дорого красно золото,
Мне не дорого чисто серебро:
Дорога красна девица,
Свет Парасковья Федотовна,
Мое сужено, ряженое!

Родители жениха, встретив постельницу и приняв приданое, угощают её и дарят по возможности. Когда постельница уберёт постель в назначенной для того комнате, тогда приезжает тысяцкой, запирает комнату на замок, а ключ берёт с собою. Но возвратимся к невесте. Когда девушки приглашены уже сесть за стол, тогда поют следующую песню:

Сборы вы, сборы Прасковьяны,
 Великие сборы Федотовны!
 Собирала она подружек за дубовый стол,
 Садил подружек вокруг стола,
 А сама садилась выше всех,
 Голову клонила ниже всех,
 Думушку думала крепче всех.
 Вы голубушки мои подруженьки!
 Придумайте вы, присоветуйте,
 Как жить-то мне в чужих людях?
 Как мне звать свекра с свекровью?
 Называть свекром — он рассердится
 Назвать батюшкой — мне не хочется
 Назвать свекровью — рассердится;
 Назвать матушкой — не хочется.
 Я невольно должна покориться!
 Назову я свекра батюшкой,
 Назову я свекровь матушкой

По окончании обеда готовят невесту итти в баню и, чтобы расплести косу, поют следующую песню:

Ты коса ли моя косынька,
 Ты коса ли моя русая!
 Тебя зачесывала матушка,
 Заплетала родна сестрица!
 Уж как мне ли тебя, косанька,
 Знать-то, боле не плетать будет;
 Алой ленточки не нашивать.
 Расстаюсь с тобой, косанька!
 Расстаюсь с девьей красотой!
 Расплетут тебя, косанька,
 Как на мелкие на прядочки,
 Поведут меня, девуцу,
 В нову баню мыться.
 Там я смою девью красоту
 Ключевой водой студеною.

Когда невеста готова, просят отца, мать, братьев и сестёр расплести косу; причём, обращаясь к отцу, поют, с причитанием:

Приступи, родимый батюшка,
 Ко моей-то девьей красоте;
 Расплести, родимый батюшка,
 Что мою-то трубчату косу.
 Видно, я у вас отнежилась,
 Видно, я открасовалась!
 Видно, я уж вам наскучила,
 Видно, я вам напрокутила!
 Награди, родимый батюшка,
 Ты меня благословеньцом!

В это время отец, подойдя к дочери, расплетает немного косы; потом, причитая то же самое, обращаются к матери, братьям и сёстрам. Каждый, подобно отцу, подошед к невесте, делает то же; остальную часть косы расплетают девушки, припевая между тем:

Приступите-ка, подруженьки.
 Что ко девьей красоте моей;
 Расплетите-ка, голубушки,
 Что мою ли трубчату косу.
 Расчешите-ка, подруженьки,
 Что мои-то русы волосы.
 Поведите-ка, голубушки,
 Вы меня во светлу парушу.
 Вы там смойте-ка, подруженьки,
 Что мою ли девью красоту!

По окончании этого берут невесту под руки, накрывают платком и отправляются в баню; вперёд и обратно идут с песнями и причитаньями. В бане поют:

Потрудитесь-ко, подруженьки,
 На роду-то ли не впервые,
 А в девьей красоте в последние.
 Уж вы смойте-ка, подруженьки,
 Что мою ли девью красоту,
 Со моего тела белого.

Как моя-то девья красота
Улетит она в чисто поле,
Что привьется девья красота
Что на кустичек малиновый.
Вы пойдите в чисто поле,
Принесите мою красоту
Ко родимому ко батюшке!

Возвратясь из бани, готовят невесту к приятию жениха, который вечером должен быть на девичнике со всеми родными и приглашенными со стороны его знакомыми, дружкой, тысяцким и поезжанами. Когда жених приедет со всем поездом, то его встречают отец и мать невесты со своими гостями, а девушки в это время поют:

47

У ворот было, у воротичек,
У ворот было, у стекольчатых,
У вита кольца серебряна.
Туг стучит, брячит Агафон сударь
Что стучит, брячит-то Иванович;
Он стучит, брячит со боярами,
Со боярами, со княжими-то:
Отпирай-ко ты, тесть, воротички,
Ты встречай-ко, теща, ласково,
Ты, своячина, встречай приветливо,
По двору идет — поклоняется,
На крыльцо идет — усмехается,
Во терем идет — похваляется:
Я приехал к вам не молебны петь.
Я пришел-то к вам не воды святить;
Я приехал к вам по сужено,
Я пришел-то к вам по ряжено;
По душу ль, по красно девицу,
По Авдотью-то Николаевну.

Войдя в комнату, молятся богу и садятся по местам; жених в передний угол, под божницею¹, за убранный стол с хлебом и солью и закусками. Невеста в это время находится в другой комнате или в кути. Девушки поют:

¹ Полка в переднем углу, на которую ставятся иконы.

Не стой, рябина, по край берегу,
 Не мочи ветви во быстру реку;
 Не летай, соловей, один в саду
 Много со мной гусей, лебедей,
 Больше того серых уток;
 Нет лишь со мной перепелки одной
 Не сиди, Андреян, один за столом,
 Не сиди один за белодубовым.
 Много со мной князей и бояр,
 Больше того княженицких детей:
 Нету со мной Катерины одной,
 Нету со мной Севастьяновны.

В эту минуту вводят невесту; жених берёт её за руку и, поцеловав, сажает подле себя. Девушки поют:

Ах ты, реченька,
 Ах ты, быстрая!
 Ах, почто же ты, реченька,
 Ах, почто не быстро бежишь,
 Никуда не колыхнешься,
 Ни к которому бережку,
 Ни к которой сторонке?
 Ах ты, девица, девица!
 Ах ты, девица красная!
 Ах, почто же ты, девица,
 Ах, почто же ты тихо сидишь,
 Не промолвишь словечушка,
 Ни с отцом ты, ни с матерью,
 Ни с сестрами, ни с братьями,
 Ни с своим милым суженым,
 Ни с своим другом ряженым?
 Разве все напрокучили?
 Разве все опротивели?

Невеста, вызванная на ответ, стыдливо взглядывает на жениха, и в доказательство, что не все опротивели, целует его, а девушки начинают петь:

Как во каменной во палате,
 На тесовой да на кровати,
 Что не голубь со голубушкой воркует:
 Андреян тут Катеринушку целует,
 Как Васильич свет Ивановну милует.
 Принеси-ка, Катеринушка, мне сына,
 Что при младости на потеху,
 А при старости на замену.

Затем поются песни невесте, жениху, обоим вместе, тысяцкому, свахам, поезжанам и другим присутствующим гостям.

Невесте

Ах ты, злая наша изменница,
 Зла изменница, красна девица!
 Ты сказала нам, что замуж нейдешь,
 Ни за князя, ни за боярина,
 Ни за гостя купца торгового.
 А теперь-то, наша подруженька,
 Ты пошла замуж, задумала,
 За удалова, добра молодца
 За Михайла, свет Васильича.
 Не сама собой я замуж пошла;
 Отдает меня сударь батюшка,
 Приневоливает родна матушка,
 Потакают люди добрые.

Вы красуйтесь, красны девицы,
 Во своей-то девьей красоте;
 Уж как я открасовалася,
 Не плести уж мне русой косы,
 Не носить мне алой ленточки!

Жениху

Ах ты, царь ли наш, царевич!
 Ты король наш, королевич!
 Разудалый, добрый молодец,

Андреян, сударь Васильевич!
Ты умел хорош родиться
И богато снарядиться!
Поносила тебя матушка
Во утробе девять месяцев,
Тяжелым тяжелешенько;
Во десятый-то породила,
Во христовскую заутреню,
Как во первый большой благовест
Обмывала тебя бабушка
Ключевой водой студеною;
Пеленала тебя бабушка
Во пеленочки полотняны;
Во свивальнички шелковые
Сберсгала тебя матушка
И от ветра и от вихоря
И от божьей тебя милости;
Не могла она сберечь тебя
Лишь от ясных, от девичьих глаз

Жениху и невесте

Во саду было, во садичке,
Во зеленом виноградничке;
Тут ходил, гулял молодец,
Андреян сударь, Васильевич
Он чесал ли буйну голову,
Чесал кудри, приговаривал:
Ах вы, кудри, мои кудерцы,
Ах вы, кудри, мои черные,
Прилегайте к могучим плечам,
Ко моему лицу белому,
Ко моему, ко румянному.
Привыкай-ка, красна девица
Катерина Севастьяновна,
Ко моему уму-разуму,
Ко обычью молодецкому
И ко праву княженецкому.
Уж как мне-то, красной девице,
За досаду показалось;
Привыкать мне не хотелось.

А уж, знать-то, привыкать будет,
Спеси, гордости, убавити,
Ума-разума прибавити!
Голову держать поклонную,
Ретиво сердце покорное!

54

Ах ты, Дымка, Дымка река!
Промежду, Дымка, гор протекла
Через Дымку, быструю реку
Мощены мосты калиновые,
Перекладинки то валежные.
Что никто по мостам нейдет,
По калиновым не перейдет.
Как Иван по мостам пройдет,
Как Михайлович-то перейдет,
За собою он Аксиною ведет
Николаевну переведет.
Сам он девушке наказывает:
Ты, Аксиноюшка, не упади,
Николаевна, не утони.
Я хоша, сударь, упаду,
Хоша упаду, не утону:
Не схватаюсь я за батюшка;
За родиму свою матушку —
За тебя, сударь, схватаюсь,
За твои-то руки белые,
За твои перстни злаченные.

После этого одна из девушек, налив рюмку вина, подносит жениху; другие поют:

55

Удивися ты, Дементий, удивися,
Удивися ты, Васильич, удивися:
Под тобою все ларцы кованые, кованые;
На ларцах ковры шелковые, шелковые
Во ларцах казна золотая, золотая.
Золотая казна тебе на свадьбу, на свадьбу;
А серебряна ведь девицам, ведь девицам.
А копеечки-то в богадельню, в богадельню

Жених, выпив рюмку, кладёт на поднос деньги. Затем припевают песни свахам, тысяцкому, дружке, поезжанам и гостям, как на смотренье, и те же самые, и, поднося вино, получают подарки. По окончании вечера жених отправляется домой с той же, как и на смотреиии, церемонией, то есть трижды прощается с невестою.

В день свадьбы, одевая невесту к венцу, поют:

56

Что не вьюн на воде увивается,
Как жених у ворот убивается,
Ах ты, батюшка, тесть мой ласковый,
Ты отдай мое суженое.
Высылают ему копье,
Не мое это суженое,
Не мое это ряженое.
Что не вьюн на воде увивается,
Как жених у ворот убивается.
Ах ты, матушка, теща ласкова,
Теща ласкова, приветливая,
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, ряженое.
Высылают ему ларец.
Не мое это суженое,
Не мое это ряженое.

Что не вьюн на воде увивается,
Как жених у ворот убивается.
Ах ты, шурин мой, шурин мой ласковый,
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, ряженое.
Высылают ему девицу,
Что Ульяну Сергеевну:
Вот мое это суженое,
Мое суженое, ряженое.

Когда невеста оденется к венцу, собираются в комнату родители, братья, сёстры и приглашённые на свадьбу родственники и знакомые. Она падает в ноги отцу и матери, испрашивая благословения их, потом прощается со всеми. В это время плачут навзрыд, а между тем припевают:

Благослови-ко, родимый батюшка!
 Награди меня благословеньцем,
 От желаного сердечушка,
 Во божью церковь, под злат венец!
 Видно, я у вас открасовалася!
 Распрощаюсь я с девьей красотой
 И с любезными подружками!
 Научи-ко, родной батюшка,
 Как то жить мне во чужих людях?
 Называть ли мне свекра батюшкой?
 Почитать ли свекровь матушкой?
 Называть деверьев братьями?
 Почитать золовок сестрами?

Отец, оградив дочь знаменем креста, целует её, потом девушки обращаются к матери, братьям и сёстрам с тою же песнею. Когда же невеста станет прощаться с девицами, то они поют:

Вы простите меня, мои подруженьки,
 Вы простите меня, мои голубушки!
 Видно, с вами я открасовалася!
 Поручаю вам девью красоту;
 Принуждают меня с ней расстатися,
 Заставляют меня отказатися:
 Уж мне чем платить, голубушки,
 За труды ваши, за усердие?
 Не в моей воле золота казна,
 Не в моей воле дороги дары.

По окончании этого обряда невесту сажают за стол, а подле нее мальчика из братьев или родственников, который продаёт косу. Он держит в руках под столом плетё: у поселян сажают взрослого. Продающий косу называется косником. В доме жениха происходит между тем следующее.

Когда все усядутся по местам, дружка говорит: «Батюшка родимый матушка, родима! умели вы своего чада мила хороша спродить, вздумали поженить: благословляйте буйну голову чесать, чёрны кудри завивать.

цветно платье надевать; станем к нему княженецкий полк подбирать: кому быть тысяцким? боярином большим, средним и меньшим? вежливым человеком? дружке с полудружьем, княжой свашеньке?» «Бог благословит», — отвечают отец и мать.

После этого жениха выводят из-за стола, и он начинает потчевать вином; дружка наговаривает: «Бьёт челом наш князь молодой, с княжева стола, княжим мёдом! Тысяцки надвешают; больши бояре на ногах стоят, а мы, резвы дружки, во светлой светлице похаживаем; ножки с подходом, ручки с подносом, язык с приговором, сердце покорно, а голова наклонна. Извольте горниц принять, из горнца мёд выкушать; пить до дна, а молить добра; буйну голову взвеселите, ретиво сердце обкатите, не будьте кручинны, а будьте радошны, от нашего князя молодого ласковым словом потешны!»

Дружка приговаривает это до тех пор, пока жених не употчевает вином всех; после того требует себе приглашённого заранее на этот случай полудружья, говоря: «Батюшка родимый! матушка родима! Все у нашего князя молодого князя, бояре, веселы и радошны по местам сидят; только не весел не радошен храбрый друженька: нет у него полудружья! Дайте ж мне из лучших лучшего, из всего княженецкого храброго полку и поезду полудружья!» (назовёт его и взвеличает).

После этого дружка с полудружьем отправляются верхом на лошадях попроведать невесту. Подъехав к избе, дружка стучит в красное окно плетью, творя громко молитву. «Господи, Иисусе христе и сыне божий, помилуй нас!» Ему отдают из избы аминь. Дружка говорит: «Спасибо на аминье; аминь нас спасёт, аминь помилует! мы ездим не оханьщики, не обманщики, не московски рассказчики, не морски рыболовщики, не грозны гонцы, а ездим скоры послы от нашего князя молодова, с добрыми вестями, с хорошими речьми! Наш князь молодой стоит на пути на дороге, на доброй квартире: с места не шевелится!»

Отъезжают от окна, сходят с лошадей и, привязав поводья к кольцам, всегда вколачиваемым на вереях ворот, идут в сени. У дверей избы дружка говорит: «Господи Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас!» Ему отдают аминь. Дружка отвечает: «Спасибо на аминь: аминь нас спасет, аминь помилует! Есть ли у вашего здоровья у

дверей придверники, чашники, ложники, блюдники, рядники, скоры поспешники? Если нет у вашего здоровья у дверей придверников, чашников, ложников, блюдников, рядников, скорых поспешников,— благословляйте нас, переезжих, храбрых дружек («Господь благословит»,— отвечают из избы), за реберчату¹ скобу взять, двери на пяду отворити, первый жар пропустити».

Дружка с полудружьем, перекрестясь, входят в избу, ступая через порог правою ногою, говоря: «Скок! Через порог едва ноги переволок дружка с полудружьем; чирок да луток, мохнатый зверь на богатый двор!» Помолясь богу, дружка, обратившись к отцу и матери невесты, говорит: «Богоданный батюшка! богоданная матушка! благословляйте нас, переезжих храбрых друженек, за белодубову скамью переступити, стакан мёду налити, по светлой гридне походить (наливает стакан пива и, опрокинув на ладонь вверх дном, подносит невесте) -- в куть за занавесу до кручинной красной девицы сходить. Вот! сказали, что наша невеста и крива и слепа! А хорошо видит, далеко смотрит!» Невеста, оборачивая руку дружки, берёт стакан и, выпив, отдаёт обратно; дружка, принимая, говорит: «Вашим добром, да вам же и челом! Жив и здоров наш князь молодой; велел вашему здоровью челом ударить и челобитье справить!» Потом отправляются к жениху, где дружка, входя с молитвою, говорит: «Наша княгиня молода жива и здорова; велела вашему здоровью челом ударить, челобитье справить». Садятся за стол и по лавкам; немного погодя встают и молятся богу, дружка говорит: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! Батюшка родимый! Матушка родима! благословляйте нашего князя молодого по сужено ехать, сужено понять, под злат венец стать, закон божий принять, златым перстнем поменаться и во уста сахарные поцеловаться! Братья, сёстры, дядья, тётки, кум, кума, весь род-племя, гости званы и незваны, почтены и богом сполубовны! Во всю светлую светлицу, светлую гридню! Благословляйте нашего князя молодого по сужено ехать, сужено понять, под злат венец стать, закон божий принять, златым перстнем поменаться, в уста сахарные поцеловаться. В куть по лавице, вперёд по скаменце, за берчатой занавесью сидят певцы, певицы, молодые мо-

¹ Витую.

лodiцы, красные девицы, пирожные мастерицы, дочери
отецки, жёны молодецки, лебеди белы, малины зрелы,
изюмные ягодки, наливные яблочки! В кути, на полатах
сидят стары, старики сапаты, горбаты, косые заплаты,
старые старухи килваты, маленькие ребята — пирожные
осадчики, материны опачки, урви-ковригу! Сами сдога-
дайтесь!» Родители благословляют жениха ехать за не-
вестой.

Между тем сваха женихова отправляется прежде к
невесте с тысяцким, но большею частью вместе со всем
поездом. Когда сваха войдёт в избу, девушки поют:

59

Я не знала, не ведала,
Ко мне сваха приехала;
Молода и ломливая,
И горда и спесивая.
Не ступя, она ступила,
Не молвя, слово молвила.
А хоша она ступила
— По атласу, по бархату;
А хоша она молвила
— Все с князьями, с боярами,
До со мной с красной девицей.
Снаряжайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница!
Мне куда снаряжатися?
Мне куда собиратися?
От родного батюшки,
От родимыя матушки,
От родных братцов, сестриц?
От всего роду-племени?
Ко чужому отцу, матери,
Ко чужим братцам, сестрицам,
Ко чужому роду-племени.

Когда поезд приедет к дому невесты, дружка у крас-
ного окна стучит плетью, говоря: «Господи, Иисусе хри-
сте, сыне божий, помилуй нас!» Из избы отдают аминь.
Дружка продолжает: «Спасибо на аминь, аминь нас спа-
сёт, аминь помилует! Мы ездим не охальщики, не об-
манщики, не московски рассказчики, не чорски рыбо-

товщики, не грозны гонцы, а ездим скоры послы с добрыми вестями, с хорошими речьми от нашего князя молодого. Дайте нашему князю молодому двор широкий на приезд, новы сени на приход; прибыл наш князь молодой, к вам на широкий двор». Заезжают во двор и выходят из экипажей, а дружка снова подъезжает к окну, требуя караульного, следующим образом: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! Просим нашего повозничка сменить, а своего посадить». После этого, привязав к кольцу лошадь, идёт впереди всех в сени и, остановясь у дверей комнаты, стучит в них плетью, творя ту же, как и прежде, молитву. Когда отдадут аминь, дружка говорит: «Спасибо на аминь; аминь нас спасёт, нас помилует! Есть ли у вашего здоровья у дверей придверники, блюдники, рядники, скоры поспешники? Если нет у вашего здоровья у дверей придверников, чашников, ложников, блюдников, рядников, скорых поспешников, благословляйте («господь благословит», — отвечают из избы) за реберчату скобу взять, двери на пята отворити, первый жар пропустити». Отворяя дверь, говорит: «Скок! через порог едва ноги переволок! Дружка полудружье: широк да луток, мохнатый зверь на богатый двор; прибежал соболь к куннице, а приехал удалый молодец к красной девице!» Потом молятся богу. Между тем как дружка приедет с поездом на двор и выполняет описываемый обряд, девушки поют следующие песни:

60

Дружке

Воротички скрип, скрип,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без коня!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Конь вороной.

Воротички скрип, скрип,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без седла!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Черкасско седло.

Воротички скрып, скрып,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без узды.

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Тесьмяна узда.

Воротички скрып, скрып,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без плети.

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Шелковая плеть.

61

Всему поезду

Ах вы все ли бояре?
Ах вы все ли княжне?
Вы садитесь, бояре, по местам;
Как большой-то боярин повыше,
Что меньшей-то боярин пониже,
Княжа свашенька в свое место,
Большой друженька на ногах стой,
Что полудружье помогати.

Когда дружка с поездом войдёт в комнату, тогда, со-
творив молитву, обращается к отцу и матери невесты, го-
воря: «Богоданный батюшка! богоданная матушка! Да-
ли вы нашему князю молодому двор широкий на приезд,
новы сени на приход, светлу гридню на обогрев: дай-
те ж нашему князю молодому и княжое место, где княжо

место ведётся — в переднем углу, под святыми иконами. Да нет ли в княжьем месте поместников?» «Есть видно», — отвечает шутливо отец невесты. Дружка, налив стакан или рюмку вина, сыплет, бренча, на поднос деньги, и, подавая коснику, просит выпить. Косник, не отвечая ничего, грозит плетью, и дружка снова сыплет деньги, что повторяется несколько раз или до тех пор, пока не будет положено достаточно. Косник, принимая поднос, прежде всего должен ссыпать с него деньги, а потом выпить вино, в противном случае он лишается и денег и места; конечно, первого никогда не бывает. Когда коса у невесты таким образом будет куплена и косник выйдет из-за стола, вместе с девушками, подругами невесты, которым так же, как и коснику, дружка подносит вино или наливку, положив на поднос мыло, калачи, деньги и какие-либо по состоянию жениха подарки, тогда сваха, расплетя косу, садится с женихом подле невесты. В это время поют:

62

Ты коса ли, моя косанька!
Ты коса ли, моя русая!
Что чесала тебя родна матушка,
Что плетала тебя родна сестрица:
Уж как ныне тебя, косанька,
Знать-то, больше не плетать будет;
Алой ленточки не нашивать!
Расстаюсь с тобой, косанька,
И со девьей красотой своей.
Расплетут тебя, руса коса,
Что на мелкие на прядочки!

Дружка, усадив весь поезд, говорит: «Батюшка родимой! матушка родима! чьи дары передом пойдут? Ваши или наши?» Затем, налив женихово вино в рюмки и положив подарки на поднос, подаёт сначала отцу невесты, а потом матери. Обращаясь к ним, дружка спрашивает их: «Богоданные батюшка и матушка, кто у вас по роду ближе?» Вместо ответа отец и мать невесты подводят ближних родственников, которые бы могли пользоваться подарками. После даров потчуют вином. В это время весь поезд стоит на ногах; по угощению же дружка повелевает ему словом: «Садитесь!»

Когда сядут по местам, дружка говорит: «Богоданные батюшка и матушка, благословляйте скатерти раскинуть, ложки приласкласть перед князя и княгиню молодых, перед тысяцкого, боярина большого, среднего и меньшего, перед дружку с полудружьем, перед княжью и княгинину свашинок». Потом, приступая к поставленному на стол пирогу и калачу, дружка продолжает: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! богоданные батюшка и матушка! благословляйте бел крупчатый калач рушать, укроша да кушать». В это время отец и мать невесты подносят поезжанам вино, а дружка говорит: «Благословляйте рушану да кушану хлеб-соль со стола унести, а не рушану, не кушану на стол принести». По окончании закуски невесту выводят из-за стола, а дружка, творя молитву, обращается к отцу и матери невесты: «Батюшка и матушка! благословляйте нашего князя и с княгиней молодой, со всем дорогим честным полком и поездом из-за дубова стола переступить, на кирпичат пол стати, к образам лицом поворотиться, господу богу и святым угодникам помолиться, а за хлеб за соль челом ударить». Делают три поклона. После чего девушки поют:

63

Шла наша Устинья из-за дубова стола,
Бросила ключи на дубовый стол;
Я тебе, батюшка, не ключница,
Я тебе, матушка, не ларочница:
Ключница я чужу батюшке,
Ларочница я чужой матушке.

Отец и мать благословляют жениха и дочь образом, хлебом и солью, а дружка приговаривает почти то же самое, что и при отправлении жениха к невесте. Между тем девушки поют:

64

Что не стук-то стучит во тереме,
Что не гром-то гремит во высоком,
Молится богу красна девица;
Благословляет ее сударь батюшка,

Во божью церковь под злат венец.
Благословляет и наказывает:
Ты живи-ко, мое дитятко,
Во чужих людях смиреншенько;
Голову держи поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Повинуйся свекру-батюшке,
Почитай ты свекровь-матушку.

65

Ах вы, комони, комони,
Комони, кони добры.
Знать слышали комони
Что невзгону великую:
Из Дуная воды не пили,
Из тихова не кушали.
По Дунаю насад плывет,
По тихому ветляненькой;
Подле берег колымагу несет,
Подле крутой багрецовую.
Во насаде Андрей сидит,
Что Андрей свет, Николаевич;
В колымаге красна девица,
Что Надежда Терентьевна...

66

Отставала лебедь белая,
Что от стада лебединова;
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко серых гусей,
Уж как стали гуси серые
Что лебедушку щипати,
А лебедушка кикати:
Ах вы, гуси, гуси серые!
Не щиплите мои перышки!
Не сама я к вам залетела,
Не своей волей охотою:
Занесли-то ветры буйные,
Забросили вихри бурные!
Отставала красна девица
Прочь от батюшки от матушки,
От своих братцев и сестриц;

Приставала красна девица,
Катерина свет Михайловна,
Приставала ко чужой семье,
Ко чужой семье, незнакомой.
Ее стали там журить, бранить,
Ее стали там уму учить.
Не журите меня, девицу,
Не браните меня, красную:
Не сама собой я к вам зашла,
Не своей волей охотою;
Занесли меня добры кони,
Что добры кони Терентьевны!

С этой песней провожают невесту до повозок. Она, покрытая фатою или платком, садится со свахою, тысяцкий — с одним из поезжан, имея в руках образ. Между тем дружка, отвечающий за благополучное окончание свадьбы, ограждает поезд от колдунов, недобрых знахарей и волхитов, для чего он берёт восковую свечу, обходит кругом около всего поезда, похлопывая бичом и наговаривая про себя: «Встану я, раб божий (имя), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь студеной ключевой водою, утрюсь тонким полотенцем; оболочусь я оболаками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звёздами и освечусь я красным солнышком. Огражу вокруг меня (имя) и дружины моей с ослятами тын железный, почву укладну (уклад-сталь), небо булатно, чтоб никто не мог прострелить его, от востока до запада, от севера на лето (юг), ни сретик, ни ерегица, ни колдун, ни колдунница, годный и негодный, кто на белом свете хлеб есть. Голова моя — коробся, язык мой — замок». Потом молитву «Да воскреснет бог» и некоторые другие, что продолжает до трёх раз; от свечи же, отделив небольшие кусочки воску, наклепывает поезжанам на кресты, а лошадям в гривы.

В то же время девушки поют:

67

Ты стой, стой, добрый конь,
Ты у батюшкина широка двора,
У матушкина высока терема,
У братцева у красна крыльца

У сестрицына у кутна окна.
Ах ты, дай-ко мне наглядеться:
Мне на батюшкин на широкий двор,
Мне на матушкин на высок терем,
Мне на братцово на красно крыльцо
На сестрицыно на кутно окно.
Увезут меня горьку, бедную,
Далеким-то далекошенько,
На чужую дальну сторонушку!
Ах ты, красное мое солнышко,
Ты родимый мой, сударь батюшка!
Незакатная, непомерклая,
Ах ты, светлая моя звездочка,
Ты родимая моя матушка!
Как занялись твои ручки белые
Расплести мою трубчату косу,
Потерять мою алу ленточку!

Потом:

68

Рядом, рядом бояре ехали,
У рябины веточку сломили,
Коню под копыты бросили;
Топчи, топчи, добрый конь, веточку,
Стой ты, рябинушка, без верху;
Живи, живи, батюшка, без дочери,
Без любимые дочери Аннушки!

Дружка, усадив всех и установя порядок поезда, садится на лошадь и приказывает отправляться. Впереди всех едет тысяцкий с образом, потом жених и невеста с своими свахами, за ними родственники с обеих сторон; в заключение поезжане верхами. Когда поезд тронется с места, девушки, провожая невесту, поют:

69

Вы метитея, улицы,
Становитея города,
Города с пригородками,
Терема с притеремками,
Вы несите, кони добрые,
Красну девицу в божью церковь,
Во божью церковь под злат венец.

Все едут с открытыми головами, если церковь близко; в противном случае, выехав за селение, закрывают образ и надевают шапки, не переставая петь приличные случаю песни. Между тем дружка увивается около поезда, скачет взад и вперёд, стреляя из пистолета, иногда из ружья; то же делают и некоторые поезжане. Как свадьбы большею частью бывают осенью, перед Филипповым постом, или зимою, после рождества, когда крестьяне имеют более свободного времени, свадебный поезд бывает многочислен; тем более, что в нём участвуют не только приглашённые, но и все, у кого есть досужное время и хорошая лошадь; кто хочет и людей посмотреть и себя показать. Такой поезд в ясный зимний вечер вызывает всё народонаселение на улицу, где проезжает свадьба. Долго прислушиваются к смешанному гулу песен, стрельбы, колокольчиков, брякунцов и ширкуньчиков¹, украшающих сбрую лошадей. Поезжане, проводив свадьбу до расстаней², возвращаются домой, если церковь находится не близко. Кстати заметим здесь, что в южной Сибири есть такие приходы, поперечник пространства которых занимает иногда до ста пятидесяти вёрст. По совершении бракосочетания жених и невеста кланяются три раза в землю и, поцеловав друг друга, отправляются домой, называясь с этого времени новобрачными. За воротами встречают их песней:

70

Ах вы, соколы, соколы,
Соколы перелетные!
Вы куда, соколы, летали?
Вы чего, соколы, видели?
Уж летали, соколы,
Как со моря-то на море;
Уж мы видели, соколы,
Что белу лебедь на заводе.
Вы к чему ее не поймали?

¹ Брякунец — медная круглая или четырёхугольная бляха с кольцом, прикрепляемая на верхней части хомута; во время езды кольцо, падая на бляху, производит звук; ширкуньчик — пустой медный шарик с дробью, привязываемый к сбруе лошади.

² Расстань — место за городом, селом, до которого провожают кого-либо — расстаются; также перекрёстки на улицах.

Мы хоша ее не поймали
 — Сизы перышки повыщипали,
 Ах вы, бояре, бояре,
 Вы, бояре персезжие,
 Вы куда, бояре, ездили?
 Вы чего, бояре видели?
 Ах мы видели, бояре,
 — Красну девицу в высоком терему
 Вы к чему ее не привезли?
 Мы хотя ее не привезли
 — Мы русую косу расплели,
 Горючие слезы пролили.

Дружка, прискакав прежде новобрачных, подъезжает к окну и, стуча плетью, говорит: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! Батюшка родимый, матушка родима! Прибыл наш новобрачный князь с княгиней молодой и со всем дорогим, честным полком поездом к вам, на широкий двор!» Потом, сойдя с лошади, высаживает молодых из экипажа и ведёт к крыльцу, на которое выходят отец и мать с образом, хлебом и солью, где и благословляют, угощая свах и всех гостей вином; целуют новобрачных. В это время женихова и невестина свахи, стоя друг против друга, с рюмками в руках, заводят какой-нибудь шутливый разговор, во время которого стараются обратить внимание друг друга на что-нибудь, например, одна, сказав: «Гляди-ко ты, лихотка, что с тысяцким-то деется!» отливает из своей рюмки другой вино, когда та заглядится в сторону; но дружка восстанавливает между ними порядок, размерив между свахами расстояние рукояткою плети. Когда они выпьют вино, то целуются. Затем по угощении всего поезда входят в комнату и, помолившись богу, садятся за стол. Свахи, закрыв невесту со всех сторон платками или чем-нибудь, начинают окручать её, т. е. плетут две косы и, окрутив вокруг головы, надевают шамшуру (коконник) и повязывают платком. В это время поют:

Семена ли, мои семена,
 Семена мои сахарные!
 Вас немного было сеяно —
 Уж как много уродилось,

Три раздолья, три широкие!
Ты коса ли, моя косанька!
Как доселева-то косаньку
Заплетала родна матушка,
Что мелким она, мелкошенько.
А теперь мою русу косу
Расплетают ее на двое;
Обвивают вокруг буйной главы;
Надевают схиму черную!
Мне не снять ее, не сбросить,
Что от младости до старости,
До седого, бела волоса.
Как доселе схима черная
По дворам она валялася,
По подлавечью таскалася;
А теперь-то схима черная
Она мне-то пригодилася,
На мою буйну головушку!

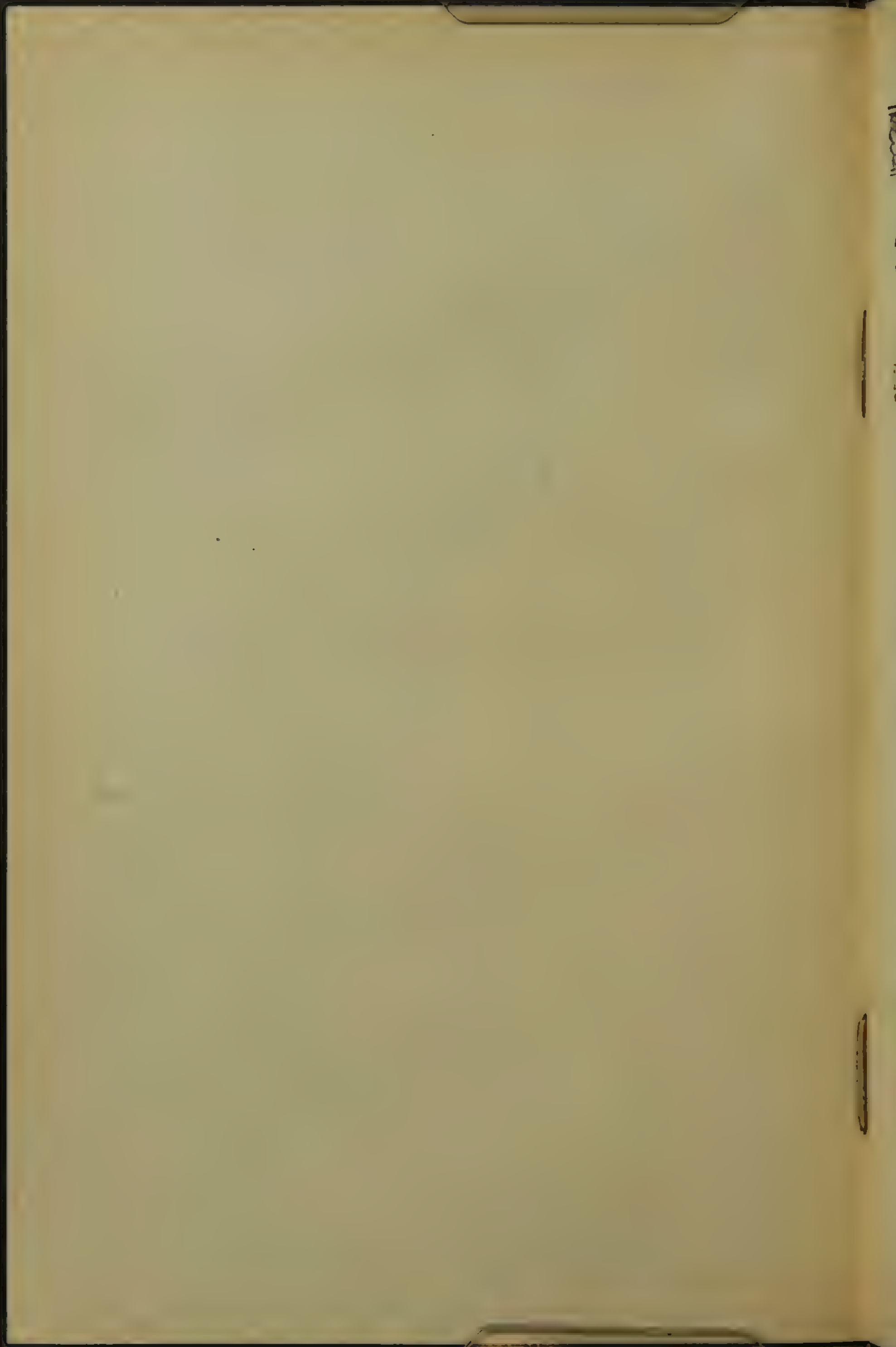
Также:

72

Ты коса ли, моя косанька!
Ты коса ли, девья красота!
Меня красила ты, косанька,
В ясный день перед солнышком;
Темной ночью перед месяцем.
Ах ты, грела, девья красота,
Среди зимы студеные
В морозы во крещенские!

Между тем дружка, сотворив молитву, говорит: «Батюшка родимый, матушка родима! Благословляйте нашу княгиню молодую снарядить, оболочи (облечь, одеть), белу кикиболку (кокошник) наложить, в нову спальню спать положить». Потом обращается с этими же словами ко всем присутствующим в комнате, подобно тому, как и во время благословенья жениха родителями перед отъездом в церковь. После окручения обедают, а неприглашённые к тому гости и девушки, подруги молодой, идут домой. После обеда тысяцкий отпирает комнату; новобрачных раздевают и ведут на подклет, поставя там вина и закуски. Потом, заперев на замок дверь, возвращаются продолжать пирушку. Через несколько часов, а иногда

на другой день поутру, подняв молодых, выводят к гостям. Все поздравляют их, целуясь; пьют за здоровье их, поют, веселятся всю ночь; особенно если новобрачная окажется достойной такой радости. Молодая у крестьян выходит в одной рубашке и угощает гостей вином. Если молодых кладут в подклет на время, то свахи, после поднятия с подклета, сняв с молодой рубашку, привозят её немедленно с тысяцким и некоторым из поезжан к отцу и матери, благодарят за воспитание дочери и просят к столу; в противном случае эта церемония делается поутру. На другой день молодые посещают родственников и знакомых, после того отправляются к тестю на блины; то есть к столу, к которому приглашаются все родные и почётные лица из знакомых; потом поочерёдно отводят вечерние столы, если имеют возможность к тому. Тысяцкий и поезжане угощаются женихом после первого стола. В это время молодой дарит их чем можно. Иногда, при многочисленности родственников и поезжан, условливаются, чтобы не дарить с обеих сторон никого, кроме дружки, тысяцкого и свах.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ КРУГОВЫЕ, ОБРЯДНЫЕ

(«Святочная»)

1

Уж как звали молодца,
Почитали удалца,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
На пир в гости посидеть,
На беседу поглядеть,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удалца,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Против вдовушки на скамью,
Против горькой на соснову.
Я на вдовушку взгляну,
Тяжелешенько вздохну,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Пухову шляпу сниму,
Против вдовушки брошу,
Дунай, мой Дунай,

Сын Иванович, Дунай!
Ах ты, вдовушка, подай,
Горегорькая, подними,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
«Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя».
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Сам я шляпу подниму,
На головушку надену.
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Уж как звали молодца,
Почитали удальца,
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Против девушки на стульчик,
Против красной на ременчат
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Я на девушку взгляну,
Полегошеньку вздохну;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Пухову шляпу сниму,
Против девушки положу;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Ах, ты, девушка, подай
Раскрасотка, подними.
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Я слуга, сударь, твоя
Я послушаюсь тебя», . . .
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Пухову шляпу подниму,
Черные кудри расчешу»;

Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Черные кудри расчешу,
Пухову шляпу наложу»;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Пухову шляпу наложу,
Поцелую, обниму».
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай!

При пении этой песни играющие составляют кружок или садятся по местам; молодец выходит на середину и, поступая по словам песни, снимает шляпу или шапку и кладёт перед вдовою, а если не случится её, в беседе, то перед каким-нибудь мужчиною; вдова отталкивает шляпу; молодец, надев её, снова снимает и кладёт перед девушкою, которая поднимает её, приглаживает волосы молодцу, надевает на него шляпу и потом целует, и игра оканчивается или начинается снова.

Ах, вы, вороги-соседи, лиходеи,
Лиходеи.
Зачем молодца молодчика женили,
Женили.
Что жена-то меня молодца не любит,
Да не любит.
Что злодейка-лиходейка ненавидит,
Ненавидит.
Со тесовыя кровати прочь толкает,
Прочь толкает.
Со высокого сголовья, со подушек,
Со подушек.
Уж я встану молоденек утром рано,
Утром рано.
Я умоюсь, молодешенек беленько,
Да беленько.
Снаряжусь я, молоденек, хорошенько,
Хорошенько.
Я поеду, молоденек во Новгород,
Во Новгород.

Я закупочки там буду закупати,
Закупати.
Я куплю своей хозяйшке подарок,
Подарок.
Саму лучшую, диковинну камочку,
Да камочку.
Принимайся, жена, не ломайся:
Не ломайся.
Что со ласковыми со словами,
Со словами.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Добрые люди.
Что жена-то меня молодца не любит.
Не любит.
Что подарок она не принимает,
Не принимает.
Уж я встану молоденок утром рано,
Утром рано.
Я умоюсь молодешенек беленько,
Да беленько.
Сваряжусь я, молоденок, хорошенько,
Хорошенько.
Я поеду ли во Новгород гуляти,
Да гуляти.
Что закупочки закупати,
Закупати.
Я куплю своей сударушке подарок,
Да подарок.
Саму лучшую диковинну, сй плетку,
Ей плетку.
Принимайся, жена, не ломайся,
Не ломайся.
Что со ласковыми со словами,
Со словами.
Со горячими ль со слезами,
Со слезами.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Добры люди,
Как жена-то меня, молодца, влюбила,
Да влюбила.
Как за мной-то она заходила,
Заходила.

Во глаза-то она мне заглядела,
Заглядела.
Во уста-то она зацеловала,
Целовала.

Под напев этой песни девушка ходит в кружке, отворачиваясь от молодца-мужа, который заглядывает в ее ясные очи и ласкается к ней. Она отворачивается от него, когда он предлагает ей и подарок, но при словах: «Я куплю своей сударушке подарок, самую лучшую, диковинную плётку» — вдруг пропадает слесь девушки-жены; она сама, в свою очередь начинает ухаживать за молодым, потом обнимает его и целует.

Я качу, качу по блюдечку,
По наливному яблочку.
Что не конь берегами-то бежит,
Он бежит, бежит, торопится;
Сам головушкой помахивает,
Золотой уздой побрякивает,
Стременами пошевеливает.
Тут и шел, тут прошел молодец,
Разудалый добрый молодец,
Свет (припевают имя и отчество);
За собой ведет он суженую,
Свет душу красну-девицу,
Как ли (припевают имя и отчество девушки);
Он трепал бы, трепал бы ее,
Со трепаньца белы руки болят,
Золоты перстни ломаются,
Алы вставочки теряются.
Свекровь-матушка журит ее, бранит,
Что журить, бранить, здороваться ведет.
Где мы сойдемся близешенько,
Мы поклонимся низешенько,
Поцелуемся милешенько,
Трою, двою, со всем поездом.

При первых словах этой песни кто-нибудь из молодых выступает на средину круга и, пригласив девушку, водит её за руку; при словах: «Он трепал бы, трепал бы её» — треплет по плечу; потом, остановясь друг против друга, кланяются и целуются.

(«Святочная»)

Со веном я хожу,
 С животом я хожу;
 Мне куда будет вена положить?
 Мне куда живота положить?
 Положу я выюна, положу живота
 Уж я Паве на паволоку,
 Свет Андреевне не поволоку,
 Красной девице на правое плечо.
 Чем мне вена выкупать?
 Чем живота выкупать?
 Уж я дам ли, уж дам за вена
 Три гривны серебряные,
 Три-четыре позолоченные;
 Что коня ли иноходнова,
 Соколика сизоперого,
 Молодчика кудреватого,
 Холостого, не женатого.
 Я за девицей хожу,
 За хорошею хожу,
 Персменку жду,
 Целовать ее хочу.

Затев эту песню, молодец с платком в руках ходит по середине круга, составленного играющими, кладёт платок на плечо девушки и, поступая сообразно словам песни, выкупает её поцелуем.

(«Святочная»)

Не ходи бел зайко
 Около кружечка,
 Кружка девичьего.
 Челом приударил,
 Челобитье справил,
 Всем красным девицам,
 Молодым молодкам,
 Маленьким ребятам.

Хор:

Не припадчивой зайко осинки .глотать,
Не припадчивой зайко березинки;
Кого я люблю, того я возьму,
Кого не люблю, того не возьму

Молодец, до окончания этой песни, ходит по комнате.
потом выбирает девушку, которая сменяет его поцелуем.

6

(«Святочная»)

Кроватушка, кроватушка,
Нова тесовая;
Перинушка, перинушка,
Мягка, перовая;
Зголовьеце, зголовьеце
Мягко, пуховое;
Одеяло, одеяло,
Черно соболино;
Кого хочу, того люблю
Того поцелую.

Игра та же, как и предыдущая.

7

(«Святочная»)

Заскочил козел в огородец,
В огородец;
Что кому козла выгоняти,
Выгоняти?
Выгонять когда будет (припевают имя
мужчины с повторением).
У нас (имя мужчины) молодец хороший,
Да хороший
Во руках у него ссть поленцо,
Да поленцо;
Он и бьет козла под коленцы,
Под коленцы.
На коленочки козел припадает,
Припадает;

Что из садичка вон выбегает.
Выбегает;
Выбегавши козел, выбирает,
Выбирает;
Выбирает козел красну девку,
Красну девку;
А и выбравши сам целует.

Игра сообразна словам песни.

8

Заведу я киселя
На холодной на воде;
Люли, люли, мой кисель
Люли, люли, молодой!
На холодной на воде,
На пресном на молоке!
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Разолью я тот кисель,
На двенадцать блюд;
Люли, люли, мой кисель
Люли, люли, молодой!
На двенадцать блюд,
На серебряные;
Люли, люли, мой кисель
Люли, люли, молодой!
Я кого буду звать
Киселя с собой хлебать?
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Ах, ты (*имя мужчины*)
Киселя с нами хлебать,
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Что с сытою с медовою
Душа (*имя девушки*) с тобою,
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!

Запев эту песню, девушки становятся кружком и поимённо приглашают мужчин с девицами хлебать кисель;

кончив приглашение, встают парами, подобно тому как в
игре, мостить мост.

9

Ах, ты, вен ли мой
Да веночек; (2)
Мой лазоревый
Василечек; (2)
На кого тебя, веночек,
Положити? (2)
Положу тебя веночек,
На лебедку; (2)
Ко душе красной девице
На головку; (2)
Что не кум со кумою
Покумился; (2)
Среди кружка
Становился; (2)
Он подарочком
Подарился; (2)
Еще ты мой кум,
Еще я твоя кума;
Где мы сойдемся
Тут обоймемся,
Поцелуемся,
Разойдемся. (2)
Ах ты, венчик, мой,
Да веночек; (2)
Мой лазоревый
Василечек; (2)
На кого тебя, веночек,
Положити? (2)
Положу тебя веночек
На головку; (2)
На удалую молодецку,
Молодецку, (2)
Молодецкую,
Княженецку. (2)
Что не кум со кумою
Покумился; (2)
Среди кружка
Становился; (2)

Он подарочком
Подарился. (2)
Еще ты мой кум,
Еще я твоя кума;
Где мы сойдемся,
Тут обоймемся;
Поцелуемся,
Разойдемся. (2)

Молодец при начале песни выходит с платком в руках или на плече, разумеется под платком венки. При словах: «положу тебя, веночек» — кладёт платок на плечо какой-нибудь девушке, которая встаёт; потом оба, под такт песни, ходят по комнате и кумятся. После этого молодец садится, а девушка ищет в свою очередь кума; положив свой платок на плечо избранного, кумятся и так далее. Поцелуй заключает каждое кумовство, которое достаётся каждому из играющих, как случай выбрать любимую или любимого и поцеловать, с позволения песни.

ГО

Ходит царь, (2)
Вкруг Новагорода,
Вкруг Нова-широка.
Ищет царь (2)
Царевну свою,
Королевну свою.
Где то она (2)
Царевна моя,
Королевна моя?
Да простояла? (2)
Во се она (2)
Во Новом городе,
Во новом широком.
Золотым венцом (2)
Да просветила, (2)
Золотми ключми (2)
Да побрякнула; (2)
Зайди в город (2)
Во Новой-широкой, (2)
Возьми ее (2)
За правую руку; (2)

Поведи ее (2)
Вкруг Нова-города
Вкруг Нова-широка;
Поставь ее (2)
Среди города,
Среди широка;
Заставь ее (2)
Скакать и плясать. (2)
Скакни, царевна, (2)
Царевич велел,
Молодой приказал.
Поклонись, царевна, (2)
Царевич велел,
Молодой приказал;
Поцелуй, царевна, (2)
Царевич велел,
Молодой приказал.

В середине круга, составленного играющими, становится девушка, представляющая царевну; около кружка ходит молодец; слова песни определяют эту игру.

11

У воробушка головушка больна:
Уж болела, уж болела, уж болела;
Что ретивое сердечушко кипело,
Уж кипело, уже кипело, уже кипело,
Неужель-то наш воробушек не может?
Он не может, он не может, он не может?
Он на правую на ножку припадает,
Припадает, припадает, припадает.
Что пора тебе, воробушек, садиться,
Уж садиться, уж садиться, уж садиться;
Посреди кружка на лужочек,
На лужочек, на лужочек, на лужочек;
Что пора тебе, воробушек, вставати,
Уж вставати, уже вставати, уж вставати;
Время из круга вон вылетати,
Вылетати, вылетати, вылетати;
Перемену себе выбиратьи,
Выбирати, выбирати, выбирати.

Во время пения молодец или девушка входит в круг, выполняя содержание слов песни; по окончании выбирает себе перемену, то есть целует избранную, которая заступает его место.

12

Ай мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо, сеяли, сеяли,
А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой дид-ладо, вытопчем, вытопчем.
А чем-то вам будет вытоптать?
Ой дид-ладо, вытоптать, вытоптать?
А мы коней выпустим, выпустим,
Ой дид-ладо, выпустим, выпустим
А мы коней переймем, переймем,
Ой дид-ладо, переймем, переймем.
А чем-то вам будет перенять, перенять?
Ой дид-ладо, перенять, перенять?
А шелковым неводом, неводом,
Ой дид-ладо, неводом, неводом.
А мы коней выкупим, выкупим,
Ой дид-ладо, выкупим, выкупим,
А чем-то вам будет выкупить, выкупить?
Ой дид-ладо, выкупить, выкупить?
А мы дадим сто рублей, сто рублей.
Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей.
Нам не надо тысячи, тысячи.
Ой дид-ладо, тысячи, тысячи.
А мы дадим девицу, девицу,
Ой дид-ладо, девицу, девицу.

Условясь сеять просо, девушки берут друг дружку за руки и становятся рядом; против них рядом же, и взявшись за руки, мужчины; первые, начав петь, медленно подходят к последним и под припев «ой дид-ладо» отступают на прежнее место. То же делают со своей стороны и мужчины. При последних словах песни двое мужчин с которого-нибудь края делают ворота, то есть поднимают вверх руки, не распуская однако же их; в эти ворота бегут девушки, взявшись за руки, одна за другую; перед последнею или перед тою, которую изберут, молодцы, опустив руки, удерживают её и, остановившись на прежнем месте против девушек, поют:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой дид-ладо, прибыло, прибыло.

Девушки отвечают:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой дид-ладо, убыло, убыло.

и начинают песню снова, до тех пор, пока все девушки не перейдут на сторону мужчин, становясь с ними попарно. Потом которая-нибудь крайняя пара делает ворота, через них проходят все играющие под напев следующей песни:

13

Вокруг города, вокруг Архангельского,
Остров мой, да зелен мой;
Были трои ворота, трои широкне,
Остров мой да зелен мой.
Как во первые ворота сундуки провезли,
Остров мой да зелен мой.
Как во вторые ворота бояре прошли,
Остров мой да зелен мой.
Как во третьи-то ворота женихи прошли,
Остров мой да зелен мой.
Женихи прошли и невест провели,
Остров мой да зелен мой.
Уж как кто-то сына женит,
У кого-то дочь берет?
Остров мой да зелен мой.
А (такой-то) сына женит,
У (такого-то) дочь берет;
Остров мой да зелен мой.

14

Княгини, мы к вам пришли, молодые.
Мы к вам пришли.
Бояре, вы зачем пришли, молодые,
Вы зачем пришли?
Княгини, мы невест смотреть, молодые,
Мы невест смотреть.
Бояре, покажите жениха, молодые,
Покажите жениха.

Княгини, во се, во се, женишок, молодые,
Во се, во се, женишок.
Бояре, покажите кафтан, молодые,
Покажите кафтан.
Княгини, во се, во се, кафтан, молодые,
Во се, во се, кафтан.
Бояре, покажите сапоги, молодые,
Покажите сапоги.
Княгини, во се, во се, сапоги, молодые,
Во се, во се, сапоги.
Бояре, покажите колпачек, молодые,
Покажите колпачек.
Княгини, на подушечке забыл, молодые,
На подушечке забыл.
Бояре, покажите нам перчатки, молодые,
Покажите нам перчатки.
Княгини, нам невеста принесет, молодые,
Нам невеста принесет.
Бояре, недовязаны, молодые,
Недостроченные.
Княгини, вы вяжите поскорее, молодые,
Вы вяжите поскорее.
Бояре, вам которая любя, молодые,
Вам которая любя.
Княгини, нам и Аниушка любя, молодые,
Нам Ивановна любя.
Бояре, отпирайте ворота, молодые,
Отпирайте широки.

При этой игре, так же как при игре «А мы просо сели», девушки становятся рядом, тротив мужчин; последнее, начав песню, подходят к девушкам и, поклонившись, отступают медленно назад. Девушки просят показать им жениха, кафтан его и прочее, одним словом, поступают при этой игре по словам песни. При окончании жених с другим, подле него стоящим мужчиною, делают ворота: девушки, одна за другою, проходят в них; перед невестою руки опускаются. Жених берет её за руки и целует. Затем игра снова начинается.

15

То-то я, молодец, на тихой перебор,
На тихой перебор, (2)
Спожениться захотел. (2)

Ах ты, красная девица,
Ты поди за меня, (2)
Ты поди за меня,
За удала молодца. (2)
То-то я молодец на тихой перебор.
На тихой перебор, (2)
Спожениться захотел.
Ах, ты, дедушка,
Будь мне тестюшка,
Тесть мой батюшка.
То-то молодец и прочее
Молодец удалый,
Будь мне шуринушка,
Шурии брат родной.
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, красная девица,
Будь своячина моя. (2)
То-то я молодец и прочее
Ах, ты, тестюшка,
Тесть мой батюшка. (2)
Ты вина-то бери,
Да зятя в гости жди.
То-то я молодец и прочее
Ах, ты, тещенка,
Теща-матушка, (2)
Ты блины-то пеки,
Зятя в гости жди. (2)
То-то я молодец и прочее
Ах, ты, шуринушка,
Шурии брат родной; (2)
Ты сена-то коси,
Зятя в гости жди. (2)
То-то я молодец и прочее
Ты же, красная девица,
Сваячина моя, (2)
Ты пива-то вари,
Зятя в гости жди. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ты ли, тестюшка,
Тесть мой батюшка, (2)
Как от зятя те дары —
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.

Ах, ты, тещенка,
Теща-матушка, (2)
Как от зятя те дары
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, шуринушка,
Шурин брат родной, (2)
Как от зятя те дары —
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее
Ты ли, красная девица,
Своячина родна, (2)
Как от зятя те дары
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, тестюшка,
Тесть мой батюшка, (2)
Ты смилуйся,
Не прогневайся, (2)
Я вечер был пьян
Да промолвился; (2)
Я не сам говорил,
Меня хмель издолит. (2)
Как сегодня к тебе
На прощенье пришел. (2)
Что от зятя те дары —
Юфтевы сапоги. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, тещенка,
Теща-матушка, (2)
Ах, ты смилуйся,
Не прогневайся, (2)
Я вечер был пьян,
Да промолвился; (2)
Я не сам говорил,
Меня хмель издолит; (2)
Как сегодня к тебе
На прощенье пришел; (2)
Как от зятя те дары —
Две китайки алы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, шуринушка,
Шурин, братец мой, (2)

Ты смилуйся,
 Не прогневайся, (2)
 Я вечер был пьян,
 Да промолвился; (2)
 Я не сам говорил,
 Меня хмель издолил; (2)
 Что теперь-то к тебе
 На прощенье пришел, (2)
 Как от зятя те дары —
 Козловы сапоги. (2)
 То-то я молодец и прочее.
 Ты ли, красная девица,
 Своячина родна, (2)
 Ты смилуйся,
 Не прогневайся, (2)
 Я вечер был пьян
 Да промолвился; (2)
 Я не сам говорил,
 Меня хмель издолил; (2)
 Что теперь же к тебе
 На прощенье пришел; (2)
 Как от зятя те дары —
 Сафьяновы башмаки. (2)
 То-то я молодец, на тихой перебор,
 На тихой перебор, (2)
 Спожениться захотел. (2)

Слова этой песни показывают содержание игры. Молодец, захотевший спожениться, ходя по комнате, избирает невесту-девушку, мать, свояченицу, шурина, тещу; потом издоленный хмелем предлагает им подарки свои. Опомнившись, просит прощенья, обнимая свою родню и целуя поочередно каждого. Забавно смотреть на эту игру, особенно когда ловкий молодец представляет жениха.

Следующая песня сопровождается подобною же игрою.

Ходит Бориско (2)
 Вдоль по кружечку,
 Вдоль по широкому;
 Ищет Бориско (2)
 Он себе невесту. (2)

Красная девица, (2)
Будь ты мне невеста; (2)
Дядюшка родимый, (2)
Будь ты мне тестем; (2)
Старая старушка, (2)
Будь ты мне теща; (2)
Молодец удалый, (2)
Будь ты мне шурин; (2)
Молода молодка, (2)
Будь ты мне свахой; (2)
Красная девица, (2)
Будь ты мне своячина; (2)
А вы, добры люди, (2)
Жалуйте на свадьбу, (2)
Пива, вина пити, (2)
Хлеба соли кушать. (2)
Расхулили люди (2)
Борисову свадьбу, (2)
Дядюшка родимой, (2)
Ты мне не тестем; (2)
Бабушка родима, (2)
Ты мне не теща; (2)
Тетушка родима, (2)
Ты мне не сваха, (2)
Молодец удалый, (2)
Ты мне не шурин; (2)
Красная девица, (2)
Ты мне не своячина, (2)
Красная девица, (2)
Ты мне не невеста; (2)
А вы, добры люди, (2)
Незачем на свадьбу:
Пива, вина нету.
Хлеба, соли, не бывало (2)

17

Скоморох ходил
Вдоль по улице,
Вдоль по широкой;
Он и стучался,
Он и брякался
У честной вдовы

Под окошечксм;
Ты пусти, пусти,
Да честна вдсва,
Скомороха ночевать
Положи его
На тесовую
На кроватушку.
Ты на мягкую
На перинушку,
На пуховую
На подушечку

Под словом «скоморох» в округе Колывано-Воскресенских заводов, понимают музыканта, скрипача, а иногда плясуна, то есть, человека, который предпочитает пляску всякому занятию. Этот скоморох — бездомный гуляка, представляемый каким-нибудь молодцом, ходит около кружка с палкою, посохом в руках, и при словах «он и стукался, он и брякался», стучит посохом в землю, против вдовы, если она найдётся в кружке или против какой-нибудь девушки, брякает, то есть представляет как будто бы берёт за кольцо дверей. По окончании последнего стиха песни вдова отвечает «места нет», и скоморох отправляется искать другого ночлега; песня начинается снова.

На стук и бряканье против избранной девушки скоморох, получив благоприятный отзыв «место есть», входит в кружок и, по обычаю, целует девушку-хозяйку.

Пора пашню пахать, (2)
Ай, мой горох, (2)
Садовой полевой со гороховиной;
Пора боронить; (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора горох сеять, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора горох снимать, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора и молотить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора горох молоть, (2)
Ай, мой горох, и прочее;

Пора муку сеять, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора квашню творить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора тесто месить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора пирог печи, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора пирог сажать, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора и вынимать, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора пирог делить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Лизаньке пирог, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
С Васинькой пирог, (2)
Ай, мой горох, и прочее,

Прихвают затем поимённо всех девушек с молодцами; угадывая, кому с кем приятно будет разделить пирог, то есть, целоваться, а иногда, в шутку, заставляют делить его молодцу с нелюбимою им девушкою и наоборот. Кому мало досталось, у других припрашивают, приговаривая, что обделили, что будут голодны; что другие труднее не более их при посеве, а получили по хорошей частице пирога и прочее, и прочее.

Как-то мне, мати,
Пашеньку пахати?
Вот так, вот и сям,
Вот и эдак, и вот так.
Как-то мне, мати,
Пашню боронити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен сеяти?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен снимати?
Вот так и прочее.

Как-то мне, мати,
Белый лен стлати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен сбирати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен мяти?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен трепати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен чесати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен прясти?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен мотати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен сновати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен ткати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Холстики белити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Холстики кроити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Рубашечки шити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Рубашки носити?
А вот так, вот и сяк,
Вот и эдак, и вот так.

При первых словах этой песни девушка, побоище, из играющих, обращается к какой-нибудь женщине, пред-

сгавляющей мать, с вопросами. Последняя учит её необходимому для всех занятию — приготовлению льна, показывая руками, как всё это делается.

20

За реченькой хмель, хмель.

За быстрою ярый.

Ладо, ладо, ладо,

За быстрою ярый.

Возьму я решетцо,

Пойду погуляю,

Ладо, ладо и прочее.

Нащиплю я хмелю,

Хмелю ярового;

Ладо, ладо и прочее.

Наварю я пива,

Пива медового;

Ладо, ладо и прочее.

Позову я гостя,

Гостя дорогого;

Ладо, ладо и прочее.

Что у нас будет

В этом пиве?

Ладо, ладо и прочее.

Мы пива напьемся

И все испосядем,

Ладо, ладо и прочее.

Варили девицы

Пьяное пиво;

Ладо, ладо и прочее.

Что у нас будет

В этом пиве?

Ладо, ладо и прочее.

Мы пива напьемся

И все исповстанем,

Ладо, ладо и прочее.

Варили девицы

Пьяное пиво;

Ладо, ладо и прочее.

Что у нас будет

В этом пиве?

Ладо, ладо и прочее.

Мы пива напьемся
И все подеремся.
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво,
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все разойдемся.
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво,
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все соберемся,
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво,
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все помиримся.
Ладо, ладо, ладо
И все помиримся.

Составя круг, играющие поступают, как указывают слова песни: садятся, встают, расходятся в разные стороны, ссорятся. И так как примирение оканчивается поцелуями, то мужчины, молодницы и девушки, по праву игры, пользуются этим случаем, чтобы перецеловать друг друга.

Начиная играть в фанты, что бывает почти на каждой вечеринке, зимою, одна из девушек или кто-либо из играющих садится посредине кружка на стул и собирает кольца и перстни. При этом поют:

Сидит олень
 Под кустичком,
 Под ракитовым.
 Что тепло ли те, олень?
 Студено ли те, олень?
 Мне не то тепло,
 Мне не то студено.
 Приоденьте меня,
 Приокутайте:
 Что со девушки венки,
 Со молодухи платок,
 Со старой бабы шлык,
 С огорода сшиб;
 Как со малова ребенка
 Пеленочка;
 С молодца-удальца
 Шапка бархатная.

Когда, после нескольких повторений этой песни, фанты будут собраны, тогда поют.

Сидит, сидит ящер
 Ой диди, ой ладо;
 На золоте стуле,
 Ой диди, ой ладо;
 Грызет, грызет ящер
 Ой диди, ой ладо;
 Ореховы ядра,
 Ой диди, ой ладо.

Собравший кольца и перстни, или фанты, пригласив думных бояр, спрашивает их: «Чей фант вынется, какую службу назначить тому?» Бояре предлагают иногда что-нибудь забавное, и исполнение смешит всю беседу, а иногда и радует, если поручено будет поцеловать кого-нибудь по выбору.

Ты не стой, не стой, колодец.
 Полон со водою,
 Со ключевой свежейю.

Калина моя, малина моя!
У меня ли у молодой,
Был свекор лютой,
Что неласковый.

Калина моя, малина моя!
Посылает молодую
Во полночь по воду
По ключевую.

Калина моя, малина моя!
Уж как я молода
Не пословна была,
Не послушалася.

Калина моя, малина моя!
Уж я свекрову грозу
В узелок завяжу,
Да покрепче затяну.

Калина моя, малина моя!
Брошу, брошу узелок
Его на печь в уголок,
С глаз подальше.

Калина моя, малина моя!
Узелочик-то лежит,
Уголочик-то дрожит,
Я молодая не шелохнуся.

Калина моя, малина моя!

При этой песне играющие разделяются на две половины, подобно тому как при игре в просо; по окончании песни одна половина пробегает сквозь воротца, делаемые по порядку двумя мужчинами, которые отделяют по одной девушке; таким образом, по окончании игры, все переплетаются руками.

Из-за гор девица
Гусей выгоняла;
Из-за чиста поля
Белых лебедок.
Тига, гуси, домой
Тига, серые, домой;
Гуси нейдут домой,
Серы не пойдут.

Я сама гуськом,
Сама сереньким;
Я старым старичком
Стадоводничком.
Заплетайся, плетень, заплетайся.
Золотая камка, завивайся.

При пении заплетаются руками как в предыдущей
игре

25

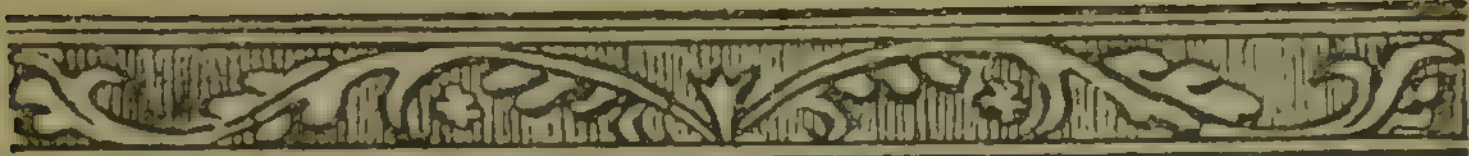
Селезенько, сиз косатый,
Поплывай, мой селезенько,
Вниз по тихому Дунаю.
Сядь под грушей, сам послушай,
Как Павлуша скачет, пляшет,
А вот эдак и вот так,
Вот Андреевич как пляшет.

При этой песне, сколько есть в кругу играющих, при
певают каждого, называя по имени и отчеству, и всякий
должен проплясать под этот напев.

26

По бережку, по крутому
Ходил добрый молодец,
Петрованушко, купец.
Чесал кудри, чесал черны
Частым рыбьим гребешком.
Сам с кудрями, сам с черными
Разговоры говорил:
Кому кудри, кому черны
Достанется расчесать?
Достаются кудри, кудри,
Достаются черны, черны
Катеринушке чесать.

Когда окончат припевку всех играющих, то мужчины
целуются с теми девушками, которые были с ними под-
петы.

ПЕСНИ КРУГОВЫЕ

21

Как по сеням, было, сеничкам
По частым переходичкам,
Тут ходила похаживала
Свет-душа красна девица,
Свет (*имя девушки и отчество*);
Она будила, побуживала
Своего друга милого.
Уж ты встань, пробудись мил, друг
Свет (*имя и отчество молодца*).
Оторвался твой добрый конь
От столба, столба дубового,
От колечушка серебряного,
От витого, позолоченного;
Он ворвался в зеленый сад,
Истоптал груши, вишенья.
Ты не плачь, не тужи, моя краса
Наживем с тобой зелёный сад.
И со калиной, со малиной,
С черной ягодой смородиною

26

Ах, вы белые, белолички мои,
Листовы алы румянички,
Сокатитесь со бела лица домой;
Уж как едет мой ревнивый муж домой:
Он весьма, весьма сердит на меня,
Сильно, больно принавыпился.
Он везет, везет гостинец дорогой.
Шелковую плетъ под правую полую.
Я не знаю, млада, пени и вины,
Никакой большой проступки над собой;

Только знаю одну пеню и вину:
У соседушки беседушка была;
Я незвана на беседушку пришла;
Трою, двою, я по горенке прошла,
Пятью, шестью, по новым по сеням;
Холостому стакан меду поднесла,
А женатому зеленого вина;
Холостой, дурак, на ноженьку ступил,
Ко стакану белу ручку придавил,
О стаканчик золот перстень изломал,
При людях меня сестрицей называл,
Без людей сизой голубушкою;
«Ах ты, любушка, голубушка моя,
Поглянулася мне походочка твоя,
Поглянулся твой умильный взгляд,
Поглянулся твой веселый поцелуй».

29

На горе, горе, петухи поют,
Под горой, горой, братцы тешатся;
Они тешатся, потешаются,
В Колывань город снаряжаются:
Уж как я млада, молодешенька,
По новым сеням с переходами,
Подымя шубу соболиную,
Чтобы шубочка не прошумела,
Златы пуговики не пробрякнули,
Не услышал бы мой лютой свекор,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.
Уж как мой-то муж горькой пьяница;
Он без пива пьян, без вина хмелён.
Он без плеточки меня высечет,
Без шелковые меня выучит.

30

Как у нас было во саднчке,
Во зеленом виноградничке,
Соловейко громко пёсенки поёт:
Он поет, поет, насвистывает;

Красным девушкам назолушку дает.
Вы красуйтесь, красны девушки,
У родимого у батюшки,
У родимыя у матушки.
Неровнюшка замуж выйдется,
Неровен дурак навяжется,
Либо пьяница-тарыка с кабака,
Миновалась моя девья красота,
Как со калиной, со малиною,
С чёрной ягодой смородиною.
Нажила я себе мужа дурака.
Он дурак, дурак, дурачий сын,
С дураками, дурак, знается.
Со боярами не водится, дурак!
Каждый день он напивается;
Он в кабак идет, как маков цвет цветет,
С кабака идет, как мать родила,
Во чёрной грязи валяется,
Надо мной, бедной, ломается,
Заставляет разувать, раздевать.
Заставляет буйну голову чесать.
У меня ли молодешенькой.
Мои рученьки белешеньки,
На руках перстни златешеньки:
Белы ручки замараются.
Златы перстни распаяются;

31

На горе, горе высокой.
Во избе, избе сосновой,
На скамеечке дубовой,
Молодец в гусли играет,
Свою Дуню утешает.
Ах, вы, девушки, пляшите,
Вы, молодушки, играйте,
На меня, младу, не дивуйте;
Уж как я, млада, сговорена,
За купца, купца молодого,
За приказчика холостого.
Мой-то суженой молоденец,
Умом, разумом, глупенек.

Через реченьку жестяночка лежала
 Через быструю сырая лежала.
 Что никто по той жестяночке не пройдет
 Что никто следка не проложит.
 Случилось мимо ехать торговым.
 Молодым купцам, не женатым.
 Они спрашивали, говорили:
 Еще что у нас в торгу вздешевело?
 Вздешевелися в торгу стары старухи
 По семи старух на полушку,
 А осьмая-то старуха в кашевари,
 А девятая старуха в кашевары.
 Через реченьку жестяночка лежала,
 Через быструю сырая лежала.
 Что никто по той жестяночке не пройдет,
 Что никто следка не проложит.
 Случилось мимо ехать торговым,
 Молодым купцам не женатым.
 Они спрашивали, говорили:
 Еще что у нас в торгу вздорожало?
 Вздорожали в торгу красны девицы:
 Что одна красна девица рублей во сто
 Ея русая коса в полтора ста;
 А девичья красота в полтретья ста,
 А самой красной девице цены нету

Из бору, бору.
 Из зеленого,
 Шумела, гремела
 Быстрая речка;
 По той, по той реченьке
 Калина, малина (2)
 Калиновый мостик;
 На том же мостике
 Лежит мостовина;
 На той мостовине
 Сидит голубина; (2)
 Резвы ножки моет.
 Мыла, мыла ноженьки,
 Перемывала;

Свои сизы перышки,
Перебирала.
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
«Завтра поутру
Радость будет; (2)
Веселья прибудет; (2)
Батюшка будет».

Не воркуй, не воркуй.
Сиза голубина;
Это мне не радость,
Это не веселье,
С этого веселья
Не могу вставати; (2)
Головы поднять; (2)
Огонь высекати; (2)
Ворот отворяти; (2)
Батюшку встречати

Из бору, бору,
Из зеленого.
Шумела, гремела
Быстрая речка;
По той, по той реченьке
Калиновый мостик,
Калина, малина,
Калиновый мостик.
На том на мосточке
Лежит мостовина;
На той мостовине
Сидит голубина; (2)
Резвы ножки моет.
Мыла, мыла ноженьки,
Перебивала;
Свои сизы перышки
Перебирала;
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
«Завтра поутру
Радость будет; (2)
Веселья прибудет; (2)

Матушка будет». — Не воркуй, не воркуй,
Сиза голубина;
Это мне радость,
Это не веселье:
С этого веселья
Не могу вставати и прочее.
Из бору, бору,
Из зеленого и прочее, до стиха
Веселье прибудет.
Миленький будет.
— Вот это мне радость,
Это мне веселье:
С этого веселья
Я могу вставати;
Я могу вставати;
Огонь высекати;
Огонь высекати;
Двери отворяти;
Двери отворяти.
Милого встречати.

34

Во саду ли, в огороде
Девница гуляла;
Невеличка, круглоличка,
С личика беленька.
Подходил к саду, к огороду
Удалый молодчик.
Он и звал красну девицу
В сыр бор по груздочки.
Я неѣду, неѣду с тобою,
Ножки приустанут;
Заложь, милый, карету,
Я сяду, поеду;
Заложь, милый, другую.
Я сяду в любую;
Заложь, милый и третью,
Да садись сам с плетью;
Заложь, милый, четверту.
Поезжай сам к черту.

На горе-то сырой дуб,
 Под горой береза;
 Между дубом и березой
 Речка протекала;
 Речка, речка невеличка,
 Собой глубоконочка.
 Нельзя, нельзя воду пить,
 Нельзя почерпнуть;
 Нельзя, нельзя жену бити,
 Нельзя поучити.
 Уж я бил жену часочек,
 Сам плакал годочек;
 Сушил, крушил ясны очи
 Во все темны ночи;
 Как по все ли темны ночи
 И ясны денечки;
 Истратился издержался
 На разны лекарства

Ай, во поле, во поле,
 Ай, во поле калина;
 Под калиной, под калиной,
 Под калиной малина;
 Под малиной, под малиной,
 Под малиной девица.
 Рвала цветы, рвала цветы.
 Рвала цветы со травы;
 Вила венки, вила венки,
 Вила венки на главу.
 Сама под ним, сама под ним.
 Сама под ним всплакала;
 А всплакавши, а всплакавши,
 А всплакавши говорит:
 «Кому мой вен, кому мой вен,
 Кому, вен, достанешься?»
 Достанусь я, достанусь я.
 Достанусь я старому.
 «Я старова, я старова,

Я старова мужа на смерть не
любяю;
Со старым мужем, со старым
мужем,
Со старым мужем гулять не пойду;
За младова, за младова,
Я млада мужа на смерть люблю;
С младым мужем, с младым мужем,
Я с младым мужем гулять пойду!»

37

Не ходи, бел кудреватый,
Мимо моей хаты;
Не топчи, бел кудреватый,
Зеленую мяту,
Я сама мяту садила,
Сама поливала;
Поливала, укрывала,
Живот надрывала;
Я не для ради инова,
Для дружка милова.
Не стой, милый, у крылечка
Не зноби сердечка;
А со краснова крылечка
Во новые сени.
Как во новых во сенях
Гости все сидели;
Все не сваты, все не братья —
Злые супостаты.

38

Подле тихого Дуная,
Одна паньюшка гуляла,
Со бережку ножки мыла.
Со крутова полоскала,
Замочила, забрызгала
Свою аленьку фатицу.
Ах, я домой итти не смею;
Отец, мати — не родные;
Брат с сестрою нескладные.

Отец, мати будут бити;
Брат с сестрою корити,
И пойду к другу милому

39

Я, младешенька, по бережку хожу;
Я по крутому погуливала,
Во табун гусей заганивала;
Мои гуси не табунятся,
Мои серы разлетаются,
По кусточкам рассежаются
Загнала гусей, домой пошла,
А навстречу мне младешенькой
Молодой парень хорошенькой;
Он и бил меня по белу лицу
По белому, по румяному
Не шути-ка, парень, шуточки со
мною!

Ты не бей меня по белу лицу
Мой личико разговорчивое,
Ретиво сердце зазнобчивое;
Разгорится мое лицо белое,
Разыграются румянички в щеках.
Сдогадятся сударь батюшко,
Спohвататся родна матушка,
Не отпустят в зеленый сад гулять,
С конопелюшек воробышек гонять

40

Ты пчела ли, моя пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая.
Пчелка по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы, нянюшки, вы, мамушки мои!
Вы подите в чисто поле гулять,
Ко крестьянину на пашеньку;
Вы возьмите часту борону,
Расчешите седую бороду,
Что его-то стару голову;
У моего у стара мужа
У моего у постылого,

Он не сажит на коленочки меня,
Не обнимет своей правою рукой,
Не целует во сахарные уста.

41

Ты пчела ли, моя пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая.
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы, нянюшки, вы, мамушки,
Вы подите во зеленый сад гулять;
Вы возьмите частый рыбий ребешок,
Расчешите млада голову.
Что его-то кудри черные,
Моего ли, друга милого,
Он посадит на коленочки меня,
Он обоймет своей правою рукой,
Поцелует во сахарные уста.

42

При долинушке калинушка стоит,
На калине соловей птичка сидит;
Горьку ягоду калинушку клюет,
Во все стороны поглядывает,
На четверту — не оглянется.
Пристали к соловью два сокола,
Звали, звали соловья с собой.
Как навстречу ясным соколам
Трон саночки дубовые,
Что четвертые со вырезами,
А запяточки со вычурами.
Как на саночках-то девушка лежит,
Подле девушки-то молодец сидит.

43

Полоса, моя полосанька,
Полоса моя, не паханая,
Не пахана, не бороненая;
Заросла моя полосанька
Тонким ельничком, березничком

И горьким, мелким осинничком
Из того ль горька осинничка
Выбегала лошадь, добрый конь
Он бежит, бежит, торопится,
Сам головушкой помахивает,
Золотой уздой побрякивает.
На Дунае девка мылася бело
Она мылася, белилася,
Она мылася, румянилася,
Нарумянившись, заплакала, пошла,
Жалобу творит на батюшку,
На родиму свою матушку:
Не за ровню замуж отдали,
Не за ровню — за разбойника.
За разбойника-становщика¹.
Он со вечера добра коня поил,
Со полуночи в разбой вступил
Воротившись, зычным голосом
кричит:

Отворяй жена воротички,
Принимай братца родимого,
Моего шурина любимого.

44

Полетай, соловушка,
На нашу сторонушку;
Распроси, соловушка,
Будет ли нам волюшка
Лишняя заботушка?
Первая заботушка —
Зла, лиха свекровушка,
Зла, лиха не ласкова.
На посылках меня смучила,
Посылает и туды и сюды;
Во чужьи люди по сито, решето;
В тёмный погреб по зелёное вино
В погребу млада замешкалася,
Зелена вина обтрескалася,
Сладкой водочки допьяна напилась
— Ах ты груша, моя грушенька,

¹ Пристанодержатель.

Ты почто груша, не зелена стоншь?
— От чего-то мне зеленой быть:
Солнце яркое и греет и палит.
Уж как стали нынче тяжки времена;
Что сушат крушат далекие друзья;
Никого ближних любить не велят.
То ли воля, то ль охотушка?
То не лишняя ль заботушка?

45

Лучина, лучина, березовая;
Что же ты, лучина, не ясно горишь?
Не ясно горишь, не светло светишь?
Будто ты, лучина, в печке не была,
В печке не была, жару не дала.
Зла, лиха свекровушка щами залила,
Щами залила, пеплом загребла.
Сын ли, мой сыночек, сын любезный мой
Что жену не учишь, людям не велишь?
Взял со спицы плеть, повел жену в клеть,
Стегал по стене, сказал по спине;
Стегал по пазам, сказал по глазам;
Стегал по полену, сказал по колену;
Стегал по перине, сказал по Орине.
Сын мать утешил, жену не гневил.
Жена его плачет, губы надувает;
Губы надувает, всю семью ругает:
Будь ты проклята, большая семья,
Большая семья, несогласная.

ПЕСНИ ПРОГОЛОСНЫЕ

46

Я на шуточках другу милому говорила, —
Своего-то я друга милого прогневила —
Тебе полно, мой душа милый друг,

ВОЛОЧНЬСЯ.

Что пора тебе, душа милый друг, уже жениться
Как пошёл домой душа милый друг, сам

заплаткал

Что со вечера душа милый друг послал сватать;
 Со полуночи душа милый друг обручался;
 Ко белу свету душа милый друг обвенчался;
 Что ко раннему ко обедечку сыграл свадьбу.
 Уж как тут я, красна девица, сдогадалась,
 Словно рыбочка во синем море встrepескалась:
 Если б я-то, красна девица, была сизой голубкой,
 Если б были у меня молодой быстры крылья,
 Я взвилась бы, поднялася, полстела,
 К своему ли другу милому я на свадьбу;
 Я бы села сизой голубушкой на окошко;
 Жалобнeshенько б сизой голубушкой взворковала
 Как тогда-то мой душа милый друг сдогадался б;

Ах вы, братцы мои, товарищи, поезжане:
Вы возьмите эту голубушку со окошка;
Вы напоите сизу голубушку, накормите,
Со двора вы сизу голубушку проводите;
Вы во след-то сизой голубушке накажите,
Чтобы впредь-то она ко мне не летала:
Не голубушка это сизая, а моя любезная.

¹ Песнями проголосными называются те, которые не принадлежат к свадебным и круговым и поются вообще медленно.

Из-за лесу, лесу тёмного.
 Из-за гор, было, высоких гор.
 Вылетала тут птица камская,
 Птица камская, млад сизой орел.
 Во когтях несет тело белое,
 Тело белое, молодеское;
 Праву рученьку с могучим плечом.
 Как на рученьке-то золот перстень.
 Что золот перстень, во пятьсот рублей;
 Одна вставочка есть во тысячу,
 А на вставочке-то написано:
 Отцу, матери челобитьицо;
 Братьям, сестрицам по поклону всем;
 Молодой жене своя волюшка:
 Хоть замуж поди, хоть вдовой живи

Ах, ты горе мое, горе великое,
 Что великое горе, со кручиной!
 Я от батюшки мала осталась,
 Своей матушки не вспомню!
 Как вспоил-то, вскормил родной братец;
 Возлелеяла меня родна сестрица.
 Уж как брателко сестру любит,
 По вечерочкам сестру водит,
 На коленочки сестру садит,
 По головушке сестру гладит.
 Не ходи-ко ты, сестра, замуж,
 Ты не в город, сестра, не в деревню,
 В несогласную большу семью;
 Ты не к свекру, сестра, не к свекровке,
 Не к деверьям, сестра, не к золовкам.

Нажила то я, девушка, все заботы:
 Уж как первая забота — чужа сторона;
 А вторая-то забота — лютый свекор,

Лютый свекор-то,—зла свекровка;
Уж как третья-то забота — что деверья,
Что деверья ли, да золовки;
А четвертая забота — не удал муж.
Уж как не с кем мне думу думать.
Не с кем тайное слово молвить!

50

Как во садичке млада гуляла,
У соловушка песни слушала;
Хорошо в саду соловей поет,
Он поет, поет, сам насвистывает
Сам насвистывает, наговариват.

Парень девушку уговариват:
Посиди-ко, девка, во девушках,
Покопи-ко ты ума-разума,
Ума-разума, платья цветного;
Почеши-ко ты буйну голову;
Поплети-ко ты русу косу.

51

Ты гуляй, гуляй, душа милый друг,
Ты потуль гуляй, как не женишься;
Ах, ты женишься — переменишься,
Переменишься, друг, успокаешься;
Ты возьмешь себе молодую жену,
Молодую жену, змею лютую:
Из норы ползет — озирается,
По песку ползет — извивается,
По траве ползёт — мураву сушит.

52

Ах, ты, девушка, девка красная:
Не ходи, девка молода, замуж,
Посиди-ка, девка, во девушках.
Покопи-то ты ума-разума,
Почеши-ко, девка, буйну голову;
Поплети-ко ты трубчату косу,
Заплетай в нее алу ленточку.

По синю морю корабль плывет;
 На кораблике сидит молодец.
 Сидит молодец с красной девушкой.
 Парень девушку уговаривал,
 За себя замуж подговаривал:
 - Пойди, девушка, за меня замуж
 За удалова, добра молодца;
 Не пойдешь, девка, за меня замуж —
 Сойди, девушка, с корабля долой;
 Без того корабль тяжело плывет.
 Гяжело плывет, он на дно встает.
 На корабль вода заливалась;
 Оттого девка испугалась,
 С корабля водой умывалась.
 Полотенечком утиралась,
 Что белилами она белилась,
 А румянами румянилась,
 В чисто зеркало смотрелась,
 Красоте своей удивлялась:
 Красота ль моя, девья красота!
 Что кому, краса, ты достанешься?
 Как тому ли вору, разбойнику,
 Что разбойнику, мужу старому!

Гуманы, вы, туманички.
 Синеморские туманы!
 Не подняться вам, туманички.
 Прочь от синего, от моря,
 Не отстать тоске кручинушке
 От ретивого от сердца!
 Мне ночесь-то молодешенькой
 Как малым-мало спалось,
 Мне спалось мало младешенькой.
 Много виделось во сне.
 Что предвиделся мне, девушке.
 Уж как страшный, чудный сон:
 Как в далеком чистом поле,
 На саратовской степи.

Что под кустичком ракиновым,
Душа милый друг лежит.
Он убит, мой душа милый друг,
Весь израненный лежит.
Что буйна его головушка
Ко восточной стороне.
А резвы ноги у молодца,
Что ко быстрой ко реке
А его-то тело белое
Испротыкано копьем.
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава.
Сквозь его сердце ретивое
Змея люта проползла;
Из его-то из ясных очей
Ключи быстры протекли;
Из его буйной головушки
Част ракинов куст пророс.
Что на том-то бы, на кустичке
Соловейко гнездо свил.

Ты не пой, не пой, соловушко.
Утром рано на заре;
Не давай тоску-назолушку
Сердечушку моему.
Без того мое ретивое
Уж изныло все во мне!

Как прошли-то развеселые часы,
Миновались утешны времена,
Наступало время слезно для меня!
Для меня молодой, для горькой сироты.
Покатились горячи слезы из глаз,
Что по моему, по белому лицу,
По моим-то по румяным по щекам.
Ах вы, вздохи, мои вздохи тяжелы!
Воздохнит-ко ты, любезная, по мне.
Уж я сам-то позаочно воздохну,
Стану плакать, буду письма я писать,
Каждую строчку я слезами обливать,
А во письмах челобитье посылать:

Ты не плачь, не плачь, милая, обо мне.
Не мочи ты очи ясные свои,
Не теряй ты свой румянец из лица.

36

Как ходил-гулял добрый молодец ровно три года;
На четвертый добрый молодец домой пошёл;
Что зашел-то добрый молодец на высок курган
Как навстречу добру молодцу змея лютая,
Что лютая змея — крапивная¹.
Вынимает добрый молодец саблю острую,
Он хотел срубить змее голову.
Что возговорит змея добру молодцу,
Не секи, не руби меня,

добрый молодец,

Я скажу тебе великое сподивовище:
Как твоя-то жена — горька пьяница,
Пропила она твоих добрых коней,
Промотала твоих ясных соколов,
Расточила она всю золоту казну.
Как пошел-то добрый молодец

на широкий двор.

А навстречу ему молодая жена;
Вынимал молодец саблю острую
И отсек он жене буйну голову,
Покатилась голова по широкому двору,
Покатилась коням под ноги:
Что его-то кони овес едят;
Что пошел молодец в новы горницы —
Что ясны его соколы пшено клюют;
Как пошел молодец к кладовым своим —
Золотая казна замком заперта,
Замком заперта, запечатана.
Тут взъелся добрый молодец, погубился,
Погубил он свою буйную головушку.

57

Ах ты, дума ль, моя думушка,
Ах ты, мысль моя, молодецкая!
Пригадай-ко, мысль молодецкая.

¹ Крапивная, подкрапивная, змея зеленого или серого цвета; она почитается у простого народа самою ядовитой. (Г).

Что жениться ли мне молодцу
Или век мне холостому жить?
Что придумала моя думушка,
Пригадала мысль молодецкая.
Не женись-ко, добрый молодец,
Не теряй свою золоту казну,
Ты на те же деньги коня купи,
Не поглянется тебе добрый конь —
Ты продашь коня или променяешь,
Иль товарища братца подарить;
Не поглянется тебе худа жена,
Ни продать-то ее, ни променять,
Ни товарища братца подарить;
Тебе век с ней горе мыкати!

58

Как не белая березанька
Со липой свивалась;
Как в пятнадцать лет девица
С молодцом свикалась.
Ты, заря ли, моя зоренька,
Подвосточная заря,
Не давала ты мне, зорюшка,
С поля ехати домой.
Я с того горя, с кручинушки
Поиду-выйду на крыльцо;
Закричу то я, добрый молодец,
Своим зычным голосом:
— Ах, вы, слуги, слуги верны,
Неизменные мои!
Вы подите-ка, слуги верны,
Вы поймайте трех коней;
Запрягите-ка, слуги верны,
Их в новую во повозку;
Как поеду ль я, добрый молодец,
Ко моей любезной;
Я спрошу ли, добрый молодец,
У своей любезной:
Каково ты, моя любезная,
Живешь, можешь без меня?
— Не корыстненько житье-бытье;
Мой любезный, без тебя.

Девка, красotka молодая!
 Полно по горенке ходити,
 Полно по миленьком тужити
 Как мне по милому не тужити,
 Что во веки такого не нажити:
 Ростом, дородством, красотою,
 Всею молодецкою поступкою,
 Всею княженицкой поговоркой
 Вечор я со милым побранилась,
 Вечор я с надеждой посчиталась.
 Как-то мне с миленьким мириться?
 Самой покориться не годится;
 Людми засылаться — много славы
 Кого же за милым спосылаю?
 Старого послать — не дожидаться;
 Молодого послать — заиграется;
 Ровнюшку подружку — засидится,
 На мила друга заглядится.
 Дождусь я млада темной ночи.
 Темные ночи полуночи;
 Пойду я, младенька, разгуляюсь,
 Со своим миленьким повидаясь,
 Своему другу милому попеняю;
 Во глаза друга милого порутаю
 Что ты в гости ко мне не ходишь?
 Что гостиницы мне ты не носишь?
 Рад бы к тебе, милая, ходити,
 Нечего в гостинечки носить.
 Принеси мне, душа милый друг,
 в гостиницы
 Алу юбочку, мне душегрейку.

Как сказали про мою жену, неряха.
 Что неряха-то жена моя, не пряха.
 Что по пятницам жена моя не пряла,
 Как в субботу она баню протопила,
 В воскресенье-то жена пропировала.
 В понедельник с похмелья пролежала;
 А во вторник на молитве простояла.

Уж как в середу вставала раненько;
Оттянула три ниточки тоненько,
Навертела три мозоля кровавые
Она сделала милу другу обновку:
Гонку беленьку, полотняну застежку
Ты вставай-ко, душа милый друг,
с постельки;
Поздравляем те, душа моя, в обновке,
В тонкой беленькой конопляной застежке;
Пролежать бы тебе три года в огневке:

61

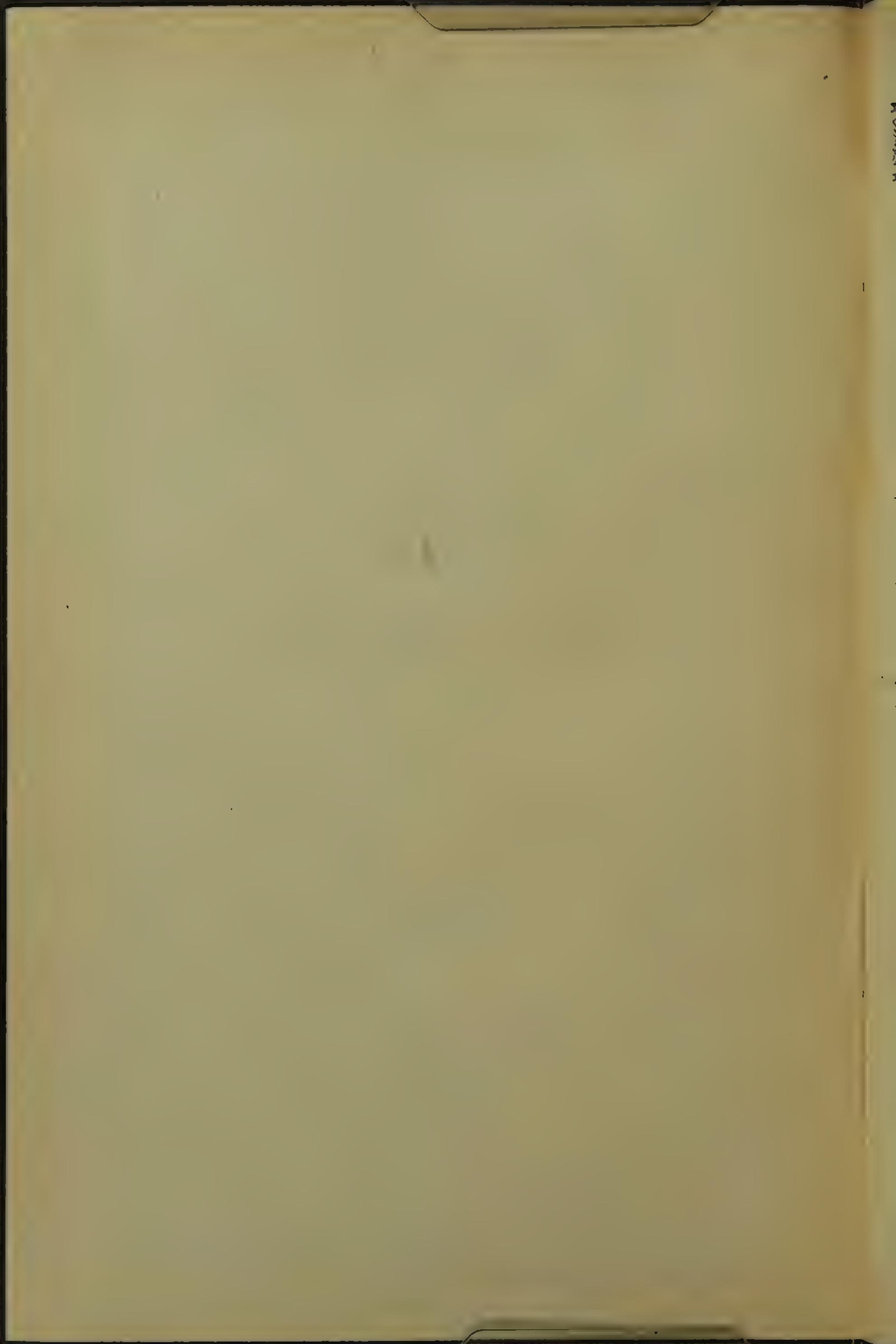
Погуляй-ко, добрый молодец,
Покуль воля тебе есть.
Уж я рад бы погуляти,
Товарища со мной нет.
Уж как есть один товарищ.
Вороненек, добрый конь;
А второй-то мой товарищ
Зелененек тугой лук;
Как бы третий мой товарищ
Есть каленая стрела.
Каленую эту стрелочку
В чисто поле отпущу.
Полетай-ко, моя стрелочка,
В чисто поле далеко;
В чисто поле, моя стрелочка,
В бел полотняный шатер
Как в этом-то во шатрочке
Серый потничок лежит;
Что на том ли да на потничке
Добрый молодец лежит.
Что за тем было за шатричком
Казаков стоит толпа,
Что у тех ли у казаков
Горел ясный огонек;
Горел ясный огонек,
Наносил дымок.
Что под этим под дымочком
Лежал добрый молодец.
Он убит-то не убит,
Весь израненный лежит.

Прижигает, припекает
Свои раны кровавы.
Уж как первая-то рана
Во буйной его главе:
Что вторая его рана
Во ретивом его сердце:
Уж как третья его рана
Что на правом на плече.

62

Вложил мысли, вложил душу,
Вложил ласковы слова;
Я ума его не знала,
Начала крепко любить.
Уж как все люди узнали,
Все соседи говорят;
Меня, девушку, красотку.
Все ругают и бранят.
Стыдно девке, стыдно красной
По ночам одной гулять.
Мне того стало стыднее
Молодца-парня любить.
Я с того горя с кручины,
Пролила слезы из глаз.
Не плачь, девка, не плачь, красна.
Не плачь, ягодка моя:
Подарю тебе подарок
Что на шеечку платок;
Подарю второй подарок
Что на ножки башмачки.
Со широкого, со нового двора
Шла девонюшка красотка молода:
За собою вела доброго коня,
За шелковые за новы повода,
На Дунай реку водой понть.
Из Дуная конь воды не пьет,
Сам копытчком сырую землю бьет,
На девонюшке цветное платье рвет.
Плачет девка, коню платье не дает.
Что не ты мне это платье заводил.
Заводил его боярин молодой.

Ветерок куда повсест,
Туда миленький поедет,
Ко мне, девке, не заедет.
Хоть заедет, не почует;
Хоть почует, прогорюет;
Он по горенке проходит;
Подняв ручки к сердцу носит.
На окошко припадает,
Своей милой отвечает:
Еще что это за чудо:
На дворе уж свет светает;
Не пора ли провожати?
Вдоль по горенке с словами;
По сеням-то с фонарями;
Ко крылечку с фонарями,
Вдоль по улице с слезами!

ПРИЛОЖЕНИЕ

СКАЗИТЕЛЬ Л. Г. ТУПИЦЫН

Выдающегося сказителя былин Леонтия Гавриловича Тупицына С. И. Гуляев открыл в 1871 году.

Впервые о Тупицыне собиратель упоминает в письме в этнографическое отделение Русского Географического Общества от 28 февраля 1871 года¹.

В этом письме Гуляев говорит:

«Собирая на досуге сведения о здешнем крае, я попал на замечательную личность — слепого старика крестьянина д. Ерсной (в 5 в. от Барнаула) — Леонтия Тупицына. Обладая обширной памятью, он знает много богатырских былин и песен, которым выучился от отца, а тот от деда, вышедшего сюда из Олонецкой губ. Более 20 былин мною списано, а напевы их положены на ноты приехавшим в Барнаул молодым крестьянином Спасской волости (близ Томска) Большаниным, с которым, по счастливому случаю, я познакомился и который обещает мне положить на ноты напевы всех песен и былин, какие услышит. Посылаю для Вашего любопытства напевы трёх былин; прибавляю, что они, как изволите заметить, далеко не походят на мотивы, которые приложены к былинам в древних стихотворениях, приписываемых «Кирше Данилову», и представляют по характеру мелодии особый разряд от всех других народных наших песен. Мне желательно было бы собрать это дорогое народное достояние... представляющее богатый материал для будущих гениальных композиторов».

16 октября 1871 года от Отделения Этнографии Русского Географического Общества за подписью Леонида Майкова Гуляев получил письмо, в котором сообщалось,

¹ Архив С. И. Гуляева, ф—д—36, л. 216, л. л. 185—186.

что Общество весьма заинтересовано сообщением С. И. о встрече с крестьянином Л. Тупицыным — певцом былин. В письме Л. Майков просит Гуляева записать от Тупицына все известные ему былины. «Отделение вполне сочувствует мысли Вашей о собрании напевов былин и надеется, что Вам удастся записать их при помощи имеющегося у Вас сотрудника»¹.

Отделение выразило также желание получить сведения о личности певца былин, о том, как относится местное население к исполнению былин.

В ответ на это Гуляев 21 ноября 1871 года посылает Л. Майкову обширное письмо, в котором сообщает подробные сведения о Л. Тупицыне и об отношении к певцу слушателей.

Ниже приводим полностью это письмо С. И. Гуляева к Л. Майкову.

ПИСЬМО С. И. ГУЛЯЕВА К Л. МАЙКОВУ

«На Тупицына, как певца былин, указал мне переселившийся в Барнаул из Верхотурья мещанин Монсей Тренихин. Пригласив к себе Тупицына в январе 1871 года после крещения, я познакомился с ним и тут же приступил к записыванию от него былин и старинных народных песен. С того времени он часто приходил ко мне с кем-либо из детей или с женою и гостил по несколько дней, если дома не было для него работы. При начале нашего знакомства он передал мне некоторые о себе сведения. Так как они были весьма кратки, то исполняя желание этнографического отдела императорского Русского Географического Общества, я счёл нужным расспросить Тупицына подробно и взглянуть на домашнюю его обстановку. С этой целью отправились мы в один из прекраснейших зимних вечеров по только что установившемуся снежному пути с моим знакомым в деревню Ересную, взять с собой Тупицына. Мы увидели самую жалкую, кое-как сколоченную из тоненьких бревешек избушку, без сеней, с дверью прямо на улицу. Тупицын топтал (валял) в это время сукно в корыте; с печки выглядывали четверо ребят. Он пригласил нас отправиться в дом к его зятю, у которого была особая, чистая горенка. Хозяйка хотела было угостить нас чаем и уже приготовила самовар и принесла калачей, но мы, отказавшись от радушно предложенного угощения, отправились об-

¹ Архив С. И. Гуляева, ф—д—36, л. 216, л. 200.

ратно. По приезде Тупицын рассказал мне, что прадед его Лазарь вышел откуда-то с реки Ишима вскоре по основании А. Н. Деминовым Колыванских заводов и поселился с другими выходцами в пяти верстах от Барнаула, вверху по Оби, на левом её берегу, у подошвы крутого косогора. Сначала они жили в землянках, занимались рыбной ловлею и работали на заводе: перевозили руду и уголь. Дед Иван умер с лишком восьмидесяти лет; отец Гаврило жил более семидесяти. Все они знали много былии, песен и преданий. Кроме того, дед славился ещё и знахарством и выкидывал непостижимые штуки против недобрых, дружек и свах.

Отец Леонтия, занимаясь по вечерам в избе какою-либо работою, напевал постоянно былины или рассказывал о стародавних временах. Во время исправления *повытки* (урочной заводской работы, состоящей в рубке дров, перевозке руд и угля), когда бывало *станут лагерем* (на ночлег или для корма лошадей), тогда все, собравшись к огню, садились около старика и слушали его былины, которые нравились также и господам. Казачьи урядники и казаки, охранявшие солёные озёра Ямышевское и Боровое, куда он ездил за солью, всегда за это удовольствие позволяли ему нагребать воза три бесплатно. Леонтий, прислушиваясь к былинам, напевал их после один и таким образом удержал в памяти; но многое, говорит, позабыл. Теперь он считает себе более шестидесяти лет. Овдовев лет двадцать пять назад, он через четыре года женился в другой раз. От первой жены остались три сына и три дочери, от второй имеет четырёх сыновей, из которых только старшему ныне семнадцать лет, и двух дочерей. Двое из сыновей от первого брака женаты, а дочери все замужем. Занимаясь рыбной ловлею и перевозкою руды и угля, умел делать телеги, разную посуду, вить перёвки, вязать сети, он жил хорошо. Но после смерти первой жены, женитьбы сыновей и выхода замуж дочерей, когда семья разрознилась, хозяйство стало *распадаться*, особенно после двух постигших его несчастий, которые довели и его до крайней бедности. Первое, случившееся лет шестнадцать назад, состояло в том, что однажды, когда он поехал на дровнях за сеном, вонзилась в икру левой ноги лежавшая на дороге сосновая *зелина* (зелье, из которого городят *заездки* для верш). Выдёргивая сгоряча занозу, он переломил её. Нога в колене согнулась, отчего он девять лет ходил на костылях с большим трудом, но всё-таки занимался домашними работами. Рана не заживала, но на десятом году на другой стороне ноги, против раны, образовался нарыв и показался конец занозы, которую Леонтий мало-помалу вытащил, после чего рана закрылась; нога же осталась согнутою, так что во время ходьбы он ступает только на оконечности пальцев, не касаясь земли подош-

вою. Другое несчастье — внезапная слепота, поразившая его в 1863 г. Это случилось в мясопустное заговенье. Леонтий был в гостях у двоюродного брата Ивана Тулицына. Возвращаясь часов в шесть вечера домой, он шёл по переулку. Погода была тихая, но вдруг пахнул в лицо налетевший с косогора ветерок, отчего у Леонтия «затряслись веки и в глазах потемнело», так что он добрался до избы уже ощупью. На эту странную причину внезапной слепоты я обратил внимание местных медиков, которые отзывались что подобные случаи бывают. Несмотря на потерю зрения, он постоянно занимается какою-либо работой. Выдалбливает водопойные колоды и корыта *сеяницы* (сеяльницы), *начевки* (лотки) для калачей и проч.; делает вилы и грабли; прядёт лён и пеньку, на сделанной им самим ещё до потери зрения прядехе (самопряхе). Вьёт верёвки и вяжет сети, рубит деревья, косит траву, лишь бы указали ему *постать* (место на лугу). Года три назад нарубил для одного из соседей сажен 12 дров. Леонтий шьёт даже *азямы* (армяки) из крестьянского сукна, скроённого женою, причём нитки и иголку вдевают дети. По заказу моему он сделал минувшим летом два подолейные корыта и однажды, во время приезда ко мне, приготовил двой головки для граблей. Узнав, что он и другие крестьяне вьют из содранной с молодых ветвей коры верёвки, я попросил его привезти несколько деревцев и показать мне, что он и сделал на моих глазах. Верёвки эти употребляются преимущественно для *кошей* (якорей) из сосновых *каракуль* (суковитых вершин). На якорях эти становятся рыбачьи лодки...

Леонтий Гаврилович, обладающий обширной памятью и наблюдательностью, представляет замечательный тип даровитого великорussa. В простой речи он передаёт обстоятельно всё случившееся с ним в жизни, виданное или слышанное от других. Убеждённый в справедливости всего, о чём говорится в былинах, он поёт их с выражением на лице чувства внутреннего удовольствия, увлекаясь, при поэтической его натуре, в мир фантазии, забывает, кажется, настоящее.

Пение и музыка производят на него особенное впечатление, очевидно приятное, как можно судить по проявлявшейся на лице улыбке. Заслышав знакомый ему напев, он, при чутком музыкальном слухе, не может удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодии. Кроме былины он знает довольно других песен обрядовых, круговых и проч., сказок, поверий. Хотя голос его уже потерял полноту и свежесть, однако ж былины его заслушивались все. Женская прислуга у жены, когда он по вечерам начинает петь их, трогается до слёз. Вообще, насколько я могу судить по личным моим наблюдениям, жители здешнего края весьма сочувственно относятся к

былинам и старинным нашим песням, сложенным народом, а не сочинителями, подделывающимися под народный лад...

Не лишним считаю прибавить, что на этих днях мне говорили об одном певце былин, столетнем старике, живущем в Барнауле...¹

¹ Архив С. И. Гуляева. Государственный архив Новосибирской области, ф—д—36. д. 216, л.л. 201—210

ПРИМЕЧАНИЯ

Б Ы Л И Н Ы

1. Илья Муромец (первая поездка его в Киев)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, Государственный архив, Новосибирской области, ф—д—36, дело 214, листы 221—226¹.

Записано С. Гуляевым со слов крестьянина Леонтия Гавриловича Тупицына в Барнауле².

В архиве хранятся две рукописи этой былины: первая беловая рукой С. Гуляева (лл. 297—301), без нумерации стихов; вторая — беловая другим почерком, с нумерацией стихов рукой С. Гуляева (лл. 221—226). Тексты рукописи тождественны. Названа былина в рукописи «Про Илью Муромца. Первая поездка его в Киев».

В конце первой рукописи Гуляевым сделаны примечания, ссылаясь на варианты К. Данилова XI, VI, стр. 352, П. В. Киреевского, вып. 1, стр. 25—46; 77—86; вып. 4-й, стр. 1—6; П. И. Рыбникова, г. 1, стр. 45—61 (л. 226, стр. 2).

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером в книге «Русские былины старой и новой записи», М. 1894 г., отдел второй, № 1, стр. 1—7.

Перепечатана в кн. М. Азадовского «Былины и исторические песни из южной Сибири», Новосибирск, 1939 г. № 1, стр. 34—39.

Былина эта — о Илье и Соловье-разбойнике — является широко популярной, известной в большом количестве вариантов. «Основной замысел былины о Соловье-разбойнике, пишет А. Астахова, дать образ могучего богатыря, совершающего подвиги, нужные народу, и силою и храбростью затмевающего князя и его приближенных» («Былины Севера», стр. 606).

¹ В дальнейшем будем указывать сокращенно лишь фонд (ф—д), дело (д), лист (л).

² К фамилии Л. Г. Тупицына в рукописи имеется сноска, рукой Гуляева записано: «Тупицын помер в 1878 г. Ниже помещаются биографические сведения об этой замечательной личности» (л. 221). Сведений этих нет.

Сказитель Л. Тупицын показывает превосходство Ильи над князем Владимиром. Илья изображён полным достоинства и сознания своей силы и правоты. Оскорблённый несправедливым обвинением во лжи и хвастовстве, Илья отказывается от княжеского угощения, уходит из палаты князя Владимира и возвращается только после особого приглашения князя.

Ссоры Ильи с Владимиром — тема особой былины. В ряде случаев эпизод ссоры вводится в былинку «Илья и Калин-царь». Тупицын искусно и вполне уместно вводит его в данную былинку и тем усиливает в народном герое чувство собственного достоинства.

2. Илья Муромец и царь Кáлин

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф.—36, д. 211 л.л. 228—231.

Записано С. Гуляевым со слов Л. Г. Тупицына в Барнауле.

В архиве имеется две рукописи этой былины. Первая беловая с нумерацией стихов и правкой Гуляева (л.л. 228—231); вторая — беловая рукой Гуляева, без нумерации стихов, озаглавлена Гуляевым «Про Калина-царя» (л.л. 302—305). Тексты тождественны.

Как в первой, так и второй рукописях рукой Гуляева слова «матушку Неву-реку», исправлено на «батюшку Днепр-реку» (стихи 7, 43, 49, 62).

В конце рукописи имеется примечание Гуляева: «XXIV былина в Древн. Российск. стихотвор. стр. 242 одинаковая по содержанию с приведённою выше былинкою, списанной со слов Тупицына, она включает более подробностей о подвиге Ильи Муромца, и кроме того в ней говорится ещё о Василии Пьянице» (л. 228).

Напечатано в кн. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, отдел второй, № 9, стр. 30—34. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 2, стр. 39—43.

Былина популярна и известна во многих вариантах.

«Илья Муромец и царь Калин» принадлежит к циклу былины о татарском нашествии. Как указывает А. Астахова, эти былины сохранились на Севере и в Сибири.

Данный сюжет — ближе к олонецким былинам, записанным Гильфердингом на реке Моши (Гильфердинг, т. III, № 304). Выразительно описывается патриотический подвиг Ильи, его расправа с татаринном в палате Владимира, победа над царём Калиным.

3. Про Илью Муромца и царя Калина

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф.—д—36, д. 214, л. 289.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе от Половникова. Название былинны дано Гуляевым.

Рукопись Д. Соколова написана без разделения на стихи. На ней следы правки Гуляева. Сверху рукой Д. Соколова помечено: «Со слов старика Полювникова» (л. 289).

В архиве имеется вторая беловая рукопись этой былины, сделанная рукой Гуляева, с разделением на стихи и нумерацией их (л.л. 232—234). Это беловая рукопись помещена вслед за былиной Тупицына «Про Илью Муромца и царя Калина», поэтому в начале её помечено «тоже, в Локтевском и Сузунском заводах» (л. 232).

В конце беловой рукописи примечание Гуляева: «Напечатано в «Прибавлениях к Известиям Акад. Наук, т. III». Перепечатано Киреевским в. 1, (стр. 66).

Напечатано по рукописи арх. АН (ф-216, оп. 8, № 204) в Сбор «Былины и исторические песни» № 36, стр. 122—125.

Настоящая былина является вариантом былины об Илье и Калине. Она отличается от предшествующей былины Тупицына тем, что в ней введён эпизод ссоры Ильи с Владимиром. В ней усилено, сравнительно с вариантом Тупицына, отрицательное изображение бояр, которые рисуются клеветниками и изменниками. Илья перед походом на Калина требует бояр к себе и казнит их.

4. Илья Муромец и богатырь Турок

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 243.

Рукопись беловая, написана рукой С. Гуляева и названа «Про Илью Муромца и богатыря Турка».

В конце рукописи примечание Гуляева: «Былина эта списана со слов Барнаульского мещанина Калистратова».

Былина была впервые опубликована в статье Гуляева «Этнографические очерки южной Сибири», в журнале «Библиотека для чтения», 1848 г., т. 90, отд. III, стр. 107—108; вновь напечатана была в «Известиях Ак. Наук» (II. 1853 «Памят. и обр.» XII, стр. 153); перепечатана у Киреевского, I, стр. 93.

Напечатана по рукописи Арх. АН в кн. «Былины и исторические песни» № 11, стр. 81.

Для данного варианта былины характерна замена постоянных врагов татар — турками. М. Азадовский такую замену считает результатом бытования былины в казачьей среде.

5. Об Илье Муромце и Алеше Поповиче

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 249—250.

Записано со слов старика солдата Василья Худяшова в Локтевском заводе.

Рукопись беловая почерком С. Гуляева

Напечатана по рукописи арх. АН в кн. «Былины и исторические песни» № 44, стр. 140.

По словам составителя кн. «Былины и исторические песни...» «текст этот» вариант редкой былины о богатырях на Соколе-корабле, известной, главным образом, в Сибири у казаков.

«В Енисейском округе,— пишет М. Азадовский,— былина о Соколе исполнялась в качестве величальной обрядовой песни во время святочных праздников. Певцы носили с собой укрепленную на длинном шесте звезду, на наружной стороне которой был изображен корабль. Нос этого корабля имел форму змея, на корме — Полкан-богатырь, на палубе — Добрыня, Илья Муромец и Алёша, потом три церкви, солнце, месяц и звезда, турецкий город и море, где турки на катерах» (стр. 183).

В варианте Худяшова упоминается некий Многолюд-богатырь; видимо, сказитель забыл имена других героев, обычно упоминаемых в этой былине.

6. Про Илью Муромца и Тугарина

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 227—227а.

Записано Соколовым в Сузунском заводе.

Былина озаглавлена Гуляевым «Про Илью Муромца и Тугарина».

Былина была опубликована С. Гуляевым в «Известиях Академии Наук» (т. III, 1854 г., «Пам. и обр.», XXV, стр. 257—259); перепечатана в сборнике Киреевского, I, стр. 56; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 30, стр. 110—111.

Сюжет былины исключительно редкий.

7. Об Илье Муромце и Борiske

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 273—274, 285—286.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе от Епанешникова.

Рукопись Д. Соколова без деления былины на стихи прислана С. Гуляеву в Петербург при письме от 6/VI-1853 г. В письме Д. Соколов пишет: «Епанешников сказывает о князе Владимире, богатырях его: Илье Муромце, Добрыне и проч. Пелись только песни; и я в пример при сем одну выпишу со слов его без всякой поправки» (л. 285). Дальше в письме приводится текст былины.

К тексту былины имеется примечание Д. Соколова: «Подобно

этому и о прочих богатырях рассказывает Епанешников, но объяснить он вполне не может совершенно; есть же старик, который прежде с ним пел эти песни, да тот уехал в Змеев на свиданье с сыном... Когда приедет, постараюсь от него выведать через Епанешникова, который называется его другом» (л. 286, стр. 2). Друг Епанешникова, о котором говорит Д. Соколов, это, вероятно, сказитель Половников.

В архиве С. Гуляева, кроме названной рукописи былины, имеются ещё две беловые рукописи. Одна Д. Соколова, видимо, прислана позже, тождественна по тексту присланной Гуляеву с письмом (л.л. 273—274). Вторая рукопись беловая с разделением на стихи и нумерацией их (л.л. 246—249). Эта рукопись помещена вслед за былиной, озаглавленной рукой Гуляева «Об Илье Муромце и Алёше Поповиче», записанной со слов старика Епанешникова в Сузунском заводе, поэтому в начале её помечено «Об них же (записано со слов старика Епанешникова)».

Это последняя беловая рукопись является Гуляевской редакцией былины, присланной Д. Соколовым.

В редакции С. Гуляева этот текст был опубликован в «Известиях Акад. Наук» (П., 1853, «Пам. и обр.» XIV, стр. 161—163); перепечатано у Киреевского I, стр. 7, напечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 29, стр. 107—109.

В письме к И. И. Срезневскому С. И. Гуляев даёт характеристику этого текста Епанешникова.

«Имею честь представить вам одну былинку об Илье Муромце и Алёше Поповиче», доставленную из Сузунского завода учителем тамошней горной школы Д. П. Соколовым... К сожалению, былина, списанная со слов одного старика Епанешникова, заключает, как вы изволите заметить сами, пропуски, пополнить которые г. Соколову было невозможно за неимением в виду других лиц, знающих, подобно Епанешникову, богатырские былины. Равным образом нельзя было г. Соколову сообщить и напева, потому что в Сузунском заводе нет никого, кто бы мог написать ноты с голоса».

В конце письма С. И. Гуляев говорит: «Представляемая былина, сколько можно судить по содержанию её, есть та же самая, которая напечатана в «Древних Русских Стихотворениях» под заглавием: «Илья ездил с Добрыней» (стр. 360—366, № XII). Бориска, о котором говорится в былинке Епанешникова, есть Сбут-Борис-Королевич Кириш Данилова («Былины и исторические песни») — стр. 175—176.

Былина Епанешникова принадлежит к группе былины об Илье Муромце и сыне его.

В разных вариантах сын Ильи называется по-разному: Сокольник, Подсокольник, Збут-королевич и др.

К белой рукописи былины С. Гуляев даёт большой словарный комментарий, который мы используем в «Словаре».

8. Илья Муромец и сын его

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214 л.л. 176—177.

Текст былины находится в тетради, названной «Русские народные песни»; от кого и где записано, не указано.

Настоящий текст является вариантом к былине «Об Илье Муромце и Бориске» (см. № 7).

9. Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со змеем)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 326—334.

Рукопись белая почерком С. Гуляева, с разбивкой на стихи. Где и от кого записаны былины, не указано; по данным М. Аздовского — от сказителя Тупицына.

В заглавии она была первоначально названа «Про Никиту Романовича отца Добрыни». Затем исправлена «Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича».

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером отд. II, № 21, стр. 68—77; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 3, стр. 43—51.

В опубликованных текстах по сравнению с текстом архивной рукописи вставлены стихи 197, 230, 377. Стих 397 — был опущен.

Сюжет былины популярен, это сюжет о бое Добрыни со Змеем.

Сказитель этой былины перенёс в неё некоторые описания Змея из былины о борьбе Алёши Поповича со змеем Тугариным. (Характеристика Тугарина перенесена на змея Горыныча).

В типовых вариантах Добрыня спасает Забаву Путятишну, племянницу князя Владимира, которую похищает змей. В данной былине змей уносит жену князя Владимира Апраксию. Эта замена героини былины, несомненно, результат забвения текста. Сказанное подтверждается не только сличением с другими вариантами былины, где в плен к змею всегда попадает Забава, но также странно звучащим в устах князя Владимира предложением Добрыне отдать ему в жёны освобождённую княгиню Апраксию (Апраксия жена Владимира). В других вариантах идёт речь о возмож-

ности женитьбы Добрыни на племяннице Владимира — Забаве Путятичне.

В ряде вариантов этой былины Добрыня побеждает змея «шапкой земли греческой», в чём представители исторической школы усматривали отражение крещения Руси. В данной былине

Зажимал Добрыня ком желта песка,
Бросал в змеишше, зла Горынишша,
Отшиб Змеишшу тридцать хоботов...

10. Добрыня Никитич и Василий Казимерской

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214 л.л. 315—321.

Записано от сказителя Л. Тупицына в Барнауле.

Рукопись былины беловая, написана рукой С. Гуляева с разделением на стихи, озаглавлена «Про Василия Казимерского».

Напечатано Н. С. Тихонравовым, В. Ф. Миллером отд. II, № 37, стр. 134—142; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...» № 3, стр. 51—59.

В этих изданиях в тексте прибавлен стих № 286, эпитет «богатый» (стих 5, 16) заменен эпитетом «удалый»; в стихе 321 вместо «по подлавчью» напечатано «по подлавке».

Былина эта часто называется «Добрыня Никитич и Василий Казимирский». И действительно, Добрыне в тексте отводится большая роль. Он здесь показан как разнообразно талантливый человек: и как могучий богатырь-патриот, и как мастер разных игр и состязаний

11. Про Добрыню и жену его (Отрывок былины)

По рукописи архива АН напечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 46, стр. 143.

Согласно примечанию М. Азадовского, записано С. Гуляевым от мастера Колыванской шлифовальной фабрики Н. В. Черешнева. Текст представляет собой начало неизвестной былины.

12. Первый выезд Алеши Поповича

Напечатано В. Ф. Миллером («Живая старина», 1911 г., стр. 446); перепечатано в кн. «Былины и исторические песни...» № 42, стр. 138. В архиве Гуляева не найдена. Согласно примечанию

М. Азадовского, записано С. Гуляевым в Локтевском заводе со слов заводского мастерового инвалида Кузеванова.

Текст является началом былины, описывающим сборы молодого богатыря. По соображениям исследователя, первоначально это была былина о Добрыне Никитиче, затем имя Добрыня было заменено Алёшей («Былины и исторические песни», стр. 182)

13. Алёша Попович и Еким Иванович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 292—295.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе со слов старика нищего.

Рукопись этой былины прислана Д. Соколовым С. И. Гуляеву при письме от 23/II-1860 г. вместе с рукописью былины о Суханьше Замантьевиче.

В письме Д. Соколов сообщает обстоятельства, при которых были записаны обе былины (см. примечание к былине № 18).

Рукопись Д. Соколова не озаглавлена, без деления на стихи.

В архиве имеется вторая рукопись былины, беловая рукой Гуляева с разделением на стихи, озаглавлена «Алёша Попович и Еким Иванович» (л.л. 251—253). Эта Гуляевская редакция рукописи Д. Соколова.

По этой рукописи былина была напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, отд. II, 228, стр. 93—97; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 40, стр. 130—134.

В беловой рукописи Гуляева и напечатанных текстах этой былины допущены ошибки. Например: 7 стих читается «Тут-то Алёша *гучен* человек». Эпитет «тучен» никак не характерен для Алёши. Здесь несомненная ошибка переписчика, т. к. у Д. Соколова мы читаем «Тут-то Алёша *поучен* человек». И это в данном контексте единственно правильный эпитет, т. к. дальше рассказывается, как Алёша рассматривает подписи на камне.

Следует отметить также, что стихи 27—36 — общее место, Д. Соколовым не были записаны полностью, в рукописи сказано, что «далее те же самые слова, что и о Чернигове» (л. 292). Известно, что сказитель не всегда точно повторяет общие места, требуется каждый раз полная запись.

Сюжет данной былины рассказывает о борьбе Алёши Поповича с Тугариным. Алёша рисуется как храбрый богатырь.

В публикуемой былине бой Алёши с Тугариным происходит на Куликовском поле, что, видимо, связано с памятью о победе русских войск над Мамаем.

14. Алеша Попович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 135).

Записано А. И. Лазебниковым в Ордынске; прислана Гуляеву с письмом от 23 ноября 1870 г.

Напечатано у Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, отд. II, № 30, стр. 101; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 24 (стр. 96).

Былина напечатана, видимо, в редакции С. Гуляева или издателя: она отличается от текста А. Лазебникова по зачину. У Лазебникова: «У нас то было во Московском государстве», напечатано «Как во стольном городе во Киеве» и т. д.

Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, а вслед за ними М. Азадовским былина отнесена к Чумышской волости. Это неверно, т. к. на тетради записей А. Лазебникова рукой С. И. Гуляева зачёркнуто «из Чумышской волости» и написано «от Лазебникова из Ордынска»¹.

Публикуемый текст является отрывком из героической поэмы об Алёше Поповиче.

15. Об Алёше Поповиче

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 274—275.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе от Епанешникова.

Рукопись Д. Соколова без деления на стихи, не озаглавлена.

В архиве имеется вторая рукопись былины с делением её на стихи и нумерации их рукой Гуляева, озаглавленная «Об Илье Муромце и Алёше Поповиче» с примечанием С. Гуляева «Записана со слов старика Епанешникова в Сузунском заводе» (л.л. 244—245).

Опубликована в редакции С. Гуляева в «Изв. Ак. Наук» (т. II, 1853 г., «Пам. и обр.», XIV, стр. 166—167); перепечатана у Киреевского, III, стр. 56 и в кн. «Былины и исторические песни» № 31, стр. 111—113.

16. Михаил Казарягин

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 311—314.

Записано С. Гуляевым от Л. Тупицына в Барнауле.

Рукопись беловая, рукой Гуляева. Названа «Про Михайла Казарягина».

¹ Это относится ко всем записям А. Лазебникова.

В конце рукописи примечание С. Гуляева: «Михаил Казарянин,— говорил старик Тупицын, поясняя былинку,— ездил поляничать двенадцать лет, а без него татары увезли сестру, о чём он не знал. Он остался семи лет». Но в былинке об этом не велось, только рассказывалось. (л. 314).

Напечатана Н. С. Тихонравовым и И. Ф. Миллером № 41, стр. 149—153. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 7, стр. 67.

17. Василий Пьяница

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 137—138.

Записана А. Лазебниковым в Ордынке. Рукопись беловая рукой А. Лазебникова без разделения на стихи, не озаглавлена. По рукописи правка и разбивка на стихи рукой С. Гуляева, с примечанием его: «Редакция исправлена по другому варианту» (л. 137, стр. 1). Другого варианта этой былинки в архиве нет.

Былина напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, отд. II, № 39, стр. 146—148. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 25, стр. 97—98.

В опубликованном тексте былинки на пять стихов больше, чем в тексте Лазебникова. Это произошло вследствие внесения повторений в стихах № 5, 42, 44, а также вставки стихов № 48, 86, 90 (по опубликованной редакции).

Былина «Василий Пьяница» принадлежит к циклу былин о героической борьбе русского народа с татарами. Герой её — представитель голи кабацкой, бедноты — спасает родину от врага «собаки Подольского царя»; в других вариантах враг именуется Батыгой.

18. Суханьша Замантьев

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 295—296.

Записано Д. Соколовым от старика нищего в Сузунском заводе.

Текст этой былинки прислан Д. Соколовым С. Гуляеву одновременно с былинкой «Алёша Попович и Еким Иванович» при письме от 23 февраля 1860 г.

Рукопись былинки написана карандашом без разбивки на стихи и не озаглавлена.

В письме С. Гуляеву Д. Соколов сообщает любопытные сведения о записи былинки.

«Посылаю Вам при сём,— пишет Д. Соколов,— две побывальщины или сказки, не знаю как правильно назвать, списанные ныне

со слов старика-крестьянина случайно. Этот старик нищий жил по просьбе моей у меня 12 недель. Однажды вечером я, чувствуя себя хорошо, начал рассказывать бывшим со мною про великого князя Дмитрия Ивановича, как он победил Мамая. И лишь только кончил, как старик закричал, что я вру, и стал объяснять по-своему (как это Вы увидите из второй побывальщины) и при этом сказал с уверенностью, что на поле Куликове и доныне костей надуло горы, а костей по всему полю, как снегу белого. Вот это-то заставило меня просить его ещё что-нибудь подобного этому рассказать — что он и исполнил» (л. л. 291—292).

Напечатано Тихомировым и Миллером, отд. II, № 54, стр. 188—190. Перепечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 37, стр. 125—127. В обоих случаях были отнесены к сказителю Половинкову, что, как можно видеть из письма Д. Соколова, неверно.

Былина «Суханьша Замантьев» принадлежит к циклу былин о татарщине. Герой её в других вариантах именуется Сухманом, Суханом. Некоторые исследователи выдвигают гипотезу о том, что в былине отразились события Куликовской битвы, победа русских над Мамаем.

В былине дан выразительный образ взбушевавшегося Днепра, который, по меткому замечанию, «принял характерные очертания взбушевавшейся горной (Алтайской) реки во время половодья» («Былины и исторические песни», стр. 179—180).

19. Скимен-зверь

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 130.

Записана А. Лазебниковым в Ордынке.

По замечанию М. Азадовского, «Былина эта является одной из самых загадочных в русском эпосе, и вопрос о её происхождении, как и о происхождении Скимена-зверя, ещё не получил должного разрешения. Вероятнее всего, что это было своеобразной запевкой к былинам о Добрыне; позже она оторвалась от основного текста и получила самостоятельный характер, как это, например, произошло с запевкой о турах» («Былины и исторические песни», стр. 172).

20. Скимен-зверь

Записано В. И. Гуляевым в Локтевском заводе.

Впервые опубликовано в «Известиях Академии Наук» (г. II, 1853 г., стр. 169—171), перепечатано у Киреевского II, стр. 9, перепечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 41, стр. 137—138. В архиве С. И. Гуляева данного текста не обнаружено.

21. Скимен-зверь

(Рождение богатыря)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. л. 219—220.

От кого и где записано, не указано.

В архиве С. Гуляева рукопись былины о Скимене озаглавлена «Рождение богатыря». Этот текст напечатан Тихонравовым и Миллером № 18, стр. 65—66 под названием «Добрыня» (Скимен-зверь, рождение), с примечанием «Былина эта была записана С. И. Гуляевым в Локтевском заводе и напечатана в неполном виде в Прибавл. к Извест. Импер. Акад. Наук», т. II, стр. 173, 174, а затем перепечатана в сб. Киреевского (рис. II, стр. 9—10). Впоследствии она была записана вновь в более исправленном виде С. И. Гуляевым в Барнауле и в Чумышской волости» (стр. 66)

Текст, опубликованный Тихонравовым и Миллером, был перепечатан в кн. «Былины и исторические песни» № 23, стр. 95—96.

М. Азадовский в примечании к напечатанной им былине «Скимен-зверь» пишет: «Неясно, было ли в распоряжении С. И. Гуляева два совершенно сходных варианта, из которых он выбрал один, или же был сводный текст из двух вариантов» (с. 172). На наш взгляд, опубликованный текст «Рождение богатыря», рукопись которого имеется в архиве (л. л. 219, 220) является сводным, компилятивным, источников которого, кроме текста А. Лазебникова, нет в архиве. Что мы имеем дело с компиляцией С. Гуляева, подтверждается примечанием его в конце текста рукописи «Рождение богатыря». Указывая, что былина была напечатана в «Известиях Акад. Наук», а затем Киреевским, Гуляев добавляет «дополнена из 3-х былин, записанных в к». Последняя фраза зачёркнута.

22. Рождение богатыря

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 283.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе, прислано С. Гуляеву при письме от 30 января 1854 г. От кого записано — не указано.

По рукописи архива АН опубликовано в кн. «Былины и исторические песни» № 35, стр. 120.

Текст представляет собой начало былины.

23. О Дунае Ивановиче

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214. л. л. 275—276.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе. От кого записано в рукописи не указано; по данным М. Азадовского, от сказителя Епанешникова («Былины и исторические песни», стр. 177).

Рукопись Д. Соколова прислана Гуляеву с письмом от 15 июля 1853 г. В ней текст дается без разделения на стихи, не озаглавлен.

Запись Соколова общие места не повторяет целиком, ограничивается заметкой и т. д.

Герой в рукописи именуется «Сдунай».

Былина была напечатана в «Изв. Академии Наук» (т. II, 1850. Нам. и обр. XIV, стр. 166—167); перепечатано у Киреевского, III, стр. 56; напечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 32, стр. 113—115. В архивной рукописи стихов 3—10 нет, они вставлены Гуляевым или издателем.

Некоторые варианты былины о Дунае Ивановиче соединяют тему добывания невесты (ср. «Добрыня-сват») с темой состязания и смерти мужа и жены.

В публикуемом варианте былины добывания невесты нет, имеется лишь часть, говорящая о состязании Дуная в стрельбе с женой, о гибели жены Дуная и его самого.

24. Ставер Годенович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214. л. л. 322—325. Записано С. Гуляевым от Леонтия Тупицына в Барнауле. Рукопись беловая чернилами, с разбивкой на стихи, озаглавлена «Про Ставра Годеновича».

Напечатана Тихонравовым и Миллером, отд. II, № 56, стр. 193—196; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 5, стр. 59—62.

25. Иван Годенович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214. л. л. 306—310.

Записано С. Гуляевым со слов Л. Тупицына в Барнауле.

Рукопись написана рукой С. Гуляева, беловая. В конце даны ссылки на варианты у К. Данилова (XV «Древние Российские стихотворения», стр. 135), у П. В. Киреевского, 3, стр. 9, «Иван Годенович», в сб. П. Н. Рыбникова, стр. 197—205.

Рукопись заканчивается заметкой С. Гуляева: «В былине, переданной крестьянином Тупицыным, недостаёт начала, которого он не мог припомнить, говоря, что так пел её отец» (архив, д. 214, л. 310, стр. 2).

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, № 42, стр. 153—159. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 6, стр. 63—67.

Былина эта весьма популярна. Сибирский колорит былины, по замечанию М. Азадовского, заключается в описании звериных следов.

26. Иван Гостиный сын

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214, л.л. 141—143.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском.

Рукопись без деления былины на стихи, озаглавлена «Старица». По рукописи правка Гуляева; им вставлены в опубликованных текстах стихи 68—70.

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером № 55, стр. 190—192. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни», № 26, стр. 99—101.

27. Про Чурила Пленковича

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 283—284.

Записано Д. Соколовым от сказителя Епанешникова в Сузунском заводе.

Текст былины был препровождён Д. Соколовым С. Гуляеву при письме от 30 января 1854 г.¹ Рукопись без разделения на стихи, не озаглавлена.

Была опубликована в редакции С. Гуляева в «Извест. Ак. Наук» (т. III, 1854 г., «Пам. и обр.» XXV, стр. 259—262). Перепечатана Киреевским, IV, стр. 87.

По рукописи Арх. АН напечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 33, стр. 115—117.

Текст Д. Соколова правлен С. Гуляевым: вместо «чаем-кофеем» написано «сладким медом» (стих. 26); вместо «слуге ее горничной» напечатано «сенной девушке» (стих. 27); в опубликованном тексте стихи 19, 35 — опущены; внесено в текст повторение «выпал белый

¹ В этом же письме Д. Соколов сообщает о смерти сказителя Коандратия Васильевича Епанешникова, умершего 27 декабря 1853 года.

снег» (стих 11); общее место: «Он грозно по горенке похаживает.. (стих. 55—58) Д. Соколовым записано неполностью, обозначено словами «и проч.»

28. Чурило Пленкович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 140—141.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском.

Рукопись написана без разделения на стихи, названа «Старина». По рукописи правка С. Гуляева: «Белеметь» — везде исправлено на «Бермято», «Василиса Николаевна» — на «Василису Никулишну». Рукой Гуляева текст разбит на стихи.

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером № 45, стр. 163—165; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 27, стр. 101—103. В этом последнем издании выпали (или выброшены) стихи 56, 57.

Текст является вариантом былины «Про Чурила Пленковича» № 27

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

29. Кострюк Иземзюрьевич и царь Иван Васильевич

Напечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 45, стр. 141—142.

Согласно примечанию М. Азадовского, «записано со слов старика Василия Худяшова в Локтевском заводе; по указанию С. Гуляева пелась на мотив «комаринской».

По данным М. Азадовского в Арх. АН (ф. 216, оп. 4, № 244), имеется более ранняя запись этой былины, сделанная у того же сказителя. Она приводится в кн. «Былины и исторические песни» (стр. 158—159).

По замечанию М. Азадовского, вариант, записанный от В. Худяшова, принадлежит к числу ранних, о чём свидетельствует её скомороший склад, а также строчки:

Как у нас было при славном при царе,
При Иване при Васильевиче,
При блаженной памяти его...

Интересно в данном тексте упоминание о двух бойцах «по прозванию Калашниковы» (стих. 51—54). М. Азадовский говорит: это «проливает свет на происхождение имени героя Лермонтовской поэмы». Очевидно Лермонтов создал свою поэму не только на основании текста К. Данилова о Мастрюке Темрюковиче, как это утверждает П. В. Владимиров в кн. «Исторические народно-бытовые сю-

жеты поэзии М. Ю. Лермонтова» (чтение в ист. обществе Нестора летописца, VI, Киев, 1892), но и на основе других текстов этой песни, известных Лермонтову.

30. Про Ивана Грозного

(Царь Иван Васильевич и сын)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214 л.л. 341—344.

Рукопись представляет собою полевую запись С. Гуляева, сделанную карандашом, с разбивкой на стихи; озаглавлена «Про Ивана Грозного».

Полевые записи С. Гуляева, находящиеся в архиве, сделаны собирателем от Л. Тупицына. И хотя на рукописи нет пометки об этом — всё следует отнести к Тупицыну. К этому же сказителю отнесён настоящий текст, видимо на основании данных С. Гуляева, и В. Ф. Миллером в его книге «Исторические песни», стр. 2—7, а также в кн. Азадовского «Былины и исторические песни» № 8, стр. 71—74.

Эта карандашная запись С. Гуляева имеется в архиве в белой рукописи, представляющей обработку полевой записи. В белой рукописи нет начальных 33 стихов (л.л. 338—340).

31. Царь Иван Васильевич и сын

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 272, 273.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе от Епанешникова. Запись сделана без деления на стихи, не озаглавлена. На левом поле первого листа рукописи примечание Д. Соколова: «Эта песня со слов Епанешникова; я её вовсе не намерен был писать, но как в письме вашем (имеется в виду письмо Гуляева И. П.) сказано: одним словом всё, что знает Кондр. Васильевич; поэтому и написал (л. 272).

Эта рукопись Д. Соколова обработана, отредактирована и переписана С. Гуляевым, названа «Царь Иван Васильевич». К ней дано примечание: «записана в Сузунском заводе» (л.л. 335—337).

В редакции С. Гуляева песня напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...», стр. 7—11; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни», № 34, стр. 117—120.

32. Покушение на царя

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 344, 345.

Записано С. Гуляевым от Л. Тупицына в Барнауле. Рукопись

люлевая, карандашная, на одном листе с другой песней про Ивана Грозного (№ 30).

Песнь, как можно предполагать, была сложена об Иване Грозном; по содержанию она сближается с народными преданиями о боярской измене и о попытках бояр известить Грозного. Однако, не лишено вероятия предположение, что эта песнь пелась так же, как песня о Петре I, о котором, как и о Грозном, рассказывались предания о заговорах бояр и их попытках убить царя-реформатора.

Публикуется впервые. Текст песни — уникальный.

33. О Иване Грозном

(Правеж)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 284.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе. От кого — не указано. Прислана Гуляеву при письме 30 января 1854 г.

Текст является вариантом песни о правеже; она встречается под названием «Молодец и казна монастырская», в большинстве случаев песня эта приурочивается к имени Ивана Грозного, реже к имени Петра I.

По рукописи архива АН аналогичный текст напечатан в кн. «Былины и исторические песни» № 39, стр. 128—129. В архиве Гуляева этот текст не найден. Публикуемый нами текст, записанный Д. Соколовым, значительно отличается от текста, опубликованного в вышеназванной книге.

34. Про царя Ивана Васильевича

(Правеж)

Печатается по тексту кн. «Былины и исторические песни» № 39, стр. 128—129.

В Новосибирском архиве С. И. Гуляева рукописи данного текста не найдено.

Песня является вариантом к публикуемому нами тексту № 33.

35. О царском Соколе

Печатается по рукописи С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 358.

Записано С. Гуляевым от Л. Тупицына. Текст представляет собой отрывок песни; по содержанию он совпадает с народными легендами о любимом соколе Ивана Грозного и царском сокольничем Трифоне.

36. Ермак Тимофеевич

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 215—216.

Записано в Локтевском заводе; от кого — не указано.

В архиве Гуляева имеются две тождественные по тексту рукописи этой песни.

Напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...» стр. 25—26; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 43, стр. 139.

37. Князь Михайло Скопин

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 347—348.

Рукопись беловая рукой Гуляева, названа «Про князя Михаила Скопина», от кого и где записана — не указано.

Напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...» стр. 27—29. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 9, стр. 75—76. По указанию М. Азадовского текст этой песни принадлежит сказителю Л. Тупицыну (стр. 166).

Песня сложена в Московской Руси и говорит о смерти в 1610 г. Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, игравшего положительную роль в борьбе с шведско-польской интервенцией. Данный текст, так же, как некоторые печорские варианты, переносит действие в Киев ко двору князя Владимира.

38. Сын Степана Разина

Напечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 13, стр. 83—84.

В архиве С. Гуляева этого текста не найдено.

По данным составителя книги «Былины и исторические песни», текст этот первоначально напечатан В. Миллером в кн. «Исторические песни...», стр. 37, затем А. Н. Лозановой в кн. «Народные песни о Степане Разине», Саратов, 1928 г., № 28 и в её же книге «Песни и сказания о Разине и Пугачёве», Акад. 1935, № 30.

39. Казнь Степана Разина

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 213.

Согласно примечанию С. Гуляева, «записано в разных местах со слов старых людей». В рукописи песня названа «О Стеньке Разине».

Текст песни тождественен напечатанному Киреевским, вып. 7, стр. 40—41, А. Н. Лозановой в кн. «Песни и сказания о Разине и Пугачёве» № 22, стр. 52.

Песнь эта, по замечанию А. Н. Лозановой, один из старейших вариантов песни разинцев-казаков (стр. 363).

40. О Салтыкове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 360—361.

Согласно примечанию С. Гуляева, «записано в Барнауле со слов крестьянки Фетиньи Тырышкиной, предки которой вышли из Архангельской губ.» (л. 361). Напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...», стр. 44—45; перепечатано в книге «Былины и исторические песни» № 14, стр. 84—85.

В примечании к песне Гуляев пишет: «Относится к соловецкому сидению».

Действительно песня является откликом на возмущение монахов Соловецкого монастыря, начавшееся в 1657 году с протеста против реформы Никона и перешедшее затем в открытое восстание, поддержанное беглыми холопами и окрестным населением. Восстание с трудом было подавлено военной силой лишь в 1676 г.

Песня приписывает разгром монастыря Салтыкову, на самом деле осадой руководил Мещеринов.

41. Князь Голицын

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 164—165.

Рукопись написана Гуляевым, на ней примечание: «Песню эту мы слышали от ямщика в Тюменском уезде и в Барнауле от певца былии крестьянина Тупицына и старика заводского мастерового; в ней чего-то недосказано» (л. 164).

Этот же текст имеется в архиве, записанный А. Лазебниковым в Ордынке (л. 134). Существенной разницы между тем и другим текстами нет.

Напечатано Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», стр. 49; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 15, стр. 85.

По замечанию М. Азадовского: «в основе этой песни лежит факт возвращения в Москву князя Василия Васильевича Голицына, любимца и приближённого царевны Софьи, после его неудачного похода в Крым» (стр. 169).

42. О князе Голицыне

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 35, л. л. 3—4.

Записано В. И. Гуляевым в Локтевском заводе. Прислано с письмом от 23 января 1858 года. Данный текст является вариантом к тексту № 40.

43. О Шереметьеве

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214, л. л. 138—139.

Записано А. Лазебниковым в Ордынском. Рукопись без названия, правлена Гуляевым, озаглавлена им «О Шереметьеве».

В архиве имеется вторая беловая рукопись песни (л. 167) с примечанием «Записана в с. Ордынском Барнаульского уезда».

Печатаем по рукописи Лазебникова. Взятые в скобки слово (семьсот) — вставлено С. Гуляевым. Последняя строчка была Гуляевым вычеркнута.

Напечатано Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...» стр. 51—52; перепечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 16, стр. 86.

Характерным для данного варианта песни о Шереметьеве является то, что действие в ней перенесено с севера на юг, вместо шведов в ней выступают турки, что быть может можно объяснить тем, что Шереметьев участвовал в войне против турок и против шведов.

44. О З. Г. Чернышёве

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 114.

Записано И. Стрижковым в Колывани. Вариант этой песни записан С. Гуляевым в Барнауле (л. 166).

З. Г. Чернышёв — вельможа, служивший при Петре I и Екатерине. Во время семилетней войны он участвовал в сражении против немцев, занимал Берлин. Популярность его в народных песнях объясняется, на наш взгляд, тем, что во время Пугачёвского восстания один из подвижников Пугачёва Зарубин-Чика принял это имя.

45. О Суворове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. л. 113—114.

Записана Ив. Стрижковым в Колывани, помещается в тетради

вместе с другими песнями, присланными им С. И. Гуляеву с письмом от 10 февраля 1868 г.

В архиве имеется вариант этой песни, записанный А. Лазебниковым в Ордынке (л. 136). Суворов здесь заменен генералом без имени. Аналогичный текст имеется также в архивной тетради, озаглавленной «Русские народные песни», (л.л. 175—176, № 17).

В книге «Былины и исторические песни» напечатаны варианты песен о Суворове (стр. 152—153), записанные Потаниным в Бухтарме. Первый из этих вариантов весьма близок нашему.

Факт, описываемый в песне о Суворове (смерть Суворова в войне против прусского короля), не соответствует действительности. Суворов участвовал в войне с Пруссией в чине подполковника, был ранен. Но песня интересна тем, что говорит о большой любви народа к великому полководцу.

О широкой популярности песни о Суворове в Алтайском горном округе говорит не только наличие ряда вариантов её, но и тот факт, что она исполнялась во время игры «Взятие снежного городка», описанной С. И. Гуляевым (см. архив ф—д—36, л. 35, л.л. 13—14, 5—6).

46. О Кутузове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 169—170.

От кого и где записано — не указано.

Песня, повидимому, солдатская, маршевая, о чём говорят и ритм её и такие выражения, как —

«Бериксон наш генерал
Он удумал это так,
Чтоб итти нам всем вот так...»

47. О Платове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 165—166.

Записана в Барнауле, от кого — не указано.

В архиве находится ещё несколько записей этой песни: Ив. Стрижкова из Колывани (л. 110); Лазебникова из Ордынска (л. 138), Обрядина — из Гавриловского завода (л. 264) и в архивной тетради «Русские народные песни» (л. 170—171).

Это свидетельствует о большой популярности песни в южной Сибири. Песня эта имеется в ряде записей, сделанных в последнее

время в Сибири: в Нарыме (см. сб. «Русский фольклор Нарыма», стр. 167—168). Она записана в 1948 году экспедицией кафедры литературы Новосибирского педагогического института в Сузунском, Ордынском районах Новосибирской области.

48. О войне 1854—1855 годов

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 121. Записана И. Стрижковым в Колывани, от кого — не указано. Песня является откликом на события Крымской войны России 1854—1855 гг. против англо-французских и турецких захватчиков. В ней говорится о героизме и самоотверженности русских солдат в борьбе за родину.

Текст песни редкий. Вариант её в сб. Т. М. Акимовой «Фольклор Саратовской области», Саратов, 1946 г., стр. 85, № 29

ПЕСНИ — БАЛЛАДЫ

49. Полонянин

(Молодец в плену татарском)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 35.

Рукопись беловая, рукой Гуляева; озаглавлена «Про полонянина». Где, от кого записана — не указано.

Напечатана Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...» стр. 59; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 18, стр. 87—88.

Песня относится к числу произведений о татарской неволе. Последняя строчка в предшествующих публикациях не печаталась.

50. Девушка в лодке атамана

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. л. 122—123.

Записана И. Стрижковым в Колывани.

В препроводительном письме С. И. Гуляеву от 10 февраля 1868 года Стрижков пишет:

«Наконец-то я имею счастье препроводить лепту моих трудов. Собранные мною стихи, по Вашему указанию, неполны, т. е. требуют большой поправки с вашей стороны, а с моей, чего требовалось и мог, — я сделал; они написаны более простонародно, но впрочем Вы сами увидите» (л. 109).

Напечатано Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...», стр. 57—58; перепечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 20, стр. 89.

Опубликованные тексты песни значительно отличаются от рукописи Ив. Стрижкова.

В рукописи «Уж вы девушки, да наши детушки», напечатано «Уж вы детушки, да наши красные»; в рукописи «Чёрным бархатом уколочена» — напечатано «Рытым бархатом уколочена», в рукописи «Крупным жемчугом изнасечена» — напечатано «Крупным жемчугом вся унижена» (стих. 19), в рукописи «Гребцами-молодцами изнасажена» — напечатано «Что гребцами она изнасажена» (стих. 21). Последняя строчка рукописи «Воля вечная бесконечная» в публикации была вовсе выброшена.

51. О девице, доставшейся с дувану молодцу

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 351.

Рукопись рукой Гуляева, где, от кого записано — не указано. Напечатано Вс. Миллером «Исторические песни...» стр. 57—58. Перепечатано в кн. «Былины и исторические песни», № 19, стр. 88.

52. Молодец и казна монастырская

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214, л. 357.

Записано С. Гуляевым в Барнауле от Тупицына.

Напечатано Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», стр. 72—73; перепечатано в кн. «Былины и исторические песни», № 17, стр. 86—87.

53. Марьюшка вдовья дочь

Печатается по кн. «Былины и исторические песни» № 21, стр. 90. Согласно примечанию в этой книге (стр. 171), песня записана С. Гуляевым в Барнаульском округе. Там же говорится: «В примечании собирателя указано, что поётся только в посты как духовные стихи».

54. Молодец возвращается к жене

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214, л. л. 352—353.

Записано Гуляевым в Барнауле, вероятно от Л. Тупицына.

Рукопись полевая. При правке Гуляев в стихах 4, 5, 6, 16, 21, 27, 29, 30, 31, 36, 37 выбросил начальный союз «и».

В редакции Гуляева напечатано Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», стр. 70—72. Перепечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 22, стр. 91.

55. Про князя Михайлу

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214, л. 228.

Записано Д. Соколовым в Сузунском заводе, от кого — неизвестно. Текст песни прислан Д. Соколовым Гуляеву при письме от 8 мая 1854 г.

Впервые напечатан по рукописи арх. АН в кн. «Былины и исторические песни» № 38, стр. 127—128. Здесь он отнесён, видимо на основании данных С. Гуляева, к сказителю Половникову.

Песня-баллада про князя Михайлу известна в ряде записей. Для данного варианта характерен зачин из былины о Чуриле (см. № 28).

В публикуемом М. Азадовским тексте строчки 3, 4, 6, вставлены, вероятно, Гуляевым.

56. Князь Волконский и Ваня ключник

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. л. 349—360.

Рукопись беловая рукой С. Гуляева, озаглавлена «Про князя Волконского и любимого его ключника». От кого и где записана — не указано.

Напечатана Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...», стр. 66—68; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 10, стр. 76—78.

Особенностью данного варианта является то, что действие перенесено в Киев, князь Волконский называется Владимиром, а жена его именем жены Владимира — Апраксией.

57. Гришутка ключник

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф—д—36, д. 214, л. 139.

Записано А. Лазебниковым в Ордынском.

Напечатано Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...» стр. 69—70; перепечатано в кн. «Былины и исторические песни» № 28, стр. 103.

Текст представляет вариант песни о князе Волконском и Ваньке ключнике, имя Вани заменено Гришуткой.

Песня начинается с былинного зачина. Действие происходит в Киеве у князя Владимира; Волконский заменен князем Владимиром.

58. Про кулика-травника

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л.л. 354—355.

Записано С. Гуляевым в Барнауле.

Рукопись полевая рукой Гуляева. Правлена собирателем. В стихах 3, 4, 5, 10, 11, 14, 16, 17, 19, 22, 23, 27, 29, 31, 33, 35, 43, 49, 51 зачёркнут начальный союз «и».

В редакции С. Гуляева текст был напечатан Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...» стр. 74—76, перепечатан в кн. «Былины и исторические песни...» № 12, стр. 82—83.

М. Азадовский в заметке к этому тексту приводит примечание С. Гуляева: «Это сатирическое произведение мы слышали от двух лиц в разных местах. По содержанию оно одинаково с песнею в «Древних Российских стихотворениях», но ни к песням, ни к былинам его отнести нельзя, оно поётся или вернее рассказывается речитативом, далеко непохожим на тот напев, который помещён в «Древних Российских стихотворениях» (стр. 167).

В своей статье «О сибирских круговых песнях» Гуляев упоминает эту песню, слышанную им от свадебного дружки Ивана Максимовича Калистратова в Барнауле. Запись Гуляева даёт единственный вариант к тексту Кирши Данилова.

59. «Не вечерняя заря приутихла...»

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева ф—д—36, д. 214, л. 214.

Согласно примечанию на рукописи, «эта песня записана в разных местах со слов старых людей».

Песня, по всей видимости, сложилась среди волжской вольницы, бурлаков.

Первая часть песни имеется в собрании Соболевского, т. I, стр. 324—325, № 246.

НАРОДНАЯ СВАДЬБА

Народная свадьба записана С. И. Гуляевым в Алтайском горном округе в 40-х годах XIX в. Опубликована в «Этнографических очерках южной Сибири» (Журнал «Библиотека для чтения», 1848 г., т. 90, стр. 1—47).

В архиве С. И. Гуляева хранится большое количество полевых материалов о народной свадьбе в записях корреспондентов. Имеется беловая рукопись свадебного обряда. В основном тождественная с опубликованным в «Этнографических очерках» (ф—д—36, л. 214, л. л. 254—263, 368—390); в этой рукописи несколько листов недостаёт.

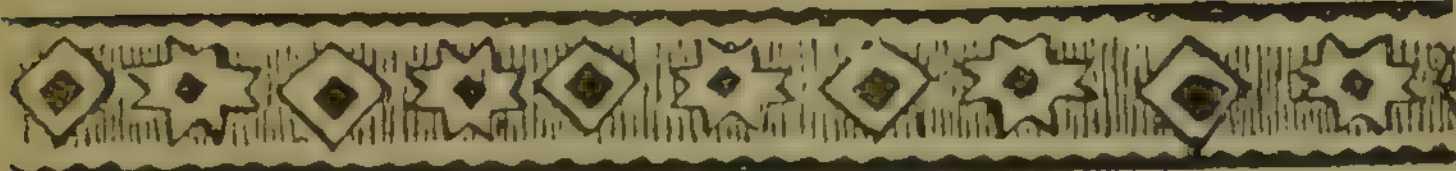
К свадебным песням, записанным С. И. Гуляевым у Сахарова, в кн. «Сказание русского народа», ч. III, кн. 2, 1837 г. имеются следующие варианты:

к № 1 — № 1 (стр. 9 — сокращённый вариант);	
к № 2 — № 2 (стр. 10);	к № 3 — № 3 (стр. 10);
к № 12 — № 4 (стр. 11—12);	к № 13 — № 7 (стр. 13);
к № 14 — № 8 (стр. 13—14);	к № 20 — № 12 (стр. 17);
к № 21 — № 10 (стр. 14—15);	к № 23 — № 15 (стр. 20);
к № 34 — № 226 (стр. 184);	к № 36 — № 160 (стр. 143);
к № 40 — № 43 (стр. 42);	к № 41 — № 31 (стр. 33);
к № 55 — № 30 (стр. 32);	к № 68 — № 88 (стр. 82).

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Лирические песни собраны С. И. Гуляевым в Алтайском горном округе, первоначально напечатаны в ст. «О сибирских круговых песнях» («Отечественные записки», 1839 г. № 3, стр. 153—172), затем в большем количестве в работе «Этнографические очерки южной Сибири» («Библиотека для чтения», 1848 г., т. 90, стр. 59—112).

Варианты к лирическим песням С. И. Гуляева в сб. Сахарова «Сказание русского народа», ч. II, 1837, № 5, 6, 7, 8.

С Л О В А Р Ъ

СТАРИННЫХ, МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

А

Алтын — монета в три копейки.

Б

Базыга — хрыч, глуздырь.

Бежать — ехать.

Белояровая — светлая, отборная, высокого качества.

Берлин — старинная карета, рыдван, колымага.

Берчатый — узорчатый, браный.

Бурзаецкий — см. Мурзонецкий.

В

Вальяжный — резной, точёный, прочный, крепкий.

Вен, вьон — венок.

Вершить — кончать; головой вершить — жизнь покончить, сломать голову.

Выжлык — гончая собака.

Г

Глуздырь — умник (в насмешливом смысле).

Гольяшный — см. вальяжный.

Гридня, гридница — княжеский покой, приемная комната.

Гость, гостиный сын — купец, купеческий сын.

Д

Дел — место, где делят добычу, добыча.

Довлеть — довольно, полно, достаточно.

Доступать — выручать, добывать, освобождать.

Дуван — сходка для дележа добычи, делёж добычи или заработка.

Е

Елбан — холм.

Ж

Живот — имущество.

З

Завечать — загадывать.

Завозенка — конюшня, сарай.

Закликнуть — позвать.

Знимать — поднимать.

Зуй — небольшой кулик.

Зычный — звучный.

И

Изобраться — вызваться.

Ископыт — копать, пыль от бега кони.

К

Казна — деньги, имущество, богатство, драгоценности.

Камка, камочка — шёлковая ткань с разводами.

Клеть — комната.

Крековый, крековистый — кряжистый, старый.

Косая сажень — мера от носка отставленной правой ноги до конца среднего пальца, протянутой по одной линии с ногой левой руки или наоборот.

Косица — висок.

Косячатый — окно с косяками, с косяками в отличие от волокового.

Крепок — нагрудник.

Куна — кунница.

Куть — кухня в старой крестьянской избе.

Л

Лавница — лавка.

Летовочка — к лету относящаяся.

М

Меженный — летний.

Младен — ребёнок.

Морянин — плавающий по морю хозяин мореходного судна.

Мумренный — крепко заделанный, закупоренный.

Мурзаецкий, мурзалецкий — татарский, восточный, от слова «мурза».

Н

Назолушка — грусть, тоска, огорчение.

Намёт — убор, шитьё.

На носок востер — ловкий, хитрый, себе на уме. «Поговорка эта, — поясняет Гуляев, — происходит от борьбы с носка, в которой поединщики берут друг друга правой рукой за ворот зипуна или армяка, а носком левой ноги стараются подхватить выставленную вперёд правую ногу противника, или наоборот — носком правой ноги — левую. Нам случалось видеть, что при этом вострый на носок борец перекидывает «через себя поединщика» — (Архив Гуляева, д. 214, л. 249).

Наотворот — в ответ.

На особицу — отдельно.

Напрокучить — надоесть, наскучить.

На пяту — широко, настежь.

Насад — лодка, судно с поднятыми нашивными бортами.

Насадка — наконечник.

Начиженный — нацежено, приготовлено.

Недосуг — некогда.

О

Обручница — невеста.

Обстала — обступила.

Окатистый — пологий.

Опочив держать — спать, отдыхать.

Отчина — родина, отечество.

П

Паволока — ткань бумажная и шёлковая, дорогая привозная.

Плат — платок.

Подмолчиный — сплетник, клеветник.

Покорить — упрекнуть.

Палица — боевая дубинка с утолщением на конце.

Поленица — богатырь.

Полонянин, полоняночка — пленник, пленница.

По-писаному — всежливо, по заведённой обычаю.

Пороша, пороха — первый снег, рыхлый снег, идущий в безветрие и потому прикрывающий землю ровно.

Поченый — пропитанный потом.

Провещать — проговорить.

Р

Реленка — перила, поручни.

Ременчатый — складной на ремнях.

Росстань — место, где дорога расходится в разные стороны.

Рушать — резать, делить.

С

Сбойчавый — буйный, наглый.

Сдывать — поднимать.

Сиповка, сыповка — народный музыкальный инструмент, дудка из тростника.

Скатный — круглый, крупный, ровный.

Скурлат — палач, происходит от народного прозвища главы опричнины Ивана Грозного Малюты Скурлатова (Скурлатова).

Стает — встаёт.

Стоятель — защитник.

Ступисчатый — шагистый, т. е. идущий плавным, скорым шагом, иноходью.

Сыта — сычённая мёдом вода, медовый взвар, разварной мёд на воде.

Т

Таволожная — сделанная из дерева таволожника, степной берёзы.

Талан — участь, судьба.

Тароватенький — великодушный, щедрый, расторопный, бойкий, проворный.

Трегро-петро — опахало.

Турка — турок.

У

Управа — посадка.

Ф

Фата, фатица — платок.

Х

Хволынское море — Каспийское море.

Хлопать — врать, пустобанить, распускать вздорные слухи.

Хрущатый — с узорами.

Ч

Чадо — дитя.

Чинжалище — кинжал.

Честливый — вежливый, обходительный.

Чеботы — сапоги.

Чумбур — повод уздечки, за который водят коня.

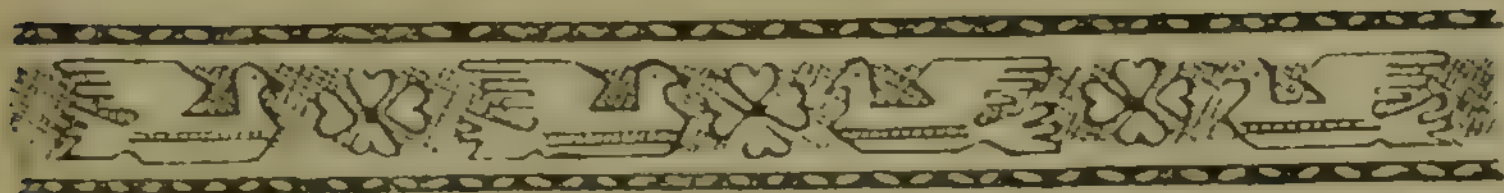
Ш

Шалыга — плеть, кнут, погонялка.

Шанец — окоп, канава.

Шелепуга — широкий толстый ремень, употребляемый вместо плети.

Шелом — холм, пригорок; шеломы окатисты — пологие, но обрывистые, куполообразные.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Славороссова. С. И. Гуляев — краевед
и собиратель народного творчества. 3

БЫЛИНЫ

1. Илья Муромец (Первая поездка его в Киев)	55
2. Илья Муромец и царь Калин.	62
3. Про Илью Муромца и царя Калина	67
4. Илья Муромец и богатырь Турок	71
5. Об Илье Муромце и Алеше Поповиче	72
6. Про Илью Муромца и Тугарина	73
7. Об Илье Муромце и Бориске	75
8. Илья Муромец и сын его	79
9. Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со змеем)	81
10. Добрыня Никитич и Василий Казимерской	91
11. Про Добрыню и жену его (отрывок былины)	100
12. Первый выезд Алеши Поповича	101
13. Алеша Попович и Еким Иванович	102
14. Алеша Попович	107
15. Об Алеше Поповиче	108
16. Михаил Казарятин	111
17. Василий Пьяница	116
18. Суханьша Замантьев	119
19. Скимен-зверь	121
20. Скимен-зверь	122
21. Скимен-зверь (Рождение богатыря)	124
22. Рождение богатыря	126
23. О Дунае Ивановиче	127
24. Ставер Годенович	129
25. Иван Годенович	134
26. Иван Гостиный сын	140
27. Про Чурила Пленковича	143
28. Чурило Пленкович	146

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

29. Кострюк Иземзюрьевич и царь Иван Васильевич	149

30. Про Ивана Грозного (Царь Иван Васильевич и сын)	152
31. Царь Иван Васильевич и сын	156
32. Покушение на царя	160
33. Об Иване Грозном (Правеж).	162
34. Про царя Ивана Васильевича (Правеж)	163
35. О царском соколе	165
36. Ермак Тимофеевич	166
37. Князь Михайло Скопин	167
38. Сын Степана Разина	169
39. Казнь Степана Разина	170
40. О Салтыкове	171
41. Князь Голицын	173
42. О князе Голицыне	174
43. О Шереметьеве	175
44. О З. Г. Чернышеве	176
45. О Суворове	178
46. О Кутузове	179
47. О Платове	180
48. О войне 1854—1855 годов	182
ПЕСНИ — БАЛЛАДЫ	183
49. Полонянин (Молодец в плену татарском)	183
50. Девушка в лодке атамана	184
51. О девушке, доставшейся с дувану молодцу	185
52. Молодец и казна монастырская	186
53. Марьюшка вдовья дочь	187
54. Молодец возвращается к жене	189
55. Про князя Михайлу	191
56. Князь Волконский и Ваня ключник	193
57. Гришутка ключник	196
58. Про кулика-травника	197
59. «Не вечерняя заря приутихла...»	199
НАРОДНАЯ СВАДЬБА	201
ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	249
Песни круговые, обрядные	249
Песни круговые	275
Песни проголосные	287
Приложение. Сказитель Л. Г. Тупицын	299
Примечания	304
Словарь	331

Редактор издательства Р. Крымкевич
Художник О. Гинзбург.
Технический редактор В. Лисина.
Корректоры: Р. Вильнер и О. Соколова.

Сдано в набор 25/XII-51 г. Подписано к
печати 14/II-52 г. Бумага 84 X 108/32 =
= 5,5 бум. л. — 17,22 печ. л. Изд. л 17.
МН 02616. Тираж 5000. Цена 10 р. 50 к

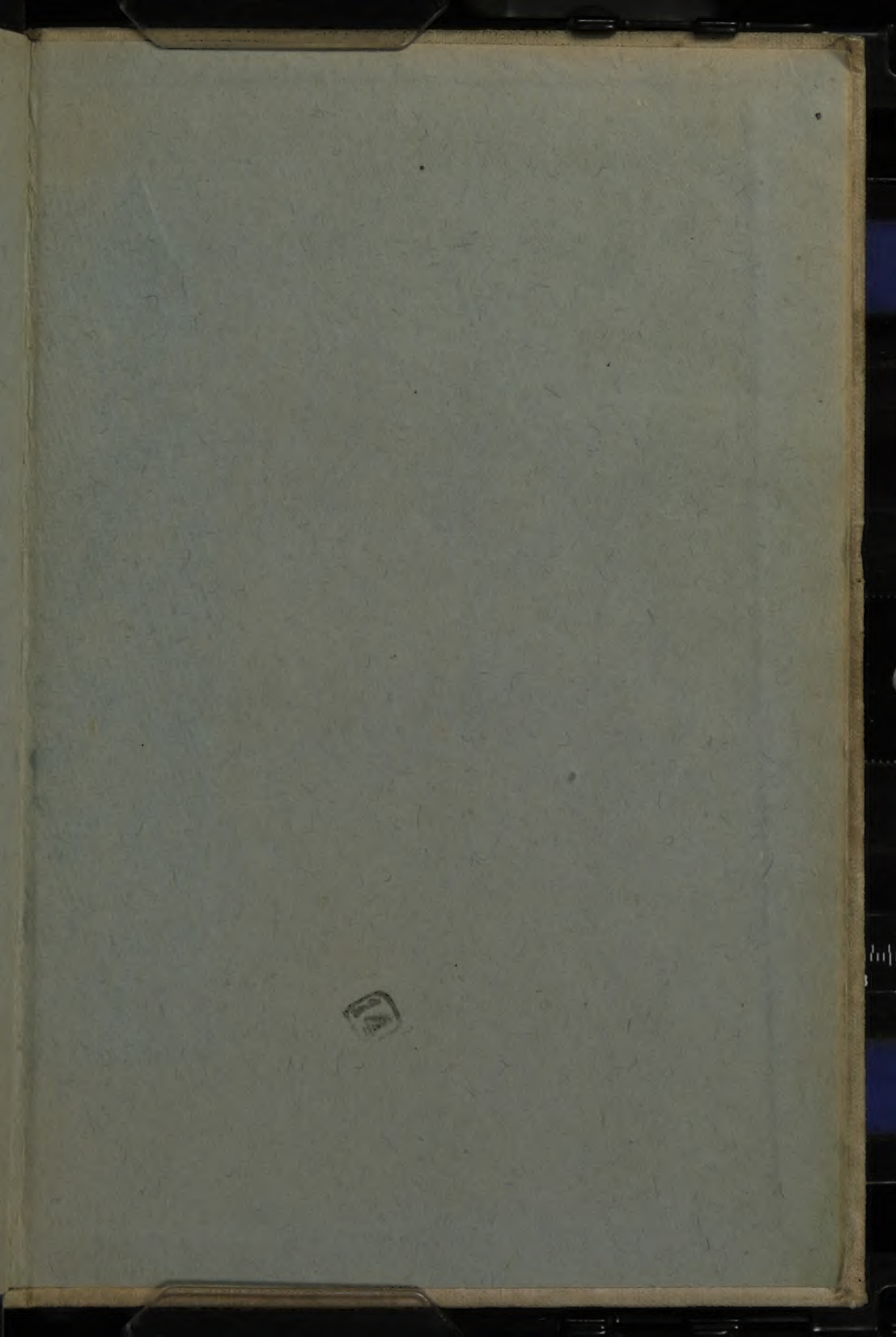
г. Новосибирск.
Типография № 1 Полиграфиздата.
Заказ № 1723

Издательство просит Ваши отзывы об этой книге присылать по адресу: Новосибирск, Советская, 6, областное государственное издательство.

Книги, выпускаемые Новосибирским областным государственным издательством, высылаются отделом «Книга—почтой» Роскниготорга по заказу.

Заказы направлять по адресу: Новосибирск, Красный проспект, 21, магазин № 1 Роскниготорга, отдел «Книга—почтой»

①

Item 3 p. 104